След в Истории

ИЗ ЖИЗНИ СОЛДАТА

ЭРИХ ФОН МАНШТЕЙН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Настоящее издание представляет собой вторую книгу воспоминаний известного немецкого военачальника генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна, автора знаменитых мемуаров `Утерянные победы`. В книге рассказывается о жизни и деятельность Манштейна в период между двумя мировыми войнами, прежде всего о его участии в возрождении военной мощи Германии. Автор приводит в своих воспоминаниях целых ряд малоизвестных исторических фактов и высказывает много оригинальных суждений по поводу важнейших исторических событий предвоенного периода.

- Эрих фон Манштейн
  - Введение
  - I Рейхсвер в Веймарской республике
  - II. Третий Рейх: Рейхсвер и вермахт в предвоенные годы
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

Эрих фон Манштейн
Из жизни солдата

Введение

Родительский дом и воспитание

Чиновник телеграфа в провинциальном тюрингском городке Рудольштадт, принявший 24 ноября 1887 года телеграмму из Берлина, был, вероятно, немало озадачен ее содержанием. Телеграмма была адресована командиру расквартированного в Рудольштадте батальона майору Георгу фон Манштейну и его супруге Хедвиг, урожденной фон Шперлинг. Если верить молве, текст телеграммы был следующий: «У Вас родился здоровый мальчик. Мать и младенец чувствуют себя хорошо. Примите самые сердечные поздравления! Хелене и Левински». Так мир узнал о моем появлении на свет.

Здесь необходимо пояснить, что в тот день, 24 ноября 1877 года, в Берлине у моего отца Эдуарда фон Левински и у его жены Хелене, урожденной фон Шперлинг, родился десятый ребенок. Но обстоятельства сложились так, что, родившись в семье Левински, я жил и рос в семье Манштейнов. Еще до моего крещения меня передали моим приемным родителям, и с тех пор я ношу их фамилию. Все дело в том, что у моей родной матери была младшая сестра, моя будущая приемная мать Хедвиг фон Манштейн, которая не могла иметь детей. Сестры нежно любили друг друга и незадолго до моего рождения, с согласия моего родного отца, договорились о том, чтобы в случае рождения мальчика отдать его на воспитание в семью Манштейнов. Я и моя сестра Марта, которую Манштейны удочерили после безвременной смерти ее отца, брата моей родной матери, были окружены в этой семье такой любовью и заботой, которой обычно удостаиваются родные дети самых заботливых родителей.

О том, что Манштейны были моими приемными родителями, я узнал в раннем детстве. Впрочем, это не внесло никакого разлада в отношения между ними и моими настоящими родителями, прежде всего благодаря их взаимной любви и тесной привязанности друг к другу. А так как я почти сразу после моего появления на свет оказался в семье Манштейнов и вырос в ней, именно они заняли в моей жизни место родного отца и родной матери.

В семьях Левински и Манштейнов, главы которых сами были кадровыми военными, с глубоким почтением относились к

обычаям и традициям прусской военной элиты, к которой так или иначе принадлежали их близкие и далекие предки. Прусским офицером был, к примеру, мой прадедушка Левински, который начинал свою службу с низших чинов. Мой дедушка в чине фаненюнкера участвовал в войне 1806 года, а после производства в офицеры — и в освободительных войнах против Наполеона. Двое его сыновей, одним из которых был мой отец, служили в Генеральном штабе и закончили свою военную карьеру в должности командиров армейских корпусов. Еще четыре старших брата моего отца также были офицерами. И в родословной моих «матерей» было немало представителей разных поколений, посвятивших свою жизнь офицерской службе в прусской армии.

Манштейны принадлежат к одному из древнейших германских родов, начало которому было положено еще тевтонскими рыцарями. Их далекие предки принадлежали к первым прусским землевладельцам, из которых постепенно выкристаллизовалась славная военная династия. После принятия христианства Манштейны пережили немало бед и тяжелых военных испытаний. Большинства своих владений они лишились в результате разорительного нашествия армии Наполеона.

В связи с этим, видимо, не приходится удивляться тому, что и я с ранней юности мечтал стать солдатом. Очевидно, во мне проснулись гены моих далеких предков, не мысливших своей жизни без армии.

Быт семьи Манштейнов характеризовался скромностью и простотой, хотя и был лишен показного аскетизма, столь свойственного некоторым представителям древних прусских родов. В их доме царил дух почтения к христианству и уважения к традициям и ценностям прусского офицерства. Мои приемные родители не испытывали материальной нужды, достаток семьи складывался из доходов от имущества, пожалованного моим предкам германским королем за их заслуги во франко-прусской войне 1870/71 годов. И хотя ни о каком особом «богатстве» нашей семьи не могло быть и речи, мы все же были избавлены от повседневной заботы о хлебе насущном. В этой связи уместно заметить, что определенная финансовая независимость и обусловленное этим отсутствие необходимости делать карьеру ради приобретения материальных благ следует расценивать не только как важное обстоятельство, говорящее в пользу государственного служащего, но и как весьма полезное качество такого чиновника для самого государства.

В детстве я отнюдь не отличался крепким телосложением, однако благодаря умеренным, а в кадетском корпусе — достаточно жестким физическим нагрузкам я окреп настолько,

что при вступлении в армию врачи признали меня ограниченно годным к военной службе. Известную роль при этом, очевидно, сыграло и мое тщеславное желание ни в чем не отставать от моих сверстников.

Я был довольно жизнерадостным и достаточно сообразительным подростком с покладистым характером. Моя непоседливость и рассеянность на уроках отнюдь не способствовали успешным занятиям в школе, в результате чего я частенько вынужден был довольствоваться такими оценками моих учителей, как «удовлетворительно» и «весьма посредственно». Правда, к экзаменам я относился более серьезно и не испытывал почти никакого страха перед экзаменаторами, что обычно позволяло мне сдавать экзамены с более высокими результатами, чем те, на которые я, по мнению моих наставников, мог рассчитывать по итогам повседневных учебных занятий.

Мне кажется, что уже в раннем детстве я обладал достаточно развитым чувством справедливости, сочетавшимся с довольно сильным духом противоречия. Я не был скандалистом, но готов был спорить всегда и по любому поводу с кем угодно. Хрупкое телосложение не позволяло мне доказывать мою правоту с помощью кулаков, но я так и не смог заставить себя признавать чей-либо авторитет без достаточных на то оснований. Нетрудно догадаться, что в зрелом возрасте я был для своих начальников далеко не самым удобным подчиненным. Вместе с тем авторитет моих родителей был для меня абсолютно непререкаемым. Прежде всего это относится к мнениям и советам моего отца, жизнь и деятельность которого я считал образцом преданности идеалам чести, справедливости и долга.

Одно из самых ярких воспоминаний детства связано с моим пребыванием в Страсбурге, где я с 1894 по 1899 год посещал школу. В 1890 году я поступил в кадетский корпус, об обучении в котором давно мечтал. По сей день я с удовольствием вспоминаю шесть лет, проведенные в этом учебном заведении. Принятые в нем строгости и лишения были целиком и полностью оправданы его назначением, заключавшимся в подготовке воспитанников к трудностям военной службы. Многие из них поначалу весьма болезненно переживали разлуку с родными и близкими и с трудом привыкали к жизни в коллективе своих сверстников. Я благодарен моим тогдашним командирам и воспитателям за то, что они помогли мне стать тем, кем я стал: кадровым военным. В кадетском корпусе я получил основательную физическую закалку, между прочим, более эффективную, чем та, которую дают в обычных школах. Программа обучения кадетов соответствовала программе реальной гимназии и в случае ее успешного

прохождения обеспечивала выпускникам возможность поступления в высшее учебное заведение. К нескрываемому удивлению некоторых из моих учителей я окончил кадетский корпус с оценкой «хорошо».

Поступление на военную службу и Первая Мировая война

В марте 1906 года я в чине прапорщика был зачислен в 3-й гвардейский пехотный полк, в котором прослужил до самого начала войны. Гвардия существовала отнюдь не только для участия в парадах. Требования к боевой подготовке гвардейцев были очень высокими, их образ жизни никак нельзя было назвать праздным. Принадлежность к гвардии обязывала лишь к максимальной отдаче сил и отнюдь не располагала к высокомерию.

После объявления мобилизации в 1914 году я был назначен на должность адъютанта 2-го гвардейского резервного полка, формирование которого было поручено нашему полку. В составе нового полка я участвовал в овладении Намюром, в битве на Мазурских озерах и в осеннем походе в Польшу. В ноябре 1914 года меня тяжело ранило. После выздоровления я был направлен в штаб генерала фон Гальвица в качестве помощника начальника оперативного отдела. В ходе наступательных операций на севере Польши и в Сербии в 1915 году, во время сражения под Верденом в 1916 году я получил начальное представление о формах и методах руководства наступательными действиями в оперативном звене. С началом битвы на р. Сомме я был назначен офицером Генерального штаба в штаб вновь сформированной 1-й армии, которой командовал генерал Фриц фон Белов, один из наиболее талантливых командующих армиями, обязанный своим выдвижением генералу фон Лоссбергу, прославившемуся своим умением организовывать и вести оборонительные действия. В этой должности я принял участие в крупномасштабных наступательных операциях на р. Сомме в 1916 году и в Шампани в 1917 году. После кратковременного пребывания в должности начальника оперативного отдела штаба 4-й кавалерийской дивизии, принимавшей участие в боях на территории Курляндии и Эстляндии, я был переведен на Запад и назначен в мае 1918 года начальником оперативного отдела штаба 213-й ударной пехотной дивизии. В составе этой дивизии я участвовал в майском наступлении германской армии под Реймсом и в последующем тяжелом отступлении на рубежи вблизи Седана.

Революция в Германии и перемирие на фронтах

ознаменовали собой окончание первого этапа моей военной карьеры. Отныне вместо императора, на верность которому присягала германская армия, мы должны были верой и правдой служить своему народу и своей обновленной родине.

Собственная семья.

В начале января 1920 года я познакомился с Юттой Сибиллой фон Лёш и уже 10 января мы заключили помолвку. 10 июня состоялась наша свадьба.

Моя жена была дочерью капитана кавалерии в запасе Артура фон Лёша и его супруги Амалии, урожденной фон Шак. Жизнь нескольких поколений предков моих новых родственников была уже на протяжении более чем ста лет теснейшим образом связана с Силезией. Мой тесть владел здесь тремя имениями, одно из которых — Бучкау в районе Намслау— должно было по Версальскому договору отойти к Польше, вместе с рядом соседних территорий, коренным населением которых были немцы. Данное решение не было оправданным ни по историческим, ни этнографическим соображениям. Соглашение о границах вступило в силу вскоре после нашей помолвки, поэтому в Бучкау нам удалось побывать только один раз. Так мы испытали на себе последствия Версальского диктата.

Моя жена вышла за меня в девятнадцать лет. Кроме нее, в семье фон Лёша было пять братьев, четверо из которых стали офицерами и участвовали во второй мировой войне. Один из братьев моей жены, Эгберт фон Лёш, заканчивал школу и по этой причине прожил с нами пять лет. В 1939 году, сразу после начала войны, погиб старший брат Ютты, и мы взяли к себе его сына. И Эгберт фон Лёш, и наш приемный сын погибли на войне, причем последнего эта участь постигла в апреле 1945 года в возрасте 17 лет.

Пора, наконец, сказать несколько слов и о моей собственной маленькой семье.

В первую годовщину свадьбы состоялись крестины нашего первого ребенка, дочери Гизелы.

Родившийся у нас через год сын Геро в звании лейтенанта воевал на Восточном фронте и погиб в семнадцатилетнем возрасте в боях у озера Ильмень.

Наш младший сын Рюдигер родился в 1929 году в Берлине.

Радость и счастье, которые доставляло нам рождение и воспитание родных и приемных детей, а также печаль и горе, вызванные их утратой, мы с женой всегда переживали вместе и

сумели пронести свою молодую любовь через всю нашу совместную жизнь.

В лице моей Ютты я приобрел любящую и заботливую супругу, верного друга и помощника. Кто бы ни пришел к ней, он всегда находил понимание и поддержку с ее стороны. При этом она почти не думала о самой себе и постоянно жертвовала собой ради нас, ее близких, а также ради многих посторонних людей, с судьбами которых ей приходилось соприкасаться. Она не изменила своей привычке к самопожертвованию и после того, как на весь немецкий народ обрушились тяготы и лишения мировой войны; мы потеряли одного из наших любимых родных сыновей, обоих приемных сыновей, многих других близких людей и, наконец, лишились самой родины. В этот трагический период моя жена сумела выжить и поставить на ноги нашего младшего сына, который в конце войны еще ходил в школу. А когда я сам предстал перед английскими судьями, она всеми силами поддерживала и воодушевляла меня своим присутствием в зале суда, помогая мне с честью и достоинством встретить несправедливый приговор.

I Рейхсвер в Веймарской республике

Последствия революции и капитуляции для морального духа немецких солдат

Любые рассуждения о так называемом «духе рейхсвера», об отношении к нему страны и народа имеют смысл только в том случае, если принимать во внимание то глубокое воздействие, которое оказал переворот 9 ноября и капитуляция германской армии 11 ноября 1918 года на офицерский корпус, которому предстояло составить костяк вновь формируемой армии. Возникший на развалинах кайзеровских войск, рейхсвер был обречен на то, чтобы нести на себе отпечаток трагических событий, предшествовавших его созданию.

Когда 9 ноября 1918 года германский император отрекся от престола и перебрался в Голландию, для военных это, в отличие от простых граждан, означало нечто большее, чем простую смену государственного строя. Для многих из них, прежде всего для тех, кто считал себя наследниками прусских военных традиций, это означало полный крах и утрату смысла жизни. Прежняя армия была плоть от плоти «императорской», вся ее деятельность была неразрывно связана с личностью монарха. Верность и преданность императору, основанные на присяге, выходили за рамки политики и имели под собой этические основы.

Для армии именно император, а не какой-то абстрактный «народ» или «государство», был «точкой кристаллизации» ее верноподданнических чувств. В среде военных никогда не употреблялось выражение «государственная служба», речь могла идти исключительно о «службе императору». При этом не имело никакого значения личное отношение того или иного солдата к личности конкретного монарха. Армия служила не Вильгельму Второму, а «Императору». Германские монархи формировали армию, вся ее сущность была проникнута идеей императорской власти. Ни в одной другой стране мира не существовало такого отношения между армией и короной.

В тот самый день, когда последний германский император под давлением революции вынужден был отречься от престола, все, что так или иначе было связано в душе немецкого солдата с императорской властью, раз и навсегда исчезло. Свергнутый император не оставил после себя никого, кто мог бы хоть как-то реанимировать монархическую идею, и 9 ноября эта идея было безвозвратно утеряна.

Своими суждениями я ни в коей мере не хочу принизить личность императора Вильгельма. Бесспорным является то, что его решение отречься от престола и уехать в Голландию было продиктовано стремлением уберечь немецкий народ от гражданской войны и надеждой на скорейшее заключение почетного для Германии мира. Вместе с тем очевидно, что последний германский император едва ли был способен проявить волю и твердость, необходимые для успешного продолжения борьбы на внутреннем и внешнем фронтах. Этому властителю Германии, который благодаря своей внешности производил на окружающих впечатление сильной личности, на самом деле явно не хватало качеств, требуемых для управления державой, находящейся в состоянии войны. Нити управления империей выпали из его рук задолго до отречения от престола. Несостоятельность Вильгельма в роли главы государства выявилась сразу после неожиданного и явно нежеланного для него развязывания мировой войны. Таким образом, 9 ноября была лишь поставлена точка в истории его отречения от престола, которое фактически произошло значительно раньше.

После падения монархии немецкие солдаты оказались перед необходимостью выбора новых ориентиров. Кто мог восполнить им потерю императора?

«Государство»? Оно давно дискредитировало себя в их глазах как беспомощная игрушка в руках партий и политических движений. Государство утратило свой былой моральный авторитет и представало для своих граждан прежде всего в образе всемогущей чиновничьей машины. К тому же республиканская форма правления была явно не по душе большинству граждан Германии, так как она фактически была навязана им держава- ми-победительницами, то есть явилась прямым следствием военного поражения.

«Народ»? В демократическом смысле это был действительно бесспорный наследник авторитета монархии. Однако вскоре выяснилось, что никакой мало-мальски выраженной народной воли, которая могла бы компенсировать авторитет короны, нет, даже по самым насущным вопросам политического и экономического развития. Поскольку новый государственный строй был по существу навязан меньшинством нации ее большинству, народ раскололся на три большие группы. Правые и левые, относившиеся друг к другу как к смертельным врагам, были единодушны только в том, что результаты «революции» их ни в коей мере не удовлетворяли, пусть даже и по диаметрально противоположным причинам. Между ними располагались центристы, которые хотя и отстаивали демократические

принципы, однако были в основной своей массе крайне неоднородны. Другими словами, «центр» состоял из представителей партий и политических движений с различным мировоззрением, с несовпадающими политическими и экономическими взглядами. Поэтому было бы крайне опрометчиво утверждать, что именно центристы могли претендовать на роль выразителей народных чаяний. Впрочем, представители обоих крайних флангов могли рассчитывать на это в еще меньшей степени. Так как же могло понятие «народ» заменить армии идею монарха, если народ находился в состоянии раскола и сам не знал, чего он хочет? Душой многие солдаты были на стороне правых, которые, так же, как они, скорбели по монархии. Долг обязывал их служить государству, даже если их и не вполне устраивало его нынешнее устройство, и они исполняли свой долг. Однако ни государство, отношение к которому в народе было весьма неоднозначным, ни сам народ, который не обладал единой политической волей, не могли занять в сознании военных то место, которое еще недавно безраздельно принадлежало самодержавному монарху.

Таким образом, в силу перечисленных выше причин на смену имперской идее в сознании тогдашней армии пришли не «государство», не «народ» (и тем более не какая-то партия), а некое абстрактное понятие «рейха». Оно объединило в себе народ и государство как нечто достойное поддержки и защиты.

Людям непосвященным такая преданность немецкого солдата столь неопределенному, почти мистическому понятию может показаться непонятной, а многим немцам — достойной сожаления. Как бы то ни было, она как нельзя более точно отражает сущность немецкого национального характера. В любой другой стране армия в аналогичной ситуации, скорее всего, осталась бы монархистской или стала бы республиканской. В Германии с ее многовековыми традициями военного строительства невозможно было ни с того ни с сего, тем более за короткий срок стать республиканцем. Вместе с тем, присущее немецкому солдату представление о воинском долге не позволяло ему вступать в борьбу с новым, пусть даже и не совсем устраивающим его государством. В понятии «рейх», олицетворявшем имперскую идею как таковую и не зависящем от конкретного государственного строя, были одновременно заключены предпосылки более поздней позиции армии по отношению к режиму Адольфа Гитлера. В условиях, когда Германия вела войну не на жизнь, а на смерть, перед армией не могло стоять иной задачи, кроме самоотверженной защиты рейха от любых врагов. Такая позиция ни имеет ничего общего ни с

национал-социалистским мировоззрением, ни с попытками во что бы то ни стало спасти созданную при Гитлере государственную машину.

Революция 9 ноября и ее последствия поставили перед немецкими солдатами такую новую задачу, как защита рейха не только от внешней угрозы, но и от попыток внутренних врагов нарушить статус-кво, будь то левые экстремисты с их призывами к государственному перевороту, или сепаратисты различного толка. Отныне армия была призвана по мере возможности заменить собой ту силу, которая при монархическом режиме обеспечивала целостность государства.

Совершенно очевидно, что подобные внутриполитические функции не могли понравиться ни одной армии мира. Взор солдата всегда обращен в сторону внешних врагов. Он готов решительно защищать свободу и независимость родной страны, но не желает быть слепым орудием насилия по отношению к собственному народу. Стоит ли удивляться тому, что созданный через некоторое время вермахт весьма охотно отказался от своих внутриполитических функций, как только авторитарное государственное руководство сочло возможным избавить его от этого. Основаниями для такого решения стали, таким образом, с одной стороны, определенные традиции монархического периода истории страны, и, с другой стороны, уроки ноябрьской революции, продемонстрировавшие нецелесообразность применения армии для поддержания порядка в государстве.

Подобно тому, как революция 9 ноября предопределила новое положение армии в государстве и отношение солдат к власти, точно так же последствия подписания соглашения о перемирии стали определяющими для уточнения роли военных как вооруженных защитников рейха от внешнего врага.

Результатом подписания соглашения о перемирии стала полная беззащитность Германии, которая согласилась на это после предварительных переговоров германского правительства с президентом Соединенных Штатов Америки как полномочным представителем союзных держав. В ходе этих переговоров Германия согласилась выполнить пресловутые «14 условий Вильсона». Хорошо известно, чем это все закончилось: версальский диктат решительно противоречил духу и букве этих условий и, по выражению лорда Бакмастера, «стал актом бесчестия, который навсегда вошел в историю в качестве одного из самых ее позорных пятен».

Хаос в армии

9 ноября 1918 года перед германскими сухопутными войсками, которые на Западе еще находились в соприкосновении с противником, а на Востоке располагались вдоль прерывистой и неустойчивой линии фронта и были частично деморализованы, стояли три задачи:

• возвращение миллионов солдат на родину ввиду непрекращающегося натиска противника и полного нарушения путей подвоза и эвакуации;

• поддержка нового правительства с целью предотвращения хаоса и анархии; —противодействие дальнейшим попыткам польских повстанцев пересечь восточную границу рейха и поселиться на его территории.

Возвращение на родину

Генерал-фельдмаршал фон Гинденбург предоставил свой опыт и знания в распоряжение нового правительства, что позволило почти без потерь осуществить отвод войск как с Западного, так и с Восточного фронтов. Это была последняя и одна из наиболее удачных акций германского Генерального штаба. О том, в каких тяжелых условиях она происходила, можно судить хотя бы по тому, что на Западе союзники предъявили крайне жесткие требования по срокам отвода войск, которые не были оправданы ни военными, ни политическими соображениями.

Однако, несмотря на крайнюю измотанность личного состава и полную неразбериху в тылу, армия с энтузиазмом отнеслась к решению новых задач и успешно преодолела все связанные с этим немалые трудности, в том числе и политические проблемы, доставшиеся ей от недавней революции.

213-я пехотная дивизия, начальником оперативного отдела штаба которой я был в то время, вела тяжелые оборонительные бои под Седаном. Как и большинству командиров других фронтовых соединений, командованию дивизии удалось, несмотря на свержение императора, до последнего поддерживать высокий моральный дух личного состава.

Во время отхода дивизия получила приказ прибыть во Франкфурт, где к тому времени сложилась тревожная политическая обстановка. Все, что связано с прибытием и размещением нашей дивизии во Франкфурте, прочно запечатлелось в моей памяти. Жители приветствовали нас так, как будто мы вернулись после победоносного сражения. Дома, мимо которых мы проходили, были увешаны флагами, тысячи людей толпились на улицах, открыто выражая свой восторг по поводу нашего возвращения, и осыпали нас цветами.

В Бад-Киссингене нашей дивизии пришлось задержаться на несколько недель, поэтому Рождество нам пришлось отпраздновать вдали от наших семей. В начале января 1919 года полкам было приказано выдвинуться в места своей постоянной дислокации. При этом некоторые части и подразделения артиллерийского полка, сформированного в Восточной Пруссии, добровольно отправились в Курляндию. Штаб дивизии был расформирован, и я уехал в Берлин, в свой родной 3-й гвардейский пехотный полк, где мне предстояло демобилизоваться из армии.

Добровольцы на службе правительства

В Берлине моего полка не оказалось. Как и все прочие гвардейские полки, он в полном порядке был отведен с фронта на родину. Все оставшиеся в строю солдаты полка были отправлены в Гросс-Лихтерфельде, где из них и остатков других гвардейских пехотных частей был сформирован добровольческий батальон.

Я намеревался отправиться в Курляндию, чтобы присоединиться к нашему резервному полку, однако вместо этого мне пришлось по приказу главного управления Генерального штаба выехать в Магдебург в штаб армейского корпуса, чтобы принять участие в формировании добровольческих частей.

Внутриполитическая обстановка в рейхе, и прежде всего в Берлине, за период, прошедший после ноябрьской революции, стала еще более напряженной. Тяжелые бои вернувшейся с фронта гвардейской кавалерийско-стрелковой дивизии со спартакистами и ряд других столкновений подобного рода, происшедших за короткое время, продемонстрировали, насколько непрочными были еще позиции правительства народных уполномоченных во главе с Эбертом. Было совершенно очевидно, что измотанная в боях и ослабленная вполне естественным стремлением многих солдат как можно скорее вернуться домой армия была не в состоянии эффективно защищать новое правительство, которое к тому же почти не пользовалось симпатиями в армейской среде.

Первым, кто своевременно разглядел смысл происходящих событий, был майор фон Шлейхер, будущий рейхсканцлер. Он выступил с предложением отказаться от попыток сохранить выведенные с фронта части и соединения и вместо этого приступить к формированию на их базе добровольческих частей. Реализация этого предложения привела бы, с одной стороны, к сокращению численности армии, однако, с другой стороны, вновь сформированные добровольческие части могли быть надежной опорой для правительства. Председатель правительства народных

уполномоченных, будущий президент Германии Эберт, поддержал предложение Шлейхера. Если принять во внимание, что в то время законное правительство могло быть в любую минуту свергнуто спартакистами, а также то, что деятельность недавно образованного Центрального совета солдатских депутатов фактически сделала старую армию непригодной для защиты правительства, следует признать, что данное решение Эберта было единственно верным. Только таким путем можно было обеспечить проведение выборов в Национальное собрание и последующую вооруженную поддержку правительства и парламента.

Впрочем, добровольческие формирования, успешно справившиеся с поставленной перед ними задачей, так и не дождались от власти даже простой благодарности. Что же касается того обстоятельства, что в дальнейшем некоторые из этих «фрейкоров» в той или иной мере превратились в сборища ландскнехтов, представлявшие угрозу для государственной власти (как это проявилось, например, через год во время путча Каппа), то это было, по всей видимости, неизбежно в сложившейся обстановке. Правительство явно не могло полагаться на добровольческие формирования в течение длительного времени. Вместе с тем очевидно, что без них Веймарская республика и ее институты едва ли смогли бы просуществовать дольше нескольких месяцев.

Что касается задачи, возложенной на меня в Магдебурге, то очень скоро выяснилось, что в то время она была невыполнимой. Тогдашнее руководство Саксонии, вопреки решению правительства, категорически отказывалось помогать нам при формировании добровольческих частей. Деятельность штаба корпуса была фактически парализована. При таких обстоятельствах я не хотел продолжать сидеть в Магдебурге без дела. А так как наш резервный полк уже был передислоцирован в Курляндию, то я обратился к командованию с просьбой откомандировать меня в полк для участия в охране границы с Польшей. Вскоре меня назначили на должность офицера Генерального штаба главного командования пограничной охраны «Восток», расквартированного в Бреслау. Так я снова оказался в подчинении глубоко уважаемого мною генерала фон Лоссберга, занимавшего там пост начальника главного штаба.

Главное командование пограничной охраны «Восток» было образовано верховным главнокомандованием сухопутных войск (ОХЛ), имея задачу предотвратить проникновение на германскую территорию польских повстанцев. Ему подчинялись войска, дислоцированные в восточных районах Пруссии и несколько

вновь сформированных добровольческих частей. В его рядах находилась также значительная часть сельского населения приграничных районов.

Несмотря на такой неоднородный состав и сложную обстановку на границе, командование в целом справилось с поставленной перед ним задачей. Вскоре командование прекратило свое существование в связи с подписанием Версальского мирного договора и последующей демаркацией новой восточной границы Германии.

Бои, развернувшиеся в 1921 году в окрестностях Аннаберга после того, как польские повстанцы попытались силой добиться пересмотра результатов голосования в Верхней Силезии, начались после расформирования командования пограничной охраны «Восток». С немецкой стороны в них принимали участие только добровольцы.

Версальский мирный договор

В связи с решением вопроса о подписании или неподписании германской стороной Версальского мирного договора перед военным руководством неожиданно встала еще одна проблема.

Как известно, сообщение о предварительных условиях «мирного» договора вызвало настоящую бурю возмущения по всей Германии. Рейхсканцлер Шейдеманн произнес слова о руке, которая должна отсохнуть, если она посмеет подписать такой договор. В то же время над всем немецким народом висела реальная угроза противоречащей нормам международного права «голодной блокады» со стороны держав-победительниц. Ближайшим последствием отказа от подписания договора могла стать интервенция союзных армий. На фоне этой трудноразрешимой дилеммы в правительстве и среди депутатов Национального собрания развернулись ожесточенные споры о том, должна ли Германия уступить давлению своих врагов.

В столь неопределенной обстановке командование вооруженных сил просто обязано было подготовиться к любому исходу переговоров в Версале. При этом оно заранее отчетливо представляло себе, что в случае отклонения договора и последующей интервенции с Запада германские войска смогут в лучшем случае вести лишь сдерживающие оборонительные действия. А как будет развиваться обстановка на Востоке? Ведь в случае вторжения армий западных держав на территорию Германии подписанное ранее соглашение о перемирии автоматически утратит силу. Можно было предположить, что в этом случае Польша не упустит случая попытаться отхватить у Германии еще Целый ряд территорий. Для немецкой стороны в

этой ситуации логичнее всего было бы нанести Польше упреждающий удар. В ноябре 1918 года поляки воспользовались благоприятной для них обстановкой и захватили провинцию Позен, поставив Германию перед свершившимся фактом. Сам собой напрашивался вывод о том, что теперь немецкая армия должна нанести внезапный удар и вернуть себе утраченные тогда территории.

Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что данный план отнюдь не являлся попыткой армии решать внешнеполитические вопросы через голову правительства. Ведь определенные шансы на успех у этого плана могли появиться только в случае его тщательного согласования с правительством, которое взяло бы на себя смелость отказаться от подписания мирного договора. Самоуправство военных в данном вопросе не могло привести ни к чему хорошему, даже несмотря на гарантированную поддержку со стороны многих немецких патриотов.

Как известно, одним из тех, кто склонил правительство к решению подписать договор в Версале, был генерал Грёнер. В своем экспертном заключении Грёнер настаивал на том, что Германии придется подписать условия мира ввиду почти завершившегося разоружения армии и абсолютной бесперспективности идеи всенародного восстания по образу и подобию восстания 1793 года. Вполне понятно, что заключение Грёнера не нашло поддержки в офицерской среде, в том числе у его сослуживцев в Генеральном штабе. Тренеру пришлось подготовить и распространить среди сотрудников Генерального штаба меморандум, в котором он подробно изложил мотивы, побудившие его дать такое заключение. Он, в частности, привел в нем сведения о численности германских войск и о степени обеспеченности их оружием и боеприпасами, свидетельствовавшие о полной невозможности длительного противодействия иностранной агрессии. По его мнению, немецкие войска не смогли бы удержаться на рубежах Рейна и Везера, да и на Эльбе они не способны были бы оказывать длительное сопротивление. Он также констатировал, что отнюдь не весь немецкий народ готов снова взвалить на себя тяготы и лишения, связанные с очередной кровопролитной войной. В меморандуме говорилось и о возможности отделения Баварии или даже всей Южной Германии, и даже об опасности коммунистического переворота.

По существу аргументов, изложенных Тренером в его меморандуме, трудно было что-либо возразить. Этот документ являл собой образец безупречной оценки обстановки, которая

сделала бы честь любому офицеру Генерального штаба. Безнадежность обстановки, в которую германская армия попала бы в случае агрессии союзников, была очевидной. Нельзя было также исключить возможность еще большего ужесточения условий мирного договора и раскола Германии под влиянием растущих сепаратистских и прокоммунистических настроений. Было бы также весьма опрометчиво сбрасывать со счетов отдаленные последствия возможной «голодной блокады» Германии.

Доводы генерала Грёнера звучат довольно убедительно, отказ от подписания мирного договора на предложенных условиях означал бы игру ва-банк со стороны Германии. Однако теперь, по прошествии многих лет, нельзя не задаться вопросом о том, не оказалось ли бы такое решение в отдаленной перспективе более благоприятным для судьбы немецкого народа, чем приход к власти Гитлера и развязывание второй мировой войны, явившиеся прямым следствием грабительских условий Версальского мирного договора? Впрочем, однозначного ответа на этот вопрос, по-видимому, нет и сейчас.

Создание рейхсвера

Формирование частей и соединений рейхсвера

После расформирования главного командования пограничной охраны, в котором я проходил службу, я был временно прикомандирован к генералу фон Лоссбергу в качестве его помощника. Для этого мне предстояло отправиться в Берлин, где генерал возглавлял организационный комитет по формированию будущих сухопутных войск Германии.

Функции данного комитета были довольно ограниченными, так как державами-победительницами уже была детально разработана будущая структура германской армии. Как известно, Германии было предложено сформировать сухопутные войска на добровольной основе со сроком службы 12 лет. В их составе должно было быть сформировано два командования групп войск, в подчинении которых находились бы 7 пехотных и 3 кавалерийских дивизии, состав, численность и вооружение которых также были строго регламентированы. Таким образом, задачи организационного комитета сводились к тому, чтобы в заданных жестких рамках отыскать наилучший вариант решения данной проблемы.

Осенью 1919 года я был назначен на должность офицера Генерального штаба при созданном в Касселе 2-м командовании

группы войск рейхсвера, начальником главного штаба которого стал все тот же генерал фон Лоссберг.

В этот период происходило переформирование остатков прежней армии, так называемого «временного рейхсвера», с целью приведения его структуры и численности в соответствие с требованиями Версальского мирного договора.

«Временный рейхсвер» состоял из 24 бригад общей численностью около 400 тысяч человек, которую предстояло сократить до 100 тысяч человек и сформировать из них 7 пехотных и 3 кавалерийских дивизии. Нетрудно догадаться, что решение этой задачи было связано с немалыми трудностями для командования сухопутных войск и сопровождалось справедливым недовольством военнослужащих, подлежавших в связи с этим демобилизации. Дело в том, что еще существовали добровольческие части, порядок и дисциплина в которых основывались на личной преданности солдат своим командирам и на принципе круговой поруки. Добровольцы не без основания полагали, что в благодарность за их участие в защите правительства, а также в противодействии польским повстанцам и в отражении большевистской угрозы с востока их части следовало бы в полном составе включить во вновь формируемую армию. Вместе с тем было очевидно, что по крайней мере часть «фрейкоров» не отвечала представлениям об армии как об инструменте государственного руководства, предназначенном для решения исключительно военных задач.

Что касается значительной части кадровых офицеров[1], увольнение которых со службы становилось неизбежным, то многие из них в этом случае оставались фактически без средств к существованию. Перспективы их трудоустройства в гражданском секторе были весьма туманными ввиду тяжелого положения в экономике и нежелания многих предпринимателей и руководителей государственных учреждений принимать на работу бывших офицеров. К тому же уход из армии был тяжелым испытанием для людей, целиком и полностью посвятивших себя военной службе.

Зона ответственности 2-го командования группы войск, в составе которого я отвечал только за организационную сторону переформирования сухопутных войск, распространялась на западные и южные районы рейха. И если наше командование, по общему мнению, довольно успешно справлялось со своими задачами, то в деятельности 1-го командования, расквартированного в Берлине, имелись серьезные проблемы, связанные прежде всего с тем, что, во-первых, в его зоне ответственности находилось большинство добровольческих

частей, и во-вторых, с тем, что в его задачу входило расформирование частей и соединений, расположенных в прибалтийской зоне. Одним из следствий нерешенности этих проблем явился путч Каппа.

Путч Каппа и его причины

В течение осени и лета 2-е командование группы войск занималось переформированием сухопутных войск. 13 марта 1920 года генерал фон Лоссберг ознакомил работников своего штаба с сообщением из Берлина о том, что в столице создано новое правительство во главе с министром кабинета Каппом и что главнокомандующим всеми германскими войсками назначен генерал фон Лютвиц, незадолго до этого возглавивший 1-е командование группы войск. Подробности событий в Берлине командующему не были известны, никаких указаний от законного правительства не поступало, связь с ним отсутствовала. Генерал фон Лоссберг отдал нам распоряжение не выполнять приказов, которые могли бы поступить из 1-го командования группы войск. Тем самым все мы отмежевались от берлинских путчистов и не допустили распространения путча на подчиненные нам войска.

В Касселе, разумеется, было известно о возникших в последнее время в Берлине острых разногласиях между имперским правительством в лице имперского военного министра Носке и генералом фон Лютвицем. Камнем преткновения послужил вопрос о расформировании добровольческих частей, прежде всего расквартированной в Деберице бригады Эрхарда. О намерении совершить государственный переворот 2-е командование группы войск проинформировано не было. Не было известно в Касселе и об ультиматуме, который генерал фон Лютвиц направил имперскому правительству в ночь накануне ввода войск в Берлин.

Представители различных политических партий — социал-демократических, демократических, Центристских — обратились к нашему командованию за разъяснениями. Генерал фон Шелер проинформировал их о том, что события в Берлине явились для командования группы войск полной неожиданностью и что оно так же, как и все, не получало распоряжений от правительства Эберта и даже не знает, где в настоящее время находится это правительство. Однако эти разъяснения, по всей видимости, не удовлетворили наших гостей, а один из них даже задал фон Шелеру явно провокационный вопрос: «Господин генерал, может быть, Вы просто ждете исхода противостояния, чтобы затем присоединиться к победителю?» К сожалению, генерал фон Шелер немного замешкался и вместо того, чтобы решительно

отвергнуть содержащийся в этом вопросе циничный намек, лишь презрительно отмахнулся от спрашивающего.

Большинство частей и соединений рейхсвера сохранило верность законному имперскому правительству. Вместе с тем происшедшие события наглядно продемонстрировали то, насколько губительными оказались последствия революции 1918 года для авторитета и дееспособности военного руководства.

Надо полагать, никто не сомневался в том, что предводители путча Капп и Лютвиц в своих действиях руководствовались только патриотическими мотивами, а вовсе не своими властными амбициями. Как рассказал мне однажды зять генерала фон Лютвица барон фон Хаммерштейн-Экворд (во время описываемых событий он являлся офицером Генерального штаба при 1-м командовании группы войск, затем стал начальником управления сухопутных войск), его тесть находился в плену навязчивой идеи, будто бы он обязан в последний момент спасти рейх, находящийся на краю гибели. Кстати, сам Хаммерштейн, начальник главного штаба 1-го командования группы войск генерал фон Ольдерсхаузен, а также начальник оперативного отдела штаба, будущий генерал-фельдмаршал фон Бок, отказались присоединиться к путчистам и за это были временно отстранены от исполнения своих служебных обязанностей.

Что же касается других наших коллег в восточных районах страны, прежде всего генерала фон Леттов-Форбека, прославившегося удачной организацией обороны в Восточной Африке, а также ряда других высокопоставленных военных и гражданских руководителей, которые поддержали правительство Каппа — Лютвица, то их позицию легко объяснить тогдашней политической ситуацией в Германии. Позиции правительства, сформированного по итогам ноябрьской революции, были еще слишком слабы именно в восточных районах страны. Кроме того, многие известные военные и политики так и не простили имперскому правительству подписание версальского диктата. Однако главной причиной недовольства явилось то психологическое давление, которое оказывали на сторонников путчистов неумолимо приближающиеся сроки передачи некоторых восточных районов Рейха Польше, а также части территории Шлезвига Дании. На всех этих территориях вскоре должны были состояться плебисциты, в процессе подготовки к которым в народе все чаще раздавались призывы к формированию нового правительства, которое было бы способно более решительно отстаивать национальные интересы Германии. Таким образом, выполняя приказ своего командующего генерала фон Лютвица, части и соединения, дислоцированные в восточных

районах страны, фактически действовали заодно с большей частью проживавшего там населения. Известную роль сыграло и недовольство личного состава добровольческих корпусов предстоящим их расформированием, о чем речь уже шла выше.

Принципиально иное положение сложилось на тех территориях, которые входили в зону ответственности командования группы войск со штабом в Касселе, то есть в центральных, южных и западных районах рейха (за исключением территорий, оккупированных союзниками). С самого начала было ясно, что берлинский путч не найдет здесь такой поддержки у населения, которая могла бы быть в дальнейшем использована для оправдания действий путчистов. Жители данных районов, за исключением коммунистов и их сторонников, в большинстве своем смирились со сложившимся положением. Да и масштабы территориальных уступок, которые распространялись на эти районы, были значительно меньше. Вместе с тем местное население вполне обоснованно опасалось интервенции союзных держав в случае прихода к власти в Германии неугодного им правительства. А тот факт, что это правительство пришло к власти в результате военного переворота, только усилил негативное отношение народа к нему.

Однако больше всего армия была обеспокоена возможностью развязывания гражданской войны между сторонниками и противниками путчистов. Достигнутый с таким трудом и такой еще непрочный порядок мог быть в любой момент нарушен в результате беспорядков и восстаний, которые могли вспыхнуть в Рурском промышленном районе и в центральной части страны по инициативе коммунистов (дальнейший ход событий частично подтвердил обоснованность таких опасений). Наконец, можно было ожидать активизации деятельности различных сепаратистских течений.

Даже если на время забыть об обязанности сохранять лояльность правительству, сформированному по итогам выборов в Национальное собрание, то и в этом случае было понятно, что путчисты не только не могли рассчитывать на то, чтобы распространить свое влияние на всю территорию рейха, но и представляли в сложившейся обстановке серьезную угрозу самому существованию государства. О применении военной силы по отношению к путчистам в Берлине не могло быть и Речи, так как необходимо было во что бы то ни стало предотвратить столкновение частей и соединений рейхсвера между собой. Впрочем, быстрый провал путча позволил за несколько дней вновь нормализовать обстановку.

Более тяжелые последствия, чем кратковременное смятение,

вызванное путчем Каппа — Лютвица, имел призыв правительства ко всеобщей забастовке. Во многих местах, в том числе в Касселе, забастовки вылились в беспорядки, для подавления которых пришлось использовать войска.

Наиболее критическая ситуация сложилась в Рурском промышленном районе. Здесь вспыхнуло заранее подготовленное крупномасштабное восстание под предводительством коммунистов, для которых путч служил поводом, а всеобщая забастовка — способом захвата власти. В восстании принимали участие хорошо вооруженные отряды, некоторые из них были оснащены тяжелым вооружением. Об их возможностях свидетельствует, в частности, такой факт, как нападение на артиллерийскую батарею регулярных войск, весь личный состав которой был уничтожен. Некоторые подразделения рейхсвера, которые находились в стадии реорганизации и поэтому были еще не полностью укомплектованы личным составом и боевой техникой, были оттеснены восставшими на нейтральную территорию, где и были разоружены западными союзниками. Кстати, последние и пальцем не пошевелили для того, чтобы поддержать в этой борьбе законное германское правительство. Скорее наоборот, именно они позволили восставшим замкнуть кольцо осады вокруг Безе ля.

В целях подавления восстания потребовалось стянуть из разных районов рейха значительное количество частей и соединений для того, чтобы сначала блокировать Рурский промышленный район и затем в результате тяжелых и кровопролитных боев разгромить повстанцев. Некоторое время спустя 2-му командованию группы войск пришлось в Тюрингии участвовать в подавлении еще одного прокоммунистического мятежа, что также потребовало сосредоточения значительного количества войск и боевой техники.

К сожалению, описанные выше кровавые события оказались не единственным наследием путча Каппа — Лютвица. Он не прошел бесследно и для морального духа солдат рейхсвера. Совершенно очевидно, что почти каждый из них мучительно размышлял над смыслом и последствиями событий, в которых им пришлось участвовать.

Солдат и политика

Путч Каппа — Лютвица был первым случаем в Длительной истории германско-прусских сухопутных войск, когда генералы вместе с подчиненными им частями и соединениями и в союзе с определенными политиками посягнули на авторитет государственной власти. Впрочем, было бы неправомерно

возлагать всю вину за случившееся на армию, упрекая ее (как и произошло впоследствии) в предательстве интересов страны и нарушении воинского долга, хотя бы потому, что основная часть рейхсвера не имела никакого отношения к путчу. Ожесточенная критика, обрушившаяся на рейхсвер, воспринималась многими солдатами как досадное недоразумение. Разве не те же самые политики, которые обрушились с критикой на рейхсвер, еще совсем недавно, всего полтора года назад сами воспользовались беспомощностью государства, ослабленного длительной кровопролитной войной, для достижения своих политических целей путем революции? Как бы то ни было, но путч в Берлине впервые поставил вопрос о политической роли армии, что не только в корне противоречило традициям немецкой армии, но и грозило подорвать ее доселе непререкаемый авторитет в народе. Ведь до сих пор народ представлял себе армию исключительно в роли надежной защитницы родины от внешних врагов и главной опоры государства.

Во избежание недоразумений хотелось бы подчеркнуть, что вышеизложенное отнюдь не является попыткой идеализации некоего совершенно аполитичного солдата. Армия не может оставаться безучастной к происходящим вокруг нее политическим процессам. Вместе с тем для солдата безусловно существует одно абсолютное табу: он никогда не должен вставать на сторону той или иной политической силы и тем более не имеет права становиться инструментом в ее руках.

Путч Каппа и его провал наглядно продемонстрировали непригодность армии для участия в подобного рода акциях. Точнее говоря, военные в принципе могут, особенно при наличии так называемой «революционной ситуации», свергнуть любое правительство. Весь вопрос, однако, заключается в том, способны ли те силы, за которыми пошла армия, успешно довести начатое дело до конца. Организаторы путча Каппа оказались на это неспособны.

Однако провал путча обусловлен не только слабостью его организаторов. Более того, неудачу путчистов нельзя объяснить и призывом имперского правительства ко всеобщей забастовке, ибо к тому времени, когда она началась, исход путча уже был предрешен. Главная причина заключается в том, что идея вооруженного свержения законной власти не получила поддержки основной массы немецкого народа. Сторонниками путчистов была лишь незначительная часть населения восточных районов империи, которым предстояло больше всех пострадать от последствий подписания Версальского мирного договора. Кроме того, им явно не хватило решительности и определенной доли

безрассудства, столь необходимого для успеха любых революционных предприятий.

Военные не могли не думать и об опасностях, Которыми грозил Германии путч Каппа. Главной из них была опасность гражданской войны, которой удалось избежать лишь благодаря скоротечности путча и отказа большей части рейхсвера от поддержки путчистов. К счастью, дело ограничилось лишь кровавыми столкновениями в Рурском промышленном районе и беспорядками в Тюрингии.

Еще одну опасность таила в себе угроза раскола и даже распада армии, которые могли окончательно погубить государство, едва оправившееся от военных потрясений. Главная заслуга в предотвращении этой угрозы принадлежит, разумеется, руководителям рейхсвера, сохранившим преданность законному правительству. Однако не следует недооценивать и взвешенную позицию руководства страны, и прежде всего имперского президента Эберта, которые «не наломали дров» после провала путча.

Ход и исход путча с его реальными и предполагаемыми последствиями убедительно доказал, что путь, по которому пошла часть рейхсвера, поддержавшая путчистов, был не просто вынужденным в сложившихся обстоятельствах, а принципиально неверным, противоречащим не только давним традициям немецкой армии, но и здравому смыслу и политической целесообразности.

После преодоления тяжелого кризиса, в который государство, народ и армия были ввергнуты в результате путча Каппа—Лютвица, рейхсвер вновь приступил к решению организационных вопросов переформирования войск. Однако теперь повышенное внимание уделялось укреплению морального духа солдат. Генерал фон Сект, назначенный главнокомандующим сухопутными войсками, провозгласил два основных требования к своим подчиненным: авторитет и лояльность. Армия была отстранена от участия в политических процессах, что как нельзя лучше соответствовало настроениям солдат и офицеров, извлекших непростые уроки из недавнего путча. Генерал фон Сект мог теперь с полным правом рассчитывать на их преданность и чувство долга.

В связи с вышеизложенным остается упомянуть еще о двух событиях, которые так или иначе затронули рейхсвер: так называемый путч Бухруккера в Кюстрине и «пивной путч» Гитлера в Мюнхене.

Путч Бухруккера в сентябре 1923 года представлял собой попытку так называемого «черного рейхсвера» (т. е. нелегальных

частей и подразделений, сформированных из добровольцев) овладеть небольшой крепостью Кюстрин. Ни расположенный там гарнизон, ни какая-либо иная инстанция рейхсвера не имели к этому никакого отношения. Благодаря решительным действиям коменданта гарнизона полковника Гудовиуса, который лично арестовал Бухруккера, удалось избежать кровопролития, путч был подавлен в самом его начале. Тем не менее эти события стали поводом для пересудов и нелестных высказываний в адрес рейхсвера. Так называемый «черный рейхсвер», существование которого невозможно было скрыть, давно вызывал раздражение и протесты демократических партий, которые видели в нем попытку военных подготовить для себя нелегальные кадры, которые при случае могли бы быть использованы в целях военного переворота. Следует признать, что решение о создании этих добровольческих формирований, предназначенных для немедленного усиления регулярной армии на случай очередной попытки коммунистического переворота или интервенции со стороны Польши, было ошибочным, прежде всего потому, что часть данных формирований поддерживала контакты с по-настоящему антиправительственными политическими силами. Что касается военного руководства, то никому из его представителей и в голову не приходила мысль об использовании «черного рейхсвера» против законной власти. Впрочем, эти части и подразделения были вскоре расформированы.

Что касается гитлеровского путча в ноябре 1923 года, то он повлек за собой более тяжелые последствия. Как известно, Гитлеру и его единомышленникам удалось при моральной поддержке генерала Людендорфа временно завоевать симпатии курсантов Мюнхенского пехотного училища, в котором велась подготовка командных кадров для сухопутных войск. Не приходится удивляться тому, что в обстановке послевоенной неразберихи и глубочайшего национального унижения совсем еще молодые и неопытные курсанты поверили лозунгам нацистов. Большинство из них тяжело переживали беспомощность рейха перед превосходящими силами его противников. Как бы то ни было, но большая группа будущих офицеров проявила неповиновение и нарушила присягу. После подавления путча порядок в училище был восстановлен. Главнокомандующим сухопутными войсками были приняты весьма жесткие меры к участникам путча. Наиболее строго были наказаны командиры, которые не смогли обеспечить дисциплину и порядок в своих подразделениях.

О том, какое влияние оказал этот мятеж на будущие взаимоотношения между рейхсвером и НСДАП, речь пойдет ниже.

Путчи Каппа — Лютвица и Гитлера показали, что в кризисных ситуациях существование не только режима, но и самой страны может оказаться в зависимости от того, сохранит ли армия верность присяге. Нельзя превращать армию в объект политического торга, не рискуя тем самым поставить под удар основы любого государственного строя.

Командир роты в Ангермюнде

1 октября 1921 года я был назначен командиром 6-й роты 5-го пехотного полка, дислоцированной в небольшом городке Ангермюнде. Служба в Ангермюнде имела для меня особое значение прежде всего потому, что после длительного пребывания в Генеральном штабе я снова оказался в войсках. Для молодого офицера, каковым я был в то время, не было ничего лучше, чем заниматься обучением и воспитанием солдат, которые были всего лишь на несколько лет моложе его. Свою задачу я видел в том, чтобы не только научить моих подчиненных боевому мастерству, но и подготовить наиболее способных из них к службе в качестве унтер-офицеров на случай непредвиденного увеличения численности сухопутных войск. Я старался привить им навыки самостоятельного мышления и побудить к проявлению инициативы, что во все времена было одной из самых сложных задач воинского воспитания. Минимальной боевой единицей постоянного состава в то время было пулеметное или стрелковое отделение. Чрезвычайно важно было обеспечить между солдатами, входившими в его состав, тесное и плодотворное взаимодействие. Ведь любые задачи они всегда решали вместе и жили в одном помещении, которое обустраивали по собственному вкусу.

После двух лет, проведенных в должности командира роты, я, как и другие офицеры Генерального штаба, был 1 октября 1923 года вновь переведен в Генеральный штаб в качестве так называемого «офицера штаба управления». Дело в том, что по Версальскому мирному договору Германии было запрещено иметь «большой» Генеральный штаб, однако не возбранялось назначать офицеров штаба управления во все штабы оперативного звена и в войсковое управление имперского военного министерства.

Меня направили в штаб 2-го военного округа в Штеттине, а 1 октября 1924 года — в штаб 4-го военного округа в Дрездене. В обоих штабах я занимался подготовкой офицеров младшего звена. В качестве замены запрещенной военной академии были организованы трехгодичные курсы для молодых офицеров, которые в случае успешного прохождения вступительных

испытаний получали возможность приобрести квалификацию, необходимую для использования в качестве офицеров штаба управления. Первые два года подготовка проводилась при штабах военных округов, на третьем году — в Берлине при имперском военном министерстве. Как в Штеттине, так и в Дрездене я преподавал тактику и военную историю. Я с удовольствием вспоминаю четыре года моей преподавательской деятельности, в течение которых я сам приобрел много столь необходимых мне знаний.

С осени 1927 по осень 1929 года я занимал пост офицера Генерального штаба при 4-м командовании пехотных частей и соединений в Магдебурге. На этом закончился войсковой этап моей деятельности по формированию рейхсвера. Мое следующее назначение знаменовало собой начало деятельности в центральном аппарате германских вооруженных сил в Берлине. Однако, прежде чем приступить к повествованию об этом, хотелось бы поделиться некоторыми другими соображениями, связанными с формированием и деятельностью рейхсвера.

Рейхсвер и республика

В 20-х годах тема роли и места рейхсвера в государственной структуре Германии неоднократно возникала в публичных дискуссиях. По мнению одних, рейхсвер только тем и занимался, что разрабатывал планы военных кампаний, чтобы добиться реванша за поражение в первой мировой войне. Другие усматривали в рейхсвере «оплот реакции», который будто бы всеми правдами и неправдами стремился к расширению сферы своего влияния. Были, наконец, и такие, кто навешивал на новую немецкую армию ярлык «продажных наемников», якобы пошедших в услужение то ли к республиканцам, то ли к толстосумам.

Те же, кто в указанный период посвятил себя нелегкой работе по формированию рейхсвера, знают, что он был не чем иным, как наследником и хранителем прусско-германских традиций верности воинскому долгу и преданности законной государственной власти.

Встречаются попытки представить рейхсвер периода Веймарской республики в качестве некоего «государства в государстве». В подобных характеристиках содержатся два основных утверждения: во-первых, что рейхсвер якобы имел свою собственную политическую линию, и во-вторых, что он будто бы оторвался от народа и стал инородным телом в государственном

организме Веймарской республики.

На упрек в проведении самостоятельной политики можно возразить, что нельзя смешивать политический вес и авторитет армии, и, прежде всего, ее высшего руководства, с задачами и повседневной деятельностью основной массы частей и соединений рейхсвера. Рейхсвер как определенным образом организованная военная сила не проводил и не мог проводить никакой самостоятельной политики. Солдаты и их командиры обязаны были только выполнять приказы: сухопутные войска — приказы начальника управления сухопутных войск, имперский флот — распоряжения командующего флотом. На этих представителей высшего военного руководства возлагались военные, а не политические функции. Их непосредственным начальником являлся имперский военный министр, который в соответствии с § 8 закона о военном строительстве, в свою очередь, подчинялся имперскому президенту как главнокомандующему всеми вооруженными силами. Разработкой политических аспектов деятельности рейхсвера занимались инстанции, напрямую подчиненные имперскому военному министру. Последний был единственным лицом, которое могло под контролем парламента принимать политические решения, касающиеся рейхсвера.

То, что в любом государстве вооруженные силы имеют определенный политический вес, является прописной истиной. Не требует доказательства и утверждение о том, что вес этот тем больше, чем слабее само государство. Вполне естественно, что в таком непрочном и слабом государстве, каковым была Веймарская республика в первые годы своего существования, с рейхсвером просто нельзя было не считаться. Выразителем позиции и интересов армии как раз и являлся имперский военный министр. Наряду с этим правительство, разумеется, прислушивалось и к мнению упомянутых выше представителей высшего военного руководства. Особенно часто это происходило при обсуждении вопросов, решение которых зависело от степени сплоченности и моральной стойкости войск. К примеру, мнение главнокомандующего сухопутными войсками генерала фон Секта интересовало правительство, прежде всего, в связи с тем, что в его подчинении находились те силы, которые потребовались бы в первую очередь для подавления возможных беспорядков внутри страны. Вполне можно допустить, что позиция генерала могла оказаться наиболее весомой при принятии некоторых политических решений. Однако любые мнения и предложения командующих должны были согласовываться с имперским министром обороны до того, как они доводились до сведения

кабинета или имперского президента.

Убедительным доказательством сосредоточения всей власти над армией в руках военного министра может служить конфликт между имперским военным министром Геслером и генералом Сектом, возникший с связи с разногласиями по малозначительному политическому вопросу. Сект, являвшийся, по общему мнению, творцом рейхсвера, вынужден был подать прошение об отставке. Имперский президент фон Гинденбург, который обязан был поставить точку в этом конфликте, вероятнее всего, с большей симпатией относился к своему сослуживцу генералу Секту, чем к сугубо гражданскому имперскому военному министру, однако он принял решение в пользу последнего.

Другой пример взаимоотношений политического и военного руководства, связанный с личностью будущего имперского канцлера фон Шлейхера, мог бы быть, как кажется на первый взгляд, использован для опровержения изложенной выше точки зрения. Как известно, фон Шлейхер до назначения главой кабинета занимал ряд высоких должностей в военном руководстве, последней из которых была должность имперского военного министра. На всех этих должностях он пользовался огромным политическим авторитетом и влиянием. Не следует, однако, забывать о том, что до назначения военным министром он выполнял исключительно функции военно-политического консультанта правительства. Военный министр мог в любое время отказаться от услуг фон Шлейхера в случае, если бы между ними возникли непримиримые разногласия. К тому же фон Шлейхер при всем его политическом влиянии не подменял собой рейхсвер. Даже став министром, а затем и канцлером, он действовал не от имени рейхсвера, а лишь как политик, облеченный определенными полномочиями.

В качестве одного из доказательств политической самостоятельности рейхсвера иногда приводится начатое при Секте и продолженное при его преемниках тайное сотрудничество с Советским Союзом в сфере разработки вооружений. На это можно возразить, что сближение с СССР началось еще после подписания в 1922 году советско-германского договора в Рапалло по инициативе министра иностранных дел Ратенау. Затем во исполнение этого договора и в целях обеспечения безопасности рейха, прежде всего от территориальных притязаний Польши, руководство сухопутных войск действительно начало военное сотрудничество с Красной Армией, причем делалось это с ведома имперского президента, имперского канцлера и имперского военного министра. Аналогичным образом поступали и другие министерства, только

уже в экономической сфере. В сложившейся к тому времени политической обстановке тесные связи с великой державой на Востоке были жизненно необходимы Германии для укрепления ее международных позиций, по крайней мере до подписания Локарнских соглашений 1925 года. После того как Штреземанн в Локарно провозгласил кардинальный поворот германской внешней политики в сторону Запада, генерал Сект безоговорочно поддержал новый курс, хотя с согласия имперского правительства сотрудничество с Красной Армией было продолжено, только теперь оно стало секретным. Именно это последнее обстоятельство и способствовало тому, что советско-германским связям в военной области был придан несвойственный им политический смысл. На самом деле для немецкой стороны они означали возможность разработки и испытания вооружений, а для русских — возможность повышения квалификации командного состава Красной Армии в Германии.

Рейхсвер упрекают также в проведении самостоятельной политики в области оснащения войск оружием и военной техникой. В этой связи необходимо заметить, что эти мероприятия никогда не преследовали целей развязывания новой войны или осуществления государственного переворота, а были направлены лишь на то, чтобы обеспечить минимальную обороноспособность рейха на случай иностранной агрессии. За то, что эти действия предпринимались в обход Версальского мирного договора, несло ответственность имперское правительство, которое, в частности, с согласия рейхстага осуществляло финансирование соответствующих проектов, например, создание имперской пограничной охраны.

Что касается внутриполитических аспектов деятельности рейхсвера, то следует констатировать, что после подавления путча Каппа — Лютвица и завершения организационно-штатных мероприятий по созданию новой германской армии ее личный состав и командование неизменно демонстрировали преданность республиканскому строю и законному правительству. Разумеется, в первые, наиболее критические годы существования Веймарской республики военные меньше всего размышляли о новом государственном устройстве, а лишь делали все возможное для обеспечения суверенитета государства и поддержания порядка в стране. Даже когда после нацистского путча в ноябре 1923 года вся исполнительная власть оказалась сосредоточена в руках генерала Секта, последний без промедления передал ее имперскому президенту после того, как в стране были восстановлены законность и конституционный порядок. Таким образом, ни о какой самостоятельной политической линии

рейхсвера и тем более о противопоставлении интересов германской армии и государства не может быть и речи.

Конечно, и генерал Сект, и любой другой главнокомандующий сухопутными войсками не мог не задумываться о внутриполитической обстановке в рейхе. Очевидно, одним из плодов такого рода размышлений явилось предложение Секта о введении в стране режима директории (т. е. коллегиального управления государством), с которым он обратился к имперскому президенту. После того, как президент Эберт отклонил данное предложение, Сект отказался от этой идеи. Известно также, что когда в разгар правительственного кризиса в январе 1933 года главнокомандующий сухопутными войсками барон фон Хаммерштейн заступился перед имперским президентом за тогдашнего имперского канцлера фон Шлейхера, занимавшего также пост военного министра и являвшегося, таким образом, прямым начальником фон Хаммерштейна, президент Гинденбург расценил действия последнего как недопустимое вмешательство военных в деятельность политического руководства и решительно осудил их[2]. В обоих случаях главнокомандующие сухопутными войсками пытались воздействовать на главу государства силой своего личного авторитета, а никак не авторитета и военной мощи армии, стоявшей у них за спиной. Ни о каком покушении рейхсвера на авторитет верховного главнокомандующего в лице имперского президента не могло быть и речи.

Для того, чтобы получить окончательный ответ на вопрос о том, можно ли было считать рейхсвер «государством в государстве», нужно еще выяснить, действительно ли рейхсвер оторвался от народа или даже противопоставил себя ему.

Прежде всего, необходимо заметить, что любая армия занимает несколько обособленное место в государстве, особенно если она состоит только из кадровых военных. Кроме того, даже в демократическом государстве армия не может быть построена в соответствии с демократическими принципами. В демократическом государстве власть исходит от народа и осуществляется от его имени выборными народными представителями, правительством и главой государства, тогда как армия для того, чтобы быть боеспособной, должна базироваться на принципах субординации и беспрекословного выполнения приказов. Взаимоотношения между государством и армией должны строиться на основе лояльности последней к любому государственному строю. В этом смысле рейхсвер в годы Веймарской республики полностью оправдал свое назначение и показал, что государственная власть может на него положиться.

Справедливость данного утверждения не может быть поставлена под сомнение даже ссылками на неоднозначную позицию рейхсвера в период путча Каппа — Лютвица, так как формирование и консолидация частей и соединений новой германской армии к тому времени еще не были завершены.

Вполне понятно, что верность воинскому долгу по отношению к государству нельзя отождествлять с основанной на личных убеждениях приверженностью к демократическим и республиканским ценностям. Поэтому нельзя не согласиться с военным министром Носке, который в тревожные для страны дни заявил, что если бы у него тогда был выбор между хорошим, но консервативным и плохим, но демократически настроенным солдатом, то он предпочел бы остановить свой выбор на первом. Еще меньше пользы государству приносят офицеры, которые меняют свои убеждения как перчатки. Многим военным нужно было время для того, чтобы преданность государству, основанная на присяге, постепенно совпала с личными убеждениями. Этот процесс происходил бы быстрее и с меньшими издержками, если бы вместо благодарности за исполненный долг рейхсверу не пришлось выслушивать обидную и несправедливую критику в свой адрес. Впрочем, солдат мало беспокоило отношение к ним коммунистов как к своим смертельным врагам. От них рейхсвер отмежевался в буквальном смысле этого слова, как, впрочем, в будущем и от национал-социалистов. И хотя такие влиятельные государственные деятели, как имперский президент Эберт, военные министры Носке и Гесслер всегда высоко ценили преданность и добросовестное отношение к службе солдат рейхсвера, да и большинство имперских канцлеров с пониманием относились к проблемам армии, одного этого все-таки было явно недостаточно. К сожалению, ведущие политические партии Веймарской республики чаще всего относились к рейхсверу с ничем не оправданным подозрением и недоверием. Вряд ли необходимо доказывать, что такое отношение к армии со стороны государства, независимо от его политического устройства, отнюдь не способствует их взаимному сближению. Те, кто хотят иметь в лице армии защитника отечества и преданного сторонника законной власти, не должны относиться к ней как к «неизбежному злу».

Как было отмечено выше, полная изоляция рейхсвера от политики, лишение военных активного и пассивного избирательного права, запрет на участие в каких бы то ни было формах в политической деятельности вызвали некоторое обособление армии от народа и государства. Полагаю, что на фоне недавнего поражения в мировой войне, в условиях

послевоенной разрухи и обусловленной этим политической смуты другого решения не существовало. В тогдашней обстановке пустить политику в казармы значило вызвать полное разложение армии и в конечном счете ее исчезновение как реальной военной силы.

В заключение хотелось бы привести слова генерал-полковника фон Секта, произнесенные им в его выступлении перед немецкими офицерами в марте 1919 года. В них, как в капле воды, отражаются мысли и чувства, владевшие личным составом рейхсвера в то трудное время:

«Высокая ответственность за свои действия, которая всегда отличала офицеров во все времена, в дни мира и в дни войны, как никогда раньше требуется от вас в это тревожное, поистине переломное время. Такую ответственность способны проявлять только те, у кого она основана на прочном чувстве долга. Исполнять свой долг — значит действовать во имя общего блага. От вас потребуются жертвы, но жертвовать придется не убеждениями, а правом их отстаивать, правом свободного волеизъявления. Ваши надежды и чаяния должны быть ограничены рамками функционирования и процветания государства, которому вы служите. Время предъявляет необычайно высокие требования к вашей организованности и дисциплине...

Никто не может требовать от офицера, чтобы он отказался от своих убеждений. Наоборот, именно отсутствие убеждений заставляет с подозрением относиться к этому человеку, а политические противники таких людей просто презирают...

Вопрос не в том, нравится нам новый государственный строй или нет, потому что на карту поставлено существование самого государства. Ему угрожают многочисленные враги, как извне, так и изнутри...

Мы должны быть готовы к тому, что нас будут подозревать в неискренности нашей позиции, ибо не все способны понять, как могут такие разные люди добросовестно делать общее дело...

Все личное в нас должно отойти на задний план перед лицом навязанной нам борьбы с врагом, наши личные мнения должны уступить место объединяющей всех нас идее спасения нашей родины от гибели...»

Служба в Управлении сухопутных войск

В конце сентября 1929 года началась моя служба в имперском военном министерстве. Я возглавил 1-е отделение отдела

управления сухопутными войсками (Т1) войскового управления. В задачу отделения входила разработка всех вопросов управления сухопутными войсками и их боевого применения на случай возникновения внешней или внутренней угрозы безопасности рейха. Мы также занимались подготовкой крупномасштабных войсковых учений и командно-штабных тренировок, предназначенных для совершенствования оперативно-тактической подготовки командиров среднего звена и офицеров Генерального штаба.

Моим непосредственным начальником был полковник Гейер, человек необычайно острого ума. Он обладал редким даром быстро и безошибочно подмечать недостатки и слабые места планов и предложений, которые представлялись ему на подпись. Довольно скоро он предоставил мне почти полную свободу действий на порученном мне участке работы и не вмешивался в разработку войсковых учений и командно-штабных тренировок. Гейер и я сходились во мнении о том, что деятельность отдела управления не может ограничиваться теоретической разработкой различных оперативных планов. Не дожидаясь начала военных действий, он должен анализировать предполагаемое их развитие и вырабатывать соответствующие рекомендации. Относительная слабость наших вооруженных сил, обусловленная ограничениями, наложенными на Германию державами- победительницами, обязывала нас с удвоенной энергией работать над тем, чтобы обеспечить хотя бы минимальный уровень обороноспособности страны.

Именно эта работа и составляла основное содержание моей деятельности в отделе управления сухопутными войсками. Нам, в частности, приходилось заниматься вопросами инженерного оборудования территории страны на случай войны в узких рамках, определенных для нас военными положениями Версальского договора. Кроме того, мы вырабатывали предложения по разработке новых видов вооружения, среди которых особое внимание уделялось бронетанковой технике и средствам моторизации войск.

Армия должны была быть построена в соответствии с представлениями тех, кому предстояло в дальнейшем вести ее в бой. Полковник Гейер проявлял большую настойчивость в отстаивании данной точки зрения, что, естественно, не способствовало поддержанию дружеских отношений между ним и начальниками других отделов войскового управления, как, впрочем, и с другими управлениями военного министерства, также отвечавшими за организационные вопросы.

Начальником войскового управления, а значит и моим

прямым начальником, в то время был генерал Адам. Он был тогда единственным выходцем из Баварии, приглашенным на высокую должность в Генеральном штабе. Он отличался необычайно широким кругозором, решительностью и четкостью в постановке задач. Разработка оперативных вопросов была поистине его призванием. Он с пренебрежением относился к проявлениям шаблона и схематизма в работе и часто поражал подчиненных своими неожиданными и, как правило, удачными идеями. Ко мне лично генерал Адам относился весьма благосклонно и с полным доверием. Я отвечал ему глубоким почтением. Он завершил свою военную карьеру в должности командующего группой армий, в задачу которой на случай войны входила оборона наших западных границ. Во время Судетского кризиса он впал в немилость к Гитлеру за то, что в одном из докладов откровенно заявил фюреру, что так называемый «западный вал» еще далеко не до конца подготовлен к обороне для того, чтобы в течение достаточно длительного времени сдерживать наступление превосходящих сил французской армии. Генерал был отправлен в отставку, в результате чего выдающиеся способности этого незаурядного военачальника не были использованы р ходе войны.

Одна из особенностей моей деятельности на посту начальника отделения заключалась в том, что мне довольно часто приходилось встречаться не только с начальником войскового управления, но и с главнокомандующим сухопутными войсками. В то время этот пост занимал генерал фон Хаммерштейн-Экворд. Он обладал свойством быстро проникать в суть любого вопроса, которая только и интересовала его. Лучше всего этого человека характеризует принадлежащее ему выражение: «Инструкции существуют только для дураков». Под дураками он подразумевал всех посредственностей, с которыми он предпочитал не иметь дело. Во время войны он мог бы, вероятно, показать себя выдающимся военачальником, однако в мирное время он явно недооценивал значение рутинной штабной работы и с презрением относился к усердию своих подчиненных, считая его неотъемлемой чертой посредственных личностей. Сам он, во всяком случае, редко проявлял его, что было неудивительно при его необычайной сообразительности и глубоком уме. Военная одаренность сочеталась в нем с недюжинной политической проницательностью. Будучи человеком аристократических наклонностей, он уже в силу одного этого с самого начала проникся откровенной неприязнью к наделавшим много шума национал-социалистам. Через год после их прихода к власти генерал был отправлен в отставку. Ко мне он явно благоволил и старался без особой нужды не вмешиваться в мои дела.

Первые шаги на пути к безопасности Германии

Вскоре после начала моей службы в отделе управления сухопутными войсками мне удалось настоять на более глубокой разработке одного из важнейших вопросов управления войсками, тем более что почти от всех наработок по данному вопросу после моего вмешательства пришлось отказаться. Речь идет о мобилизационном плане для стотысячного рейхсвера.

Германии было запрещено заниматься какими-либо мобилизационными приготовлениями. Нам пришлось расформировать все организационно-мобилизационные структуры (окружные отделы комплектования, призывные пункты и т. п.). Таким образом, до 1929 года самого понятия «мобилизация» как бы не существовало, хотя в любой армии, в том числе и в профессиональной, в мирное время отсутствует многое из того, что необходимо ей в ходе военных действий. В этом смысле категорический запрет на подготовку к мобилизации был явной нелепостью. Раз уж Германии позволили иметь хоть какую-то армию, то она, естественно, должна была обладать боеспособностью на случай войны. К тому же вряд ли кто допускал мысль о том, что Германия, оказавшись в безнадежном военном положении, вновь по собственной инициативе решится начать войну. Если и можно было вести речь о войне, то только о такой, которая была бы направлена на отражение иностранной агрессии. О том, что для подобного рода опасений имелись определенные основания, будет сказано ниже.

Исходя из этих соображений было принято решение подготовить мобилизационный план для рейхсвера. К тому времени как я приступил к работе в своем отделении, организационный отдел, который тогда возглавлял будущий верховный главнокомандующий вермахта Вильгельм Кейтель, как раз завершил эту работу. Мобилизационный план намечалось ввести в действие в апреле 1930 года, поэтому уже в октябре 1929 года его нужно было отправить для согласования и доработки в штабы военных округов. План предусматривал наряду с доукомплектованием разрешенных Версальским договором 7 пехотных и 3 кавалерийских дивизий до штатов военного времени формирование еще нескольких дивизий. Насколько я помню, планировалось иметь всего шестнадцать пехотных дивизий, в том числе девять новых, из которых только одна, расквартированная в Восточной Пруссии, должна была иметь полный состав, тогда как остальные восемь оставались кадрированными. Скорее всего, в случае начала военных действий их собирались оснастить оружием и боевой техникой,

закупленными где-нибудь за границей. Я довольно-таки скептически относился к этому плану, хотя, конечно, и я считал неизбежным усиление наших сухопутных войск в случае войны для того, чтобы продержаться хотя бы до тех пор, пока Лига Наций не сменит гнев на милость. Однако чего стоило усиление сухопутных войск кадрированными дивизиями, которые из-за отсутствия вооружения, вероятнее всего, не смогут участвовать в боевых действиях, а лишь пополнят список военнопленных, попавших в руки наших врагов?

Вся наша работа в войсках в качестве офицеров штаба управления и все наши теоретические разработки строились с таким расчетом, чтобы уровень подготовки личного состава в мирное время позволял в военное время большинству рядовых солдат принять на себя командование отделениями, большинству командиров отделений — командование взводами, наиболее способным командирам взводов — командование ротами и батареями. Подготовка офицеров велась таким образом, чтобы они в любой момент могли вступить в должность, которая на одну ступень выше занимаемой ими до начала боевых действий. Таким образом, было бы логично предусмотреть формирование взводов на базе отделений, рот — на базе взводов, батальонов и дивизионов — на базе рот и батарей и т. д. С кавалерией дело обстояло сложнее, так как ее численность нельзя было быстро увеличить таким же способом. К тому же было ясно, что если в будущей войне и дойдет дело до использования кавалерийских дивизий, то лишь в весьма ограниченных масштабах.

Сам собой напрашивался вывод о том, что самым простым и надежным способом мобилизации являлось быстрое увеличение числа пехотных с 7 до 21, то есть втрое. Укомплектование новых дивизий личным составом осуществлялось бы за счет уволенных в запас солдат, отслуживших положенные 12 лет или оставивших армию по семейным обстоятельствам, а также за счет добровольцев из числа военнослужащих запаса, служивших еще в императорской армии.

Организационный отдел не решился взять за основу приведенный выше вариант мобилизации, так как у него не было уверенности в том, что удастся найти не только личный состав, но и необходимое количество вооружения и боевой техники для вновь формируемых частей и соединений. И в самом деле, сверх нормативов по численности вооружения, установленных Версальским договором, рейхсвер не располагал никакими запасами. В свое время генерал-полковник Сект в целях скорейшего прекращения деятельности на территории Германии контрольных органов держав-победительниц решительно настоял

на сдаче всего лишнего оружия. Вследствие этого оружейные склады имелись тогда только в распоряжении пограничной охраны. Рассчитывать на них в ходе мобилизации было равносильно оставлению без охраны восточных границ рейха.

Руководствуясь приведенными выше соображениями, организационный отдел остановился на идее формирования кадрированных дивизий, с которой наш отдел управления сухопутными войсками никак не мог согласиться. Тогда я принял решение попытаться найти выход из создавшегося положения. Для того, чтобы все-таки сделать возможным трехкратное увеличение числа пехотных дивизий в максимально короткие сроки, я приступил к составлению штатного расписания для всех частей и подразделений, имея в виду максимально возможное сокращение их численности. Что касается вооружения, то мои расчеты предусматривали оснащение им только боевых частей и подразделений. При таком подходе получалось, что быстрое увеличение втрое числа пехотных дивизий вполне реально, разумеется, при условии, что в их распоряжение будут предоставлены все запасы оружия, имевшиеся у нас в соответствии с Версальским договором. Со всеми подготовленными материалами я отправился на доклад к моим начальникам и заявил им, что подготовленный организационным отделом мобилизационный план и расчеты к нему являются несовершенными и должны быть заменены на вариант, предусматривающий троекратное увеличение числа пехотных дивизий.

Полковник Гейер поначалу скептически отнесся к моим предложениям, однако признал, что им нельзя отказать в определенной логике. Генерал Адам, который, как и я, был новичком в министерстве и поэтому еще не был заражен распространенными в нем предубеждениями, немедленно согласился со мной. Что касается главнокомандующего сухопутными войсками генерала фон Хаммерштейн-Экворда, то он, благодаря свойственной ему исключительной проницательности, с самого начала не одобрял идею формирования кадрированных дивизий.

Нетрудно представить себе, что сотрудники организационного отдела, посвятившие разработке мобилизационного плана несколько месяцев, были не в восторге от случившегося, особенно если принять во внимание то, что план намечалось ввести в действие уже 1 апреля 1930 года. Для меня принятие моих предложений также не осталось без последствий. Очень скоро я заметил, что начальник отдела и мои сослуживцы стали более внимательно прислушиваться ко мне.

Нарушение военных положений Версальского договора

Описанные выше действия по разработке мобилизационного плана, безусловно, представляли собой нарушение военных положений Версальского договора, по крайней мере с того момента, когда план был бы введен в действие. Поэтому хотелось бы сразу расставить все точки над «i»: Немецкий солдат мог не без основания полагать, что возложенная на него ответственность по обеспечению безопасности рейха давала ему моральное право совершать подобные нарушения. Версальский диктат отнюдь не отличался той моральной безупречностью, которая могла бы гарантировать неприкосновенность его положениям. Политическую ответственность за те или иные нарушения могло взять на себя только политическое руководство страны.

Хотелось бы со всей ответственностью подчеркнуть, что план троекратного увеличения сухопутных войск в случае войны был утвержден имперским военным министром Грёнером. Мне довелось лично представлять ему проект плана, к которому он отнесся не без некоторой доли скептицизма, однако дал добро на его осуществление. В свою очередь державы-победительницы, которым, конечно же, стало известно о наших планах, не сочли их достаточным поводом для вооруженного вмешательства.

С военной точки зрения необходимо было определиться, стоило ли во имя осуществления нашего мобилизационного плана, который отнюдь не гарантировал полной безопасности рейха, идти на риск пусть и не очень значительного, но достаточно явного нарушения Версальского договора. Для этого нужно было получить ответы на следующие вопросы:

• Каковы были причины, побудившие нас заняться этим вопросом?

• Какую цель мы преследовали?

• Каковы были масштабы планируемых мероприятий?

• Представляли ли наши действия какую-либо угрозу для соседей рейха?

Главные причины для этих, безусловно, вынужденных действий следует искать в сложившейся к тому времени военно-политической обстановке.

Наши соседи за последние годы не сделали ни малейшего шага в направлении всеобщего разоружения, хотя основное условие для этого — разоружение Германии — существовало давно. Более того, все они, за исключением Великобритании, сделали все для того, чтобы усовершенствовать свои вооружения. К тому же три самых крупных соседа Германии заключили между собой военный союз, направленный против рейха, не говоря уже о

так называемой «малой Антанте» (политический союз Чехословакии, Румынии и Югославии), которая плелась в фарватере внешней политики Франции.

Германскому рейхсверу противостояли:

Сухопутные войска Франции. На случай войны в них должно было насчитываться около 30 полностью отмобилизованных дивизий, составлявших так называемую «группировку прикрытия». На самом деле эти в большинстве своем моторизованные части и соединения были предназначены не для «прикрытия», а для нанесения внезапного молниеносного удара с рубежа р. Рейн. Их мобилизационная численность составляла около полутора миллионов человек.

Сухопутные войска Польши. После мобилизации число дивизий, входящих в их состав, планировалось увеличить вдвое, их общая численность должны была составить один миллион человек.

Сухопутные войска Чехословакии. В военное время они должны были насчитывать около 600 тысяч человек.

Само собой разумеется, что рейх ни при каких обстоятельствах не мог позволить себе конфликт с этой коалицией и поэтому должен был избегать любых действий, которые могли быть истолкованы как недружелюбные каким-либо ее участником.

Мотивы, побудившие военное руководство Германии к разработке вышеупомянутого мобилизационного плана, не имели ничего общего с замыслами о ведении войны с нашими соседями.

Можно было с достаточной степенью уверенности предполагать, что три государства-участника антигерманского блока не нападут на Германию просто так, ни с того ни с сего. Главная опасность, однако, заключалась не в этом, а в том, что всегда существовала возможность для любого из них однажды поддаться соблазну напасть на ослабленный рейх в надежде осуществить все еще имеющиеся у них территориальные притязания. В наименьшей степени эти опасения относились к Франции, особенно после подписания Локарнских договоренностей, даже несмотря на негативный исторический опыт оккупации Рейнской области в период с 1923 по 1926/1930 гг.

Угроза неспровоцированного нападения исходила главным образом от восточных соседей Германии, прежде всего от Польши. Однажды Польша уже продемонстрировала свою способность к таким действиям в отношении Литвы, когда она в 1920 году оккупировала Вильну. Не приходилось сомневаться в том, что влиятельные силы в Польше не прочь были бы повторить

эти действия по отношению к Верхней Силезии или Восточной Пруссии. Правда, в этом случае Польша не могла рассчитывать на активную поддержку Франции, да, пожалуй, и Чехословакии. Вместе с тем не приходилось надеяться и на то, что оба этих государства попытаются удержать Польшу от подобных действий.

Опыт применения польских войск против Вильны и аннулирования особого статуса Мемеля со стороны Литвы убедительно доказал, что Германия не могла рассчитывать на помощь Лиги Наций в том случае, если агрессору удастся благодаря быстрым и решительным действиям поставить германское правительство перед свершившимся фактом. Наглядной иллюстрацией правильности такого вывода стали в скором времени итало-эфиопская и японо-китайская войны.

В случае польской агрессии или «восстания», подобного тому, которое Польша инсценировала в связи с плебисцитом в Верхней Силезии, только успешные оборонительные действия германской армии могли бы удержать Чехословакию от вступления в войну под предлогом «защиты национальных интересов». Именно этими соображениями и руководствовалось имперское правительство, принимая меры по усилению обороноспособности страны. Целью этих мер было не что иное, как обеспечение минимальной безопасности рейха от неспровоцированного нападения одного из своих восточных соседей. Рейхсвер должен был обладать способностью оказывать сопротивление агрессору до тех пор, пока Лига Наций не сочла бы возможным и морально оправданным вмешательство в этот конфликт.

Можно не без основания полагать, что принятые меры помогли предотвратить агрессивные действия против Германии и тем самым способствовали поддержанию мира. В первую очередь это относится к существовавшей тогда реальной угрозе враждебных действий со стороны Польши.

Масштабы военного строительства в Германии

Меры по укреплению обороноспособности Германии, предпринимавшиеся в те годы, не выходили за рамки обозначенной выше цели, по крайней мере до тех пор, пока с приходом к власти Гитлера не началась открытая ремилитаризация страны. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что все эти меры сводились к следующему:

Подготовка к увеличению в случае войны числа пехотных дивизий с 7 до 21, не считая трех кавалерийских дивизий. С этой целью происходило постепенное увеличение запасов вооружения и боевой техники до величины, обеспечивающей оснащение дивизий по штатам военного времени.

Налаживание охраны границ Германии с Польшей и Чехословакией на базе добровольцев из числа жителей, проживающих в приграничных районах. Ввиду оснащения пограничников одним только легким вооружением, неблагоприятной возрастной структуры личного состава этих частей и подразделений и отчасти из-за их недостаточной подготовки пограничные войска были похожи больше на народное ополчение, чем на регулярную армию. Растянутые вдоль всей восточной границы Германии, они в лучшем случае могли обеспечивать ее патрулирование в мирное время. На один километр границы приходилось в среднем всего лишь 12 человек! В то же время на западных границах не было и такой слабой пограничной охраны. Все это лишний раз подтверждает тот факт, что меры, принятые в данной области, были направлены только на предотвращение внезапного нападения на рейх с Востока.

Как известно, на территории дружественных Германии государств нами осуществлялась разработка отдельных видов вооружения, запрещенных Версальским мирным договором, а также проводилось обучение некоторой части личного состава их применению. Одновременно велась подготовка к наращиванию военного производства в стране на случай войны. Одним из направлений этой подготовки являлись меры, нацеленные на создание малочисленных военно-воздушных сил.

В дополнение к имевшимся оборонительным сооружениям строились заграждения, а вдоль восточных границ сооружались еще и долговременные огневые точки, в первую очередь на р. Одер и в Восточной Померании. При этом мы не выходили за рамки соответствующих ограничений, предусмотренных Версальским договором.

Между прочим, реальная военная угроза со стороны Польши стала причиной осуществления одного из крупных мероприятий из числа перечисленных выше. Дело в том, что наряду с непрекращающимися провокациями с польской стороны в Верхней Силезии, грозившими в любой момент перерасти в открытое столкновение под предлогом очередного «народного восстания», Польша совершала и другие действия, заставлявшие нас сомневаться в безопасности восточных границ рейха. При любом обострении международной обстановки в Польше проводилась так называемая «тренировочная мобилизация», представлявшая собой, по сути дела, частичную мобилизацию в районах, расположенных вдоль польско- германской границы. Исходя из печального опыта захвата Вильны, не было никакой уверенности в том, что указанные действия не являются подготовкой к агрессии.

В течение 1931 и в начале 1932 года мобилизационные мероприятия проводились Польшей на границе с Восточной Пруссией. Это побудило меня выступить с предложением о проведении крупной акции, которая продемонстрировала бы Польше, что ей никогда не удастся овладеть Восточной Пруссией так, как это случилось с Вильной. В связи с тем, что нам было запрещено строить укрепления вблизи границы, я предложил создать так называемый «Хейльсбергский рубеж», оборудованный противопехотными и противотанковыми заграждениями, а также небольшими долговременными оборонительными точками. Этот рубеж должен был примыкать к древней крепости

Кенигсберг и вместе с ней образовывать «восточнопрусский редут», позволявший нашей группировке в этом районе оказывать длительное сопротивление врагу. «Хейльсбергский треугольник» был единственным местом в Восточной Пруссии, где мы имели право строить оборонительные сооружения.

Имперский военный министр Грёнер одобрил мое предложение. Ему также удалось убедить политическое руководство в существовании непосредственной угрозы со стороны Польши и добиться выделения соответствующих средств, что позволило немедленно начать инженерные работы.

Эти мероприятия, которые иногда обозначались как «тайные военные приготовления Германии», ни в коей мере не представляли угрозы для наших соседей. Даже имея 21 дивизию, рейх по- прежнему значительно уступал по своей военной мощи любой из вышеупомянутых трех союзных держав. При таких обстоятельствах подготовка к усилению рейхсвера в случае неспровоцированного нападения на Германию одного из соседних государств действительно может рассматриваться как первый маленький шаг в направлении обеспечения безопасности страны. Следует заметить, что этот шаг был предпринят только после того, как рейх десять лет понапрасну ждал всеобщего разоружения, которое было способно обеспечить и его безопасность.

«Кошмар коалиций»[3]

Как бы ни были важны описанные выше усилия по укреплению обороноспособности рейха, они все же не являлись основным содержанием работы руководимого мною отделения в составе отдела управления сухопутными войсками. Таковым была теоретическая разработка вопросов боевого применения сухопутных войск во время войны.

В рассматриваемый период проблема использования войск для решения внутриполитических задач, к счастью, утратила свою остроту. В связи с этим принципы использования рейхсвера

в этих целях не нуждались в дополнительном изучении, вполне можно было обойтись уже имеющимися наработками по данному вопросу.

Таким образом, мы могли сосредоточиться на проблемах боевого применения сухопутных войск во взаимодействии с военно-морскими силами. Для меня как для военного человека было особенно интересно заниматься именно этими вопросами. Решения по вопросам использования рейхсвера принимали, разумеется, главнокомандующий сухопутными войсками и начальник войскового управления как его первый помощник. Однако подготовка для них соответствующих предложений входила в мою задачу, так же как и проведение необходимых исследований и расчетов. Вот только было не очень понятно, как можно составлять эффективные планы, пусть даже для ведения чисто оборонительных действий, в условиях подавляющего превосходства трех держав, объединившихся в антигерманскую коалицию. «Кошмар коалиций», в свое время так удручавший самого Бисмарка на протяжении последних двух десятилетий его государственной деятельности, и теперь не давал покоя всем, кто занимался прогнозами вероятного хода военных действий в будущей войне.

Обычно размышления на эту тему находят свое отражение в так называемых «планах выдвижения и развертывания войск». Однако у Германии и у Австро-Венгрии в 1914 году уже был печальный опыт слепого следования такому плану. В сложившейся к тому времени политической ситуации логичнее всего было бы в случае нападения России на Австро-Венгрию все силы сосредоточить для наступления на Восточном фронте, занимая на Западе выжидательную позицию по отношению к Франции. Но утвержденный ранее план выдвижения и развертывания войск, который уже было поздно менять, не позволил сделать этого. Точно так же Австро-Венгрия была вынуждена сначала осуществить переброску значительных сил к границам Сербии и лишь затем смогла направить часть войск против России.

Хорошо известно, какие негативные политические и военные последствия имело это для обоих государств. Однако это была не единственная причина, по которой германское военное руководство решило вообще отказаться от жесткого, заранее расписанного во всех деталях плана выдвижения и развертывания войск.

Потенциальными противниками рейха в то время были три крупные державы, каждая из которых значительно превосходила его своей военной мощью. Совершенно невозможно было заранее

определить, какая из них первой совершит нападение и присоединятся ли к ней две другие сразу или только через некоторое время. Предполагаемых вариантов действий вероятного противника было так много, что предусмотреть их в одном или даже в нескольких планах было крайне трудно. Что касается разработки каких-либо планов активных действий со стороны Германии, то об этом, естественно, не могло быть и речи. С другой стороны, германские сухопутные войска были настолько немногочисленны, что благодаря высокой пропускной способности немецких железных дорог их можно было быстро сосредоточить на любом направлении. В связи с этим командование остановилось на варианте, при котором решение об использовании главных сил армии откладывалось на самый последний момент, его предстояло принимать в зависимости от сложившейся обстановки и в буквальном смысле на ходу.

Первый план выдвижения и сосредоточения войск был поэтому разработан лишь в 1937 году, когда численность и боевые возможности сухопутных войск заметно возросли. Впрочем, и этот план был составлен с расчетом на длительную стратегическую оборону.

Отказ от заблаговременного распределения сил и средств по разным направлениям вынуждал нас еще тщательнее работать над прогнозированием возможных вариантов возникновения и развития военных конфликтов. И хотя реальные события в войне разворачиваются чаще всего не совсем так, как было предусмотрено планами, следовало все- таки по возможности создать предпосылки для того, чтобы войска не оказались после начала военных действий в заведомо проигрышном или по меньшей мере невыгодном положении.

Командно-штабные учения и тренировки

Достижению обозначенной выше цели служили, в частности, командно-штабные учения и тренировки. Они проводились ежегодно под руководством главнокомандующего сухопутными войсками для высшего командного состава и под руководством начальника войскового управления для опытных офицеров Генерального штаба. Цель учений и тренировок заключалась одновременно в повышении квалификации их участников в вопросах оперативного искусства и в выработке единых принципов руководства и управления соединениями и объединениями. Кроме того, учения и тренировки способствовали знакомству их руководителей и участников с теми районами Германии, которые могли стать театрами военных действий, а также завязыванию более тесных, а порой и просто дружеских

отношений между командирами, которые могли им пригодиться и в бою.

На меня возлагалась подготовка замысла командно-штабных учений и тренировок и разработка исходной обстановки для обеих сторон. В задачу участников учений входила оценка обстановки и принятие решения, которое затем выносилось на обсуждение. Из всех предложенных решений руководство учениями выбирало по одному лучшему от каждой из двух сторон и затем разыгрывало их. Руководство действиями «войск» с каждой стороны поручалось авторам наиболее удачных решений По-видимому, нет необходимости глубоко вдаваться в оперативные вопросы, которые отрабатывались во время учений. Их основной смысл заключался в поисках наиболее целесообразных вариантов ведения стратегической обороны на случай агрессии против рейха. Поскольку в целях обеспечения полноценной оперативной подготовки следовало разыгрывать и наступательные операции, приходилось разрабатывать исходную обстановку с таким расчетом, чтобы у сторон были возможности для проведения контратак и контрнаступлений, пусть даже и после того, как, согласно замыслу учений, «противник» глубоко проникал на территорию Германии. Вполне понятно, что в связи с существованием недружественного по отношению к Германии военного союза трех ее соседей приходилось вносить соответствующие исходные данные в замысел учений. Выходит, что «кошмар коалиций» незримо присутствовал и на этих учениях.

Хотелось бы подробнее остановиться лишь на первом крупном командно-штабном учении, которое я разрабатывал для начальника войскового управления, поскольку оно наглядно демонстрирует подход руководства сухопутных войск к вооруженным конфликтам того времени. В основу замысла учения был положен один из вполне возможных тогда вариантов развития военно-политической обстановки, при котором после довольно продолжительного периода нарастания политической напряженности происходило вторжение польской армии в Восточную Пруссию или в Верхнюю Силезию. В связи с этим я выдвинул идею предпослать отработке в ходе учения собственно военных вопросов своего рода политическую прелюдию, в которой должно было принять участие и министерство иностранных дел. Начальнику войскового управления моя идея понравилась и он сразу ухватился за нее, поручив мне разработку деталей.

Выдвигая свою идею, я руководствовался следующими соображениями:

Даже в случае нападения на Германию одной только польской армии мы были в состоянии оказывать ей сопротивление лишь в течение более или менее длительного времени. Однако после присоединения к Польше ее союзников наше положение всего за несколько дней стало бы безнадежным. В связи с этим одна из задач германского внешнеполитического ведомства в период нарастания напряженности заключалась в том, чтобы избегать любых действий, которыми Франция и Чехословакия могли бы воспользоваться в качестве повода для вступления в войну на стороне Польши. В свою очередь военное руководство Германии должно было делать все от него зависящее для того, чтобы лишить Лигу Наций возможности уклониться от своего долга по сдерживанию агрессора.

Таким образом, в ходе специальной военно-дипломатической прелюдии к командно-штабному учению предстояло отработать принципы достижения баланса между необходимостью проявлять внешнеполитическую сдержанность и осторожность и неизбежностью принятия определенных военных мер по подготовке к обороне. В учении в качестве наблюдателя участвовал статс-секретарь министерства иностранных дел фон Бюлов, а один из его ближайших помощников, начальник политического отдела министерства тайный советник Кепке исполнял роль председателя Совета Лиги Наций. По одному высшему чиновнику внешнеполитического ведомства было выделено для исполнения ролей министров иностранных дел Германии и Польши. Руководство «войсками» осуществляли офицеры Генерального штаба.

В ходе учения было разыгран полный цикл развития военно-политической обстановки: постепенное нарастание политической напряженности, провокационные действия польской стороны на границе, вторжение польской армии на территорию рейха и начало крупномасштабных военных действий. Руководство учением с помощью вводных информировало его участников о ежедневных изменениях обстановки. В свою очередь военные руководители с обеих сторон направляли руководству свои запросы и докладывали о принятых решениях. С «польской» стороны это были запросы и решения, связанные с подготовкой к агрессии, с «немецкой» стороны — с мероприятиями по организации отпора агрессору, например, с подъемом по тревоге частей и подразделений пограничной охраны. Одновременно «министры иностранных дел» обеих сторон занимались составлением и отправкой в Совет Лиги Наций дипломатических нот, в которых они пытались склонить симпатии международного сообщества на свою сторону. Так, например, действительный

статский советник фон Ринтелен, игравший роль польского министра иностранных дел, старался убедить своих коллег, заседавших в Женеве, в том, что Польша начала боевые действия исключительно в ответ на провокации с германской стороны. В свою очередь германский «министр иностранных дел» основной упор делал на растущую военную угрозу с польской стороны. Как оказалось, фон Ринтелен гораздо лучше справился с поставленной перед ним задачей, чем его «коллега». Его потрясающая изобретательность в придумывании провокаций, якобы совершенных Германией, постоянно ставила в тупик противоположную сторону.

Тайный советник Кепке, который в совершенстве владел дипломатическим языком, очень умело формулировал предполагаемую реакцию Совета Лиги Наций. Вместо того, чтобы принимать энергичные меры по обузданию агрессора, он чаще всего ограничивался уклончивыми ответами и туманными обещаниями, то есть всеми теми отговорками, с которыми впоследствии приходилось на практике сталкиваться при обращении в Лигу Наций.

Военно-дипломатическая прелюдия к командно-штабному учению получилась очень интересной и полезной. У нас сложилось впечатление, что и господа из министерства иностранных дел, которые до сих пор имели весьма неопределенное представление о такого рода учениях, по достоинству оценили мероприятие, в котором им пришлось участвовать. Мы же надеялись, что отработанный впервые сценарий в дальнейшем станет традиционным и что в конечном счете это поможет избежать «непроизвольного сползания» в никому не нужную войну, как это случилось в 1914 году. К сожалению, мы тогда еще не предполагали, что сложившиеся к тому времени тесные связи между руководством сухопутных войск и министерством иностранных дел будут непоправимо нарушены при нацистах. Нам также и в голову не приходило, что когда-нибудь внешнеполитическое ведомство окажется в руках человека, который будет открыто стремиться к войне.

Как бы то ни было, но описанное выше командно-штабное учение является весьма показательным для позиции руководства сухопутных войск по отношению к военным конфликтам, которая заключалась в безусловном признании ведущей роли политического руководства в принятии решений по вопросам войны и мира. И если в 1914 году оперативный план применения вооруженных сил предопределил принятие политического решения о начале военных действий, то в описываемый период руководство сухопутных войск старалось любое военное

мероприятие, каким бы необходимым оно ни казалось, соотносить с конкретной политической обстановкой. В своих расчетах немецкий Генеральный штаб принимал во внимание возможности, которыми располагала Германия в силу ее принадлежности к Лиге Наций. В то же время у нас не было никаких иллюзий относительно того, насколько реально было рассчитывать на помощь этой международной организации тому государству, которое оказалось бы не в состоянии самостоятельно отразить иностранную агрессию.

Во время командно-штабных учений и тренировок я должен был оказывать помощь их руководителю и готовить вводные на каждый день. В мою задачу также входила подготовка проекта заключительного совещания, на котором происходил итоговый разбор учений. Эта работа мне очень нравилась и помогала самому узнать очень много нового.

И главнокомандующий сухопутными войсками, и начальник войскового управления предоставляли мне практически полную свободу при разработке замысла учений. Обычно мне бывало достаточно нескольких минут в конце каждого дня учений для того, чтобы узнать их мнение о проведенных мероприятиях и выслушать их предложения по дальнейшему ходу учений. То же можно сказать и о подготовке заключительного совещания, которое обычно продолжалось три часа и в ходе которого не только подвергались критике неудачные действия сторон, но и формулировались принципиально важные положения, касающиеся принципов и методов управления войсками.

Генерал Бек и другие немецкие генералы

Наряду с тем, что во время учений мне удавалось почерпнуть для себя по моей специальности, я также знакомился с множеством весьма эрудированных и просто интересных людей. Среди всех высокопоставленных представителей тогдашнего генералитета, с которыми мне довелось познакомиться, я хотел бы выделить будущего начальника Генерального штаба Людвига Бека. Нельзя сказать, чтобы он как-то внешне выделялся среди других генералов рейха. Этому мешала в первую очередь его природная скромность, накладывавшая отпечаток на все поведение генерала и заставлявшая его ставить интересы дела выше личных. Скромность и неподдельная искренность сочетались в нем с большим полководческим талантом, с четкостью и ясностью суждений, с неизменным чувством долга и разносторонней образованностью. Всеми своими качествами он напоминал своего великого предшественника генерал-фельдмаршала графа фон Мольтке, которому немецкий Генеральный штаб обязан своей репутацией во всем мире. Кроме

Бека я не знаю ни одного солдата, которого я рискнул бы сравнить с Мольтке.

Как и Мольтке, генерал Бек, безусловно, не был «образцовым солдатом» в том смысле, в каком обычно употребляется это выражение. Ему, в частности, недоставало некоей солдатской непринужденности, с помощью которой, к примеру, будущий главнокомандующий сухопутными войсками генерал-полковник фон Фрич завоевал симпатии своих подчиненных. Подобно Мольтке, Бек воплощал в себе не столько черты солдата, сколько черты ученого. В отличие от Хаммерштейна, который поражал своей поистине сверхъестественной проницательностью и склонностью к экспромтам, авторитет генерала Бека основывался на его чрезвычайной скрупулезности и дотошности по отношению к любому делу. Перед принятием любого решения он тщательно взвешивал все «за» и «против» и никогда не позволял себе выдавать желаемое за действительное.

Как человек генерал Бек представлял собой одну из самых благородных личностей, каких мне только приходилось встречать. Не удивительно, что при всем своем благородстве он не мог соперничать с таким жестоким человеком, как Гитлер.

Думаю, что я не слишком погрешу против истины, если скажу, что высшие военные руководители рейха первых лет второй мировой войны, большинство из которых в разное время принимали участие в вышеупомянутых командно-штабных учениях и тренировках, в целом не уступали по своим качествам военачальникам периода первой мировой войны и даже в чем-то превосходили их, по крайней мере по двум показателям. Во-первых, они в среднем были моложе, а значит, физически крепче и выносливее. Это преимущество особенно пригодилось в годы второй мировой войны командующим армиями и армейскими корпусами, которые в условиях маневренных боевых действий были вынуждены переносить большие физические нагрузки, связанные с необходимостью управлять войсками на широком фронте. В первую очередь это относилось к командирам бронетанковых частей и соединений. Во-вторых, они прошли во время вышеупомянутых учений и тренировок гораздо более интенсивный курс подготовки, чем их предшественники.

Известный английский военный писатель Лиддел Гарт в своей книге «По ту сторону холма» высказал следующее обобщенное суждение о немецких военных руководителях периода второй мировой войны: «Немецкие генералы в этой войне показали себя выдающимися представителями своей профессии. Они могли добиться большего, если бы были более дальновидными и проницательными. Однако если бы они стали

философами, то немедленно перестали бы быть военными».

С первым утверждением автора этих слов трудно не согласиться, ибо они подтверждаются успехами первых лет войны. Однако по мере того, как Гитлер все больше брал на себя руководство армией и отстранял от должности опытных командиров, все больше менялся и облик немецкого генералитета. Какими бы храбрыми ни были их преемники, одного этого было явно недостаточно. Ни личная храбрость, ни молодость не могут стать адекватной заменой оперативного мастерства и опыта управления войсками.

Во втором утверждении также имеется немалая доля истины. Даже современные немецкие военные руководители несут на себе отпечаток односторонней специализации по своей профессии. К этому следует добавить, что политическое развитие Германии не позволяло им заниматься ничем другим, кроме военного дела. В большинстве случаев они были лишены возможности расширять свой кругозор в ходе поездок за границу. Впрочем, несмотря на это, они вполне успешно справлялись с возложенными на них задачами.

Рейхсвер и национал-социалисты

1 октября 1932 года, после возвращения с Кавказа, где я принимал участие в маневрах Красной Армии, я вступил в должность командира пехотного батальона 4-го пехотного полка в Кольберге. Не считая моего назначения в 3-й гвардейский пехотный полк, это был единственный случай в моей военной карьере, когда у меня была возможность выбрать гарнизон, в котором мне предстояло служить.

В новой должности, после нескольких лет службы в Генеральном штабе, я опять оказался в войсках. Годы, проведенные в Кольберге, так же, как и служба в гвардии, запомнились мне как самые счастливые и беззаботные годы моей военной службы.

Захват власти

В Кольберге меня застали события, которые Гитлер называл «захватом власти» и «национальной революцией». Для провинциала, не искушенного в хитросплетениях политической борьбы, они представали в несколько ином свете. Каким бы важным ни было назначение Гитлера имперским канцлером, в Кольберге смена власти воспринималась как попытка возврата от изжившей себя системы «президентского правления» к такому устройству государственной власти, при котором правительство могло бы опираться на поддержку депутатского большинства в

парламенте. Имперский президент поручил формирование правительства партии, которая имела самую многочисленную фракцию в бундестаге. Тем не менее большинство портфелей в новом кабинете не принадлежало представителям НСДАП. Ряд ключевых постов в правительстве был по-прежнему занят доверенными лицами имперского президента. Разумеется, от нового руководства ожидали существенных изменений прежнего курса, прежде всего в направлении возрождения национальной идеи и снижения социальной напряженности. Пышные торжества с факельным шествием, которыми правящая партия отпраздновала победу «национальной революции», мы первоначально расценили как не более чем пропагандистскую акцию.

Рейхсвер не принимал участия в этих политических процессах.. Однако для лучшего понимания дальнейших событий имеет смысл вкратце рассмотреть вопрос о тогдашнем отношении подавляющего большинства профессиональных военных к Гитлеру и к национал-социализму.

О времени, предшествовавшем Мюнхенскому путчу 1923 года, сказать почти нечего. В первые годы после ноябрьской революции 1918 года Гитлер и основанная им маленькая партия не пользовались никакой популярностью среди солдат рейхсвера, во всяком случае за пределами Баварии. Командование и личный состав армии все свои силы отдавали решению трудной задачи строительства новой армии и пытались осмыслить бурные политические процессы в рейхе. Достаточно вспомнить лишь некоторые важнейшие события, происходившие в рейхе под давлением держав-победительниц и вследствие острой внутриполитической борьбы. Вслед за путчем Каппа—Лютвица в 1920 году произошло коммунистическое восстание в Рурской области. 1921 год ознаменовался восстаниями в Центральной Германии и в Гамбурге, которые были подавлены с немалыми усилиями. Прошли плебисциты в Шлезвиге, Восточной Пруссии и Верхней Силезии. Последний, как известно, сопровождался инспирированным Польшей «народным восстанием», целью которого являлось насильственное присоединение оставшейся в составе Германии части этой провинции. Тем временем внутриполитические противоречия в рейхе продолжали обостряться. Были убиты министры Эрцбергер и Ратенау. В результате последовавшего за этим принятия закона о защите республики имперское правительство вступило в конфликт с правительством Баварии.

Осенью 1923 года дело дошло до кровавых беспорядков в Саксонии, где социал-демократы и коммунисты сформировали

коалиционное правительство во главе с Эрихом Цейгнером. Для восстановления спокойствия и порядка на территории земли потребовалось вмешательство военных. Французы оккупировали излучину Майна, а войска держав-победительниц захватили Дюссельдорф. Позднее Франция под предлогом задержки выплат по репарациям заняла Рейнскую область, на территории которой сепаратисты провозгласили Рейнскую республику. Все это сопровождалось прогрессирующей инфляцией с ее тяжелыми экономическими и социальными последствиями. Неудивительно, что на фоне столь драматичного развития обстановки почти никому не было дела до вновь созданной в Мюнхене партии, как бы громко она о себе ни заявляла.

Даже такой короткий и далеко не полный перечень важнейших политических событий показывает, насколько важно было в это смутное время удерживать армию подальше от политики. И если бы генерал-полковник фон Сект и военный министр Гесслер жестко и последовательно не придерживались этого принципа, рейхсвер в те кризисные годы никогда не стал бы той силой, благодаря которой в конечном счете не только удалось поддержать авторитет государства, но и обеспечить единство и целостность рейха.

В этом свете необходимо рассматривать влияние ноябрьского путча Гитлера в 1923 году на рейхсвер. Для большинства солдат, в первую очередь для офицеров, провалившийся путч был как гром с ясного неба. Ведь Гитлеру удалось сбить с пути истинного и побудить к измене надежду и опору армии, ее будущих офицеров! Шоковое состояние, в которое был повергнут рейхсвер, стал причиной того, что солдаты отныне воспринимали Гитлера и его партию с большим недоверием. В последующие годы был зафиксирован только один случай связи НСДАП с личным составом армии. Два лейтенанта, проходившие службу в Ульме, поддались на пропагандистские лозунги Гитлера. Они были немедленно уволены и отданы под суд. Кстати, командиром полка, в котором они служили, был будущий генерал-полковник Бек. Он, естественно, нетерпимо относился к таким проявлениям среди своих подчиненных, но одновременно продемонстрировал понимание и сочувствие к провинившимся во время судебного процесса над ними. Наряду с этим некоторые солдаты продолжали поддерживать с Гитлером чисто личные отношения, сложившиеся между ними еще в годы первой мировой войны, что, впрочем, никак не влияло на исполнение ими своего служебного долга и на позицию рейхсвера в целом. И хотя при национал-социалистском режиме многие из этих офицеров были выдвинуты на довольно высокие посты, никто из них не был в состоянии

оказывать сколько-нибудь заметное влияние на происходящие события.

Как же изменялось отношение армии к национал-социалистам вплоть до их прихода к власти? Прежде всего следует отметить, что все более менее здравомыслящие военные с трудом представляли себе, какой смысл следует вкладывать в понятие «движение», которое Гитлер использовал для обозначения своих сторонников. Большинство воспринимало НСДАП как еще одну из многих политических партий, пусть и отличавшуюся такой жаждой власти и пропагандистской мощью, на которые уже не были способны ее престарелые соперники, кроме, пожалуй, коммунистов. Однако военные всегда с изрядной долей скептицизма относились к партиям и их программам. Что же касается личности Гитлера и его шефа пропаганды Геббельса, то их влияние на солдат, которым не разрешалось принимать участие в политических собраниях и митингах, было несравненно меньшим, чем на все остальное население. За исключением некоторых офицеров, которые, как генерал фон Шлейхер, по долгу службы встречались с руководителями партий, вряд ли кто-либо из других высших офицеров рейха был лично знаком с Гитлером или с кем-нибудь из его ближайших сподвижников до их прихода к власти. Тем, кто сомневается в этом, достаточно представить себе, какие неприятные последствия, какую цепь подозрений повлекла бы за собой несанкционированная встреча с этими лицами любого из высших офицеров рейхсвера.

Нацисты: за и против

Следует признать, что даже неискушенные в политике военнослужащие рейхсвера не могли не обратить внимание на такую энергичную и амбициозную партию, как НСДАП, число сторонников которой росло год от года. Волей-неволей им приходилось определяться в своем отношении к этому новому политическому феномену. Мнение, которое складывалось у них о национал-социалистском движении в последующие годы, было весьма противоречивым.

Солдатам импонировала приверженность этой партии национальной идее и ее протест против версальского диктата. То же самое относится и к их бескомпромиссной борьбе с коммунистами.

Солдат привлекало также стремление нацистов к ликвидации глубокой пропасти, разделявшей буржуазию и рабочий класс Германии. В ее существовании многие тогда усматривали откровенную угрозу для настоящего и будущего страны. О том, что другие партии не были способны к достижению этой цели,

можно было судить по результатам их деятельности. Коммунисты стремились к диктатуре советского образца. Социалисты по-прежнему придерживались идеи классовой борьбы. Буржуазные партии вели борьбу за укрепление своих экономических и мировоззренческих позиций или ностальгически оглядывались назад, предлагая вернуться к «старым добрым временам».

Неприятие у солдат вызывал целый ряд моментов, большинство из которых имели эмоциональную природу. В частности, это относится к помпезности и крикливости, свойственным ее облику, как, впрочем, и облику ряда других партий, а также к нечистоплотным, граничащим с насилием методам политической борьбы, применяемым нацистами. В высшей степени отталкивающе действовала на солдат маниакальная приверженность национал-социалистов ношению формы, свидетельствовавшая о наличии у них милитаристских претензий. Даже если предположить, что речь в данном случае шла лишь о внешних признаках облика нацистов, то их воинственность и наличие у них военизированных структур не могли не настораживать.

Сама по себе деятельность гитлерюгенда и штурмовых отрядов по физическому воспитанию молодежи и поддержанию в хорошей физической форме людей более старшего возраста не могла вызывать нареканий со стороны рейхсвера. Вместе с тем довольно рано проявились опасные претензии штурмовых отрядов на роль самостоятельной военной силы. Рейхсвер не мог не испытывать беспокойства по поводу возникновения «партийной армии», воплощавшей в себе скрытую угрозу для государства и порядка в стране. Подобные опасения вызывала деятельность и ряда других политических сил.

Что касается штурмовиков, то приходилось только догадываться о том, какое количество бесконтрольного оружия накапливалось в этих отрядах. Дело дошло до того, что в некоторых германских провинциях штурмовые отряды заявляли о своих претензиях на охрану границ рейха. Все это вызывало глубокую озабоченность по поводу того, что в случае возникновения внутренней или внешней угрозы существованию рейха в Германии действовали бы сразу две армии, одна из которых служила бы государству, а другая — лидеру политической партии.

Выдвижение кандидатуры Гитлера в качестве соперника Гинденбурга на президентских выборах в 1932 году вызвало недовольство рейхсвера. Имперский президент и полководец времен первой мировой войны давно стал для солдат символом рейха. Они не могли примириться с попытками партийного

лидера, провозгласившего национальную идею, занять место человека, олицетворяющего единство рейха. И все же, несмотря на столь противоречивое отношение к нацистам, назначение Гитлера имперским канцлером в январе 1933 года было воспринято в войсках если и не с восторгом, то по крайней мере с облегчением. У многих было такое чувство, что так дальше продолжаться не может. Правительствам фон Па- пена и фон Шлейхера нельзя было отказать в определенных внешнеполитических успехах, которыми они были обязаны главным образом политике своего предшественника канцлера Брюнинга. Однако внутреннее положение рейха было почти безнадежным. Ни одно из предыдущих правительств не справилось ни с постоянно растущей безработицей, ни с увеличивающимся расколом среди народа. Но больше всего армию беспокоили обострившиеся до предела внутриполитические противоречия. Многое свидетельствовало о том, что страна находилась на грани гражданской войны. Гитлер олицетворял собой «сильную личность», о которой тогда в Германии мечтали многие. В тот момент мало кто мог представить себе, какие формы примет в дальнейшем национал-социалистское движение. Ни сами немцы, в том числе и немецкие солдаты, ни тем более иностранцы тогда еще не осознавали реальность угрозы установления в Германии тоталитарного режима. Вместе с тем на примере большевистского режима в России многие ясно представляли себе, чего можно было ожидать от прихода к власти коммунистов.

Остается добавить несколько слов относительно роли и места отдельных лиц во взаимоотношениях между рейхсвером и национал-социалистами. Генерал фон Шлейхер в свою бытность имперским военным министром, то есть прежде всего политическим деятелем, а не военным, всерьез рассматривал и в целом поддерживал идею о включении НСДАП в состав коалиционного правительства. На посту имперского канцлера он добросовестно заблуждался относительно возможности внесения раскола в нацистскую партию. И лишь в период январского правительственного кризиса 1933 года он выступил против назначения Гитлера имперским канцлером. То же самое можно сказать и о тогдашнем главнокомандующем сухопутными войсками генерале фон Хаммерштейне.

Генерал фон Бломберг, ранее занимавший должность командующего 1-м военным округом (со штабом в Кенигсберге), был по требованию Гинденбурга, а не Гитлера, назначен 30 января имперским военным министром. Однако он не мог оказывать никакого влияния на политические решения,

принимаемые в Берлине, по той простой причине, что он почти безвылазно находился в Женеве в качестве представителя от Германии на заседаниях комиссии Лиги Наций по вопросам разоружения. Бломберг был мудрым и высокообразованным человеком. Будучи человеком прогрессивных взглядов, он всегда стремился идти в ногу со временем, что, вероятно, способствовало положительному восприятию им многих национал-социалистских идей. В то время никто из боевых соратников генерала и представить себе не мог, каким большим влиянием на него будет пользоваться через некоторое время Адольф Гитлер.

Генерал фон Райхенау, которого Бломберг назначил начальником военного отдела министерства, был более самостоятелен в своих суждениях и поступках. Несмотря на то, что он в известном смысле способствовал сближению между национал-социалистами и генералом Бломбергом, сам он занимал более независимую позицию по отношению к НСДАП. Впрочем, на решения политического руководства в период до 30 января 1933 года он никак не мог влиять, потому что занимал в это время пост начальника штаба 1 -го военного округа.

Что касается непосредственно самого рейхсвера, то в этот непростой период он сохранял верность и преданность своему долгу. Немецкие солдаты были готовы в любой момент выполнить приказ имперского президента и выступить против любого врага, в том числе и против национал- социалистов, если бы они попытались силой захватить власть.

Первые плоды господства национал-социалистов

События первых лет господства национал-социалистов я наблюдал издалека, находясь на должности командира батальона в Кольберге. Поэтому я ограничусь здесь рассказом о впечатлении, которое эти события производили на нас, людей сугубо военных. Во время поджога рейхстага в конце февраля 1933 года наш батальон находился на стрельбище в Деберице. Один из унтер-офицеров нашего батальона, находившийся в отпуске в Берлине, случайно оказался вблизи рейхстага и первым известил полицию о пожаре. Некоторое время спустя он получил за это вознаграждение от правительства. Однако и ему, человеку, весьма далекому от политики, тогда и в голову не могло прийти, что поджог мог быть устроен самими национал-социалистами для того, чтобы повлиять на результаты предстоявших в ближайшее время выборов в рейхстаг.

В выборах в рейхстаг в марте 1933 года военнослужащие участвовать не имели права, что отвечало многовековой традиции

существования армии вне политики. Несмотря на то, что в ходе выборов национал-социалисты так и не получили абсолютного большинства в парламенте, в рейхсвере их итоги были истолкованы в том смысле, что отныне появляется возможность для более настойчивого и целенаправленного решения внутри- и внешнеполитических проблем. Партийный состав рейхстага, довольно значительная численность депутатов от партий, не имеющих никакого отношения к нацистам, и авторитет имперского президента казались нам достаточной гарантией проведения умеренного и взвешенного политического курса, свободного от экстремизма в любых его проявлениях. Устроенная в потсдамской гарнизонной церкви торжественная церемония открытия сессии рейхстага нового созыва стала одной из наиболее удачных пропагандистских акций нового режима, которая призвана была укрепить вышеупомянутые надежды. Она была воспринята как признак стремления новой власти к сближению прусских традиций «служения отечеству» с национальными и социальными идеями НСДАП. Мы, солдаты, и вместе с нами подавляющая часть народа еще не научились отличать пропаганду от стоящих за ней истинных политических целей. Мы явно недооценили масштаб и своеобразную притягательную силу личности Гитлера. В то же время были забыты уроки Великой французской революции и русской революции 1917 года, самый главный из которых состоит в том, что в кризисных ситуациях сплоченное, радикальное меньшинство способно одержать победу над умеренным, нерешительным или находящимся в состоянии раскола большинством. Например, никто не ожидал, что находящиеся в правительстве и парламенте силы, способные уравновесить противостоящих им радикалов, так скоро и почти без сопротивления будут отстранены от участия в политической борьбе. Мы не будем здесь подробно останавливаться на политических мероприятиях правительства в течение первого года его деятельности, поскольку рейхсвер не имел к ним никакого отношения. Стоит упомянуть лишь о двух важных решениях по вопросам внутренней и внешней политики.

Среди внутриполитических решений наибольшего внимания заслуживает принятый рейхстагом 24 марта закон о дополнительных полномочиях имперского канцлера. Каковы бы ни были мотивы, которыми руководствовались буржуазные партии, проголосовавшие за этот закон, с полной уверенностью можно утверждать, что отныне путь к диктатуре для Гитлера был свободен. Между прочим, именно этот закон позволил Гитлеру через некоторое время подчинить себе вооруженные силы рейха.

Важнейшим внешнеполитическим решением нового правительства стал отказ от участия Германии в конференции по разоружению и выход страны из состава Лиги Наций. В течение 14 лет Германия безрезультатно ждала, что другие державы последуют ее примеру и встанут на путь сокращения вооружений. Кроме того, в соответствии с Версальским договором на эти державы были возложены определенные обязательства по отношению к Германии, на выполнении которых последняя неоднократно настаивала в Лиге Наций. После бесконечных переговоров правительству Шлейхера наконец удалось добиться от международного сообщества формального признания равноправия Германии, которое, однако, не соблюдалось на практике. Первые, достаточно умеренные предложения Гитлера по поводу ограниченного перевооружения Германии были грубо отвергнуты и заменены для начала неким «испытательным сроком» для рейха. Мы, солдаты рейхсвера, с одобрением отнеслись к отказу Германии от участия в конференции по разоружению, так как понимали, что теперь у рейха развязаны руки. Вместе с тем многие из нас, и прежде всего те, кому приходилось вплотную заниматься вопросами обеспечения безопасности страны, скептически восприняли решение о выходе Германии из Лиги Наций. Выше уже шла речь о том, какое значение руководство рейхсвера придавало авторитету и влиянию международного сообщества на случай вооруженной агрессии. Опасность последней едва ли уменьшилась после прихода к власти Гитлера. В качестве постоянного члена Совета Лиги Наций Германия имела возможность обращаться к другим его членам за помощью уже при возникновении реальной угрозы ее безопасности. Кроме того, с трибуны Лиги Наций мы могли бы более эффективно отстаивать интересы немецких меньшинств и добиваться пересмотра положений Версальского договора. Можно было предположить, что к более сильной Германии другие державы стали бы прислушиваться чаще, чем прежде. С выходом Германии из Лиги Наций мы оказались лишенными этих возможностей.

В вопросе о необходимости повышения обороноспособности страны ввиду сохраняющейся сложной международной обстановки разногласий между рейхсвером и правительством не было. Мы не могли не заметить, что к вопросам военного строительства новое правительство относится с большим пониманием, чем его предшественники. Менее заметным стало и столь ощутимое раньше неприятие военных и всего, что с ними связано. Вместе с тем необходимо отметить, что глубоко заблуждаются те, кто считают, будто бы вышеупомянутые

факторы склонили солдат рейхсвера к безоглядной поддержке Гитлера и его военных планов. Подавляющее большинство из нас хорошо представляли себе, что такое война, поэтому нас нельзя было заподозрить в желании отправиться на другую войну.

Так называемое «тайное перевооружение» рейха находилось в те годы на самой начальной стадии. Оно сводилось к составлению планов и подготовке расчетов для увеличения количества пехотных дивизий сухопутных войск с 7 до 21, только теперь уже не в военное, а в мирное время. Известная фраза «Гитлер — это война» не пользовалась популярностью и поддержкой. К тому же на протяжении целого ряда лет она опровергалась тем неоспоримым фактом, что всех своих поистине невероятных внешнеполитических успехов Гитлер добивался без единого выстрела, во всяком случае до тех пор, пока высокомерие и самоуверенность не побудили его перейти границы государства, которое вполне можно было завоевать без войны.

В нашей тогдашней повседневной жизни время от времени происходили события, которые настраивали нас на мрачный лад и психологически воздействовали порой сильнее, чем иные политические процессы. Впрочем, сначала мы воспринимали их как досадные единичные случаи, к которым власть не имеет прямого отношения. Некоторые из них были связаны с деятельностью нацистской партии, авторитет и влияние которой после прихода к власти значительно выросли. Отдельные ее громкие акции порой вызывали недоумение и раздражение. Свидетелями двух грандиозных митингов, организованных НСДАП, стали и мы, обитатели маленького Кольберга. На одном из них выступил Бальдур фон Ширах, который объявил о сосредоточении всей молодежи под его руководством. Высокомерие, с которым он отозвался о деятельности существовавших в то время молодежных союзов во главе с почтенным адмиралом фон Тротта, не понравилось многим молодым солдатам, являвшимся их членами. По приказу из Берлина на этом митинге должна была присутствовать рота почетного караула — новшество, кажущееся более чем сомнительным. Ведь рейхсвер являлся орудием государства, а не партийной гвардией. Роты почетного караула обычно выстраивались для встречи глав иностранных государств. Мы расценили указание Бломберга как попытку заигрывания с нацистской партией и попробовали уменьшить связанный с этим негативный эффект тем, что командир роты обратился с докладом не к Герингу, а к своему командиру полка, который и совершил затем обход роты почетного караула, предоставив Герингу лишь роль сопровождающего.

Больше всего неувязок и конфликтов возникало между нами и штурмовыми отрядами. Радикальная и, к сожалению, наиболее влиятельная часть штурмовиков уверовала в свою безнаказанность и вседозволенность. Их высокомерное поведение стало вскоре причиной многочисленных стычек с солдатами. Немало проблем было связано и с распоряжением Бломберга о направлении опытных командиров в учебные лагеря штурмовиков для проведения с ними занятий по военному делу. Мы отнюдь не возражали против обучения штурмовиков на курсах подготовки пограничников, которые находились под эгидой рейхсвера. Однако приказ Бломберга по существу означал, что отныне мы должны были ни много ни мало заниматься военной подготовкой штурмовых отрядов. Мы не очень верили в то, что эти военизированные партийные формирования в случае войны согласятся с второстепенной ролью запасных частей и подразделений рейхсвера.

Удручающее впечатление произвели на солдат первые, пока еще сравнительно редкие случаи дискриминации евреев. Крайне неприятно было осознавать, что немалую роль при этом играло желание расправиться с более удачливым конкурентом. Так, например, в Кольберге была предпринята попытка сместить со своего поста высококвалифицированного главного врача большого детского приюта под предлогом того, что он является «только наполовину арийцем». И только благодаря тому, что этот врач участвовал в первой мировой войне и был награжден «Железным крестом» 1-го класса, командиру нашего полка, будущему генерал-полковнику Штраусу, и мне удалось отстоять его, так что претенденты на его место остались ни с чем. Его также продолжали, к явному неудовольствию нацистов, приглашать в офицерское казино.

К сожалению, в то время было широко распространено мнение, будто Гитлеру ничего не было известно об ошибках и злоупотреблениях его соратников. Считалось, что если бы ему доложили об этом, то он решительно осудил бы своих перестаравшихся последователей. От этого заблуждения немцы, увы, избавились не очень скоро. Оглядываясь назад, можно только недоумевать по поводу того, почему мы, солдаты, привыкшие к тому, что любой командир несет ответственность за действия своих подчиненных, не подходили с такой же меркой и к Гитлеру.

II. Третий Рейх: Рейхсвер и вермахт в предвоенные годы

Начальник штаба 3-го военного округа

1 февраля 1934 года я был назначен начальником штаба 3-го военного округа в Берлине. Тем же приказом на пост командующего округом был назначен генерал фон Вицлебен, будущий генерал-фельдмаршал. Мы хорошо знали друг друга по совместной службе в Дрездене, где мы занимались подготовкой младших офицеров. Будучи человеком с весьма широким кругозором и отличаясь способностью быстро улавливать суть дела, генерал Вицлебен обладал редким даром нетерпимого отношения к мелочной опеке подчиненных. Мне как человеку, превыше всего ставящему инициативу и самостоятельность, было легко и приятно работать под его началом. Наша плодотворная совместная работа ни разу не омрачалась недоразумениями или разногласиями. К НСДАП, точнее к ее малопочтенным эмиссарам, с которыми нам в основном приходилось иметь дело, генерал относился с нескрываемой неприязнью. Аналогичной точки зрения придерживалось большинство офицеров штаба округа.

Командование военного округа выполняло двоякую функцию. С одной стороны, командующий округом являлся одновременно командиром дислоцированной в округе 3-й дивизии, на базе которой через несколько лет был сформирован 3-й армейский корпус. С другой стороны, оно представляло собой высшую военную инстанцию на подведомственной ему территории. Здесь я впервые столкнулся с такими задачами, для решения которых необходимо было тесно взаимодействовать с гражданскими учреждениями, а после прихода к власти нацистов — и с их партийными органами. В провинции Бранденбург всеми партийными делами заправлял гауляйтер Кубе, являвшийся одновременно главой администрации этой провинции. Ранее он был одним из влиятельных членов Немецкой национальной народной партии, однако был исключен из нее за финансовые злоупотребления и затем перешел в НСДАП. Хотя во время официальных церемоний он заявлял о своих симпатиях к армии, на самом деле он, безусловно, был ее ярым противником, особенно в том, что касалось офицеров. Позднее за аморальное поведение он был снят Гитлером со всех своих постов. Однако во время войны он неожиданно вновь был призван на

государственную службу и назначен генеральным комиссаром Украины, где «прославился» своей чрезвычайной жестокостью и натворил много бед.

В отличие от этой одиозной фигуры, глава администрации провинции Силезии и ее гауляйтер Йозеф Вагнер был порядочным человеком. Принадлежность к НСДАП не мешала ему оставаться преданным католиком. Вероятно, это стало одной из причин того, что во время войны он был исключен из партии.

Нашему военному округу явно не повезло с высшими руководителями штурмовиков. В Берлине во главе штурмовиков стоял обер-группенфюрер СА Эрнст, зазнавшийся юнец, которому едва исполнилось двадцать с небольшим лет. Он ни с того ни с сего вообразил, что по занимаемой должности он приравнивается чуть ли не к командиру армейского корпуса. Он вел себя крайне вызывающе, был постоянно окружен многочисленной свитой. Как и Кубе, он уверял Вицлебена в своей преданности армии. Не было, однако, никакого сомнения в том, что на самом деле он думает совсем по-другому и не прочь был бы оказаться на месте Вицлебена. Столь же политически непредсказуемыми как Эрнст были два бригадефюрера СА в Неймарке, где они пытались прибрать к рукам пограничную охрану. В Силезии во главе штурмовиков был печально известный Эдмунд Хейнес, человек с явно выраженными преступными наклонностями. Коменданту Бреслау генералу фон Рабенау, который был казнен после покушения на Гитлера 20 июля 1944 года, он угрожал смертью, если тот не перестанет мешать выходкам штурмовиков.

Нетрудно себе представить, что почти все наше «взаимодействие» с партией сводилось к улаживанию многочисленных разногласий. Мы были не готовы к тому, чтобы уступить их тоталитарным претензиям, которые все более отчетливо распространялись и на вооруженные силы. В таких условиях происходило все большее обострение отношений между рейхсвером и штурмовиками, охватившее буквально весь военный округ.

Заговор штурмовиков

Чем больше времени проходит после описываемых событий, тем больше становится желающих преуменьшить масштабы угрозы для государства и его армии, которая тогда исходила от штурмовых отрядов во главе с их предводителем Эрнстом Ремом. Убедительный ответ на вопрос об истинных замыслах Рема, вероятно, уже никогда не будет получен, хотя бы потому, что и он сам, и все ведущие политические фигуры того времени мертвы. Тем не менее едва ли кто-нибудь станет оспаривать то, что эта

хорошо организованная, военизированная и, по-видимому, неплохо во- оружейная партийная гвардия представляла собой потенциальную угрозу для государства, особенно если иметь в виду, что ее возглавляли такие люди, как Рем, Эрнст и Хейнес, известные своим коварством и неуемной жаждой власти. Попытки оценки тогдашней обстановки и составлявших ее главных событий с позиций сегодняшнего дня малоперспективны. В то же время весьма полезно было бы вспомнить, что думали тогда в рейхсвере и в народе о штурмовиках и их роли в государстве.

В качестве начальника штаба 3-го (Берлинского) военного округа я занимал не очень значительную, но все же достаточно высокую должность, которая позволяла мне делать определенные выводы о тогдашней обстановке. Поэтому я попытаюсь здесь вкратце изложить развитие событий в период с февраля по 30 июня 1934 года. Думаю, что это поможет читателю лучше разобраться в ней и, в частности, представить себе, как был воспринят в разных слоях общества разгром Гитлером штурмовых отрядов.

Со временем нам стало ясно, что высшее руководство СА стремилось штурмовыми отрядами заменить армию или с их помощью хотя бы обеспечить себе контроль над рейхсвером. Был сформирован специальный штаб по подготовке штурмовиков во главе с обер-группенфюрером Крюгером, официальной задачей которого было руководство вневойсковой подготовкой. Однако многое указывало на то, что на самом деле этот штаб преследовал более далеко идущие цели, связанные с полномасштабной боевой подготовкой новобранцев и созданием соответствующих организационных структур. С каждым днем поступало все больше сообщений о тайных закупках вооружения для штурмовиков. Было известно, что Рем мечтал о создании так называемой «народной армии», в которой рейхсверу была уготована роль лишь одной из ее составных частей. Ведущая роль в этой «армии» должна была принадлежать штурмовым отрядам. Рем собирался возглавить ее и назначить на высшие командные должности своих приближенных. Кроме того, из многочисленных высказываний высших чинов СА можно было сделать вывод, что Рем намеревался совершить «вторую революцию», о содержании и целях которой можно было только догадываться.

Командование военного округа, разумеется, своевременно информировало обо всем происходящем руководство военного министерства, однако Бломберг не принимал всерьез наши предостережения. Было совершенно очевидно, что он не только стал убежденным сторонником Гитлера, но и проникся доверием к его ближайшим соратникам. Вицлебен и я пользовались у него,

как, впрочем, и в НСДАП и СА, репутацией реакционеров.

В свою очередь Гитлер также не мог слишком долго оставаться равнодушным к растущей напряженности в отношениях между его партийной гвардией и армией, поэтому он решил в конце марта попытаться примирить враждующие стороны. Он собрал в конференц-зале военного министерства командование рейхсвера, СА и СС. На этом совещании я впервые вблизи увидел и услышал Гитлера. Должен признаться, что его выступление произвело на меня сильное впечатление. Сначала Гитлер говорил о своем намерении добиться освобождения Германии от оков версальского диктата. По его словам, важнейшей предпосылкой для этого были единство и сплоченность немецкого народа, а также усиление военной мощи рейха, необходимое для обеспечения его безопасности от агрессии извне. В его речи прозвучала также идея о необходимости дополнительного жизненного пространства для немецкого народа. В то время эта идея воспринималась не иначе как попытка выдать желаемое за действительное, ибо даже запланированного увеличения военной мощи Германии было явно недостаточно для достижения этой цели. Между прочим, мне показалось, что эти слова Гитлера были чем то вроде «captatio benevolentiae»[4] перед руководителями С А и СС, которые, скорее всего, были недостаточно информированы об истинных возможностях Германии в военной области. Вопросам внутренней политики было посвящено единственное заявление

Гитлера о том, что «национальная революция» закончена. Это могло быть истолковано как предостережение в адрес руководителей СА. Все остальные высказывания фюрера так или иначе касались необходимости примирения между рейхсвером и штурмовиками. В этом состояла основная цель совещания и речи Гитлера на нем. Лидер нацистов особо подчеркнул, что немецкая армия «есть и будет единственной организованной вооруженной силой рейха». По его словам, на долю СА и гитлерюгенда выпадает политическое воспитание населения, а также допризывная подготовка молодежи и переподготовка бывших военнослужащих. Он призвал обе стороны к плодотворному сотрудничеству в данном вопросе. В конце совещания Бломберг и Рем подписали соглашение о разграничении полномочий между СА и рейхсвером. Впрочем, судя по реакции определенной части штурмовиков и эсэсовцев на речь Гитлера, противостоящая нам сторона и не думала выполнять условия соглашения.

Довольно скоро командование военного округа вынуждено было констатировать, что в позиции и поведении высших руководителей СА ничего не изменилось. Наоборот, обстановка в

нашей зоне ответственности продолжала обостряться, о чем можно было судить по непрерывно поступающим сообщениям о тайных поставках вооружения в штурмовые отряды и других приготовлениях СА к активным действиям. Эти сведения поступали из настолько надежных источников, что по крайней мере генерал фон Райхенау, правая рука Бломберга, начал прислушиваться к ним. Он получал аналогичную информацию из других источников, в том числе от самих штурмовиков.

В конце июня мы с Вицлебеном несколько дней провели на стрельбище Путлос у берегов Балтийского моря. Сообщения из штаба нашего военного округа о все более резком обострении обстановки заставили нас немедленно вернуться в столицу рейха. К нашему приезду ситуация явно обострилась до предела. После того, как, в частности, было установлено, что в расположенном напротив штаба здании разместились штурмовики и что по ночам туда доставляются пулеметы, была усилена охрана штаба. Войскам также был отдан приказ о принятии дополнительных мер безопасности в казармах и военных городках на случай внезапного нападения. Из разных мест, в том числе от полицай-президента Потсдама графа Хельдорфа[5] и от сотрудников штаба вышеупомянутого обер-группенфюрера СА Крюгера, поступали сообщения о подготовке руководством СА военного переворота. 29 июня к нам прибыл начальник организационно-мобилизационного отдела из Франкфурта-на-Одере, будущий генерал-полковник Хазе. Он охарактеризовал обстановку в Нейкмарке как чрезвычайно напряженную и высказал предположение о возможности в самое ближайшее время путча СА, для предотвращения которого нужно было, по его мнению, арестовать высших руководителей штурмовиков.

Вицлебен не мог дать своего согласия на такие действия. Между тем угрожающие сообщения поступали и из Силезии. В Берлине обстановка была настолько напряженной, что я, проживавший в то время не вблизи штаба, расположенного в центре города, а на окраине, в районе Лихтерфельде, каждую ночь, вплоть до 30 июня, опасался ареста мятежными штурмовиками. Сейчас я уже точно не помню, имелся ли к тому времени в нашем распоряжении список фамилий лиц, подлежащих аресту, или он попал к нам позднее. Очень подозрительным показалось нам также внезапное исчезновение берлинского руководителя СА Эрнста. Как известно, он был арестован 30 июня в Бремене при попытке сесть на корабль, на котором он собирался отправиться в отпуск. Отданное Ремом незадолго до этого распоряжение об отпусках для своих подчиненных представляло собой отвлекающий маневр.

Меры, предпринятые Гитлером против руководства штурмовиков 30 июня, оказались для нас полной неожиданностью. Еще утром этого дня мы проводили совещание с командирами о дальнейшем усилении мер безопасности. Первое сообщение об этом, которое, если мне не изменяет память, мы получили из военного министерства, гласило, что Гитлер лично арестовал Рема в Бад- Висзее и исключил его из СА. Такая же участь ожидала и других высших руководителей штурмовиков. В тогдашней напряженной обстановке оно принесло нам такое же облегчение, какое испытывает при первых каплях дождя человек, измученный духотой от приближающейся грозы. Получив это известие, мы тогда еще не могли представить себе, какие кровавые события последуют за этим. Довольно скоро стало известно об убийстве супругов фон Шлейхер и генерала фон Бредова, а также самого Рема и его ближайших соратников. Затем мы узнали, что на территории бывшего кадетского корпуса в Лихтерфельде, где теперь размещались части и подразделения войск СС, также проводились расстрелы штурмовиков, в числе которых был и обер-группенфюрер СА Эрнст. Точных сведений о количестве и поименном составе казненных не было. В сообщениях об этом, поступавших со всех концов страны, достоверные факты были перемешаны с информацией, основанной на слухах. Некоторые из тех, кто числился среди казненных, оказывались живыми и здоровыми, и наоборот, известия о расстреле ряда других штурмовиков поступили лишь по прошествии значительного времени. Так, например, мы очень долго ничего не знали о судьбе бывшего баварского государственного комиссара фон Кара, который, как оказалось, тоже был убит. Неясно было также, была ли эта расправа совершена по распоряжению Гитлера, или это были самовольные действия Геринга, Гиммлера и глав исполнительной власти на местах. Впрочем, уже тогда мы не сомневались в том, что ответственность за все эти действия несет Гитлер как имперский канцлер и вождь партии.

Остается спорным и вопрос о том, действительно ли существовала в то время непосредственная угроза путча высших руководителей СА. Однако, независимо от приводимых сейчас, через много лет, аргументов, подтверждающих или опровергающих версию о подготовке путча, можно с уверенностью утверждать, что в июне 1934 года те инстанции, которые тщательно отслеживали обстановку в рядах СА, не без основания считали возможным и реальным бунт штурмовиков. Даже если предположить, что в конце июня Рем еще колебался, то и в этом случае можно считать, что его наиболее радикально

настроенные единомышленники все равно вынудили бы своего лидера довести дело до конца. Было очевидно, что руководство СА не смирится с отведенной штурмовикам ролью нелегальной полиции и что оно прежде всего рвалось к власти и рассматривало своих подчиненных в качестве передового отряда, необходимого для продолжения революции. Не случайно многие из ближайших соратников Рема довольно цинично заявляли о приближающейся «ночи длинных ножей» и «второй революции».

Непонятно было, почему Гитлер так долго безучастно наблюдал за весьма подозрительной активностью наиболее одиозных фигур из числа руководителей СА. Стоило ему вмешаться раньше, и тогда, вероятно, удалось бы избежать чрезмерного кровопролития.

Нужно сказать еще несколько слов о том, как был воспринят разгром штурмовиков в народе и в армии. На этот счет существует довольно распространенное мнение, что 30 июня 1934 года третий рейх перестал быть правовым государством. В подтверждение этого обычно приводятся многочисленные факты беззакония и произвола, имевшие место на протяжении всего периода правления национал-социалистов. Однако, несмотря на безусловную правильность такого вывода с точки зрения сегодняшнего дня, хотелось бы отметить, что, как будет показано ниже, данное утверждение в тот период, когда происходили описываемые события, было далеко не столь очевидным для подавляющего большинства немцев.

Разумеется, уже летом 1934 года почти всем было ясно, что массовые казни штурмовиков представляли собой доселе невиданный для Германии акт произвола властей. И пусть в других странах, во время других революций и по совсем другим поводам уже не раз происходили подобные кровавые драмы, — германская история такого еще не знала! И даже подготовленный позднее правительством и утвержденный рейхстагом «Закон о защите государства в чрезвычайной ситуации» ничего не меняет в том, что кровавая расправа над штурмовиками явилась вопиющим актом беззакония. Однако те, кто были очевидцами этих событий, смогут подтвердить, что подавляющее большинство немцев в то время не воспринимали их как первое звено в цепи беззаконий, совершенных нацистским режимом. Более того, многими решительные действия по отношению к штурмовикам расценивались тогда как вполне оправданная попытка положить конец беззаконию и навести порядок в стране. И только теперь, по прошествии многих лет, мы понимаем, как велико было заблуждение, в плену которого мы все оказались в те годы.

Возмущение, переходящее в ненависть, и озабоченность,

превращающаяся в страх, — плохие советчики. Они способны притупить интуицию и заглушить чувство справедливости. Мы, немцы, с лихвой испытали и то и другое, причем не только при Гитлере, но и в послевоенное время. В этом и заключается, по-моему, разгадка того, почему народ, всегда славившийся обостренным чувством справедливости и законности, смирился с вопиющим беззаконием. Во всяком случае, одними законами морали и нравственности объяснить случившееся с нами невозможно.

Не следует, однако, забывать о том, что ни народ, ни рейхсвер, по сути дела, никак не могли повлиять на ход и исход кровавой расправы по той простой причине, что они узнали о ней слишком поздно. А размахивать кулаками после драки было не просто бесполезно, а смертельно опасно: все могло закончиться еще более кровавой гражданской войной.

Трагизм ситуации, возникшей в связи с подавлением заговора штурмовиков, усугубляется тем, что наряду с отпетыми негодяями и государственными преступниками пострадали и совершенно невинные люди.

Можно ли было избежать жестокой расправы над членами СА? Ответ на этот вопрос не так прост, как кажется. Прежде всего весьма велика была вероятность того, что попытка ареста и последующего предания суду главных заговорщиков повлекла бы за собой вооруженное сопротивление ничего не подозревающей основной массы рядовых штурмовиков. Правда, рейхсвер вместе с полицией, скорее всего, справился бы с мятежниками, действия которых едва ли нашли бы поддержку в народе. Однако многие полагали тогда, что решительным и безжалостным мерам по отношению к наиболее отъявленным функционерам СА, своими выходками давно поставившими себя вне закона, следовало отдать предпочтение перед более умеренными и затяжными действиями, результатом которых могло бы стать большое число жертв с обеих сторон. Наконец, не следует забывать о том, что как раз среди противников НСДАП было немало тех, кто считал аферу Рема внутренним делом партии, которая вправе была поступить с отступниками так, как она считала нужным. «Революция пожирает своих детей» — вот фраза, которая была на устах у многих 30 июня 1934 года и в последующие годы, хотя она и относится к совсем другим временам и событиям.

Что касается безвинной гибели тех, кто не имел ничего общего с планами Рема и деятельностью его организации, то все они либо стали жертвами внутрипартийных интриг, либо пострадали от самодурства государственных чиновником, которым они стали чем-то неугодны или опасны. Произвол,

допущенный в отношении этих людей, не может быть оправдан даже с позиций «защиты государства в чрезвычайной ситуации» — лозунга, с помощью которого с легкой руки правительства и рейхстага была подведена «законная» база под действия фюрера и его единомышленников.

Убийство генералов фон Шлейхера и фон Бредова, из которых последний долгие годы являлся правой рукой Шлейхера в имперском министерстве обороны, затрагивало армию самым непосредственным образом. Мы вправе были ожидать от военного министра Бломберга немедленного и строгого наказания виновных. После того, как по прошествии какого-то времени ничего подобного не произошло, я попросил Вицлебена обратиться с соответствующим запросом к главнокомандующему сухопутными войсками. С свою очередь Фрич — к сожалению, безрезультатно — пытался уговорить Бломберга обратиться по данному вопросу к Гитлеру. Насколько мне было известно, Бломберг в оправдание своего отказа сослался на слова Гитлера о том, что через некоторое время он может представить доказательства тайного сотрудничества Шлейхера и Бредова с врагами рейха. Мне трудно судить о том, действительно ли Бломберг поверил тогда в существование этих доказательств. Как бы то ни было, но Бломберг из-за своей медлительности явно упустил шанс добиться от Гитлера наказания виновных в убийстве обоих генералов. Бломберг был в первые дни после событий 30 июня единственным человеком, способным на такой шаг, так как никто, кроме него, не был лучше информирован обо всем происходящем. После того, как Гитлер в рейхстаге публично взял всю ответственность на себя и добился от депутатов принятия закона, оправдывающего его действия, стало ясно, что отныне можно не рассчитывать на то, что фюрер выдаст людей, ответственных за подлое убийство.

Все это вызвало глубокое возмущение офицерского корпуса. Оно оказалось настолько сильным, что имперскому военному министерству пришлось запретить ведение дискуссий на данную тему. Впрочем, этот запрет оказался столь же неуместным, сколь и безрезультатным, хотя до открытого протеста военных дело, к счастью, так и не дошло. Ведь любая силовая акция со стороны рейхсвера, призванная заставить правительство наказать виновных в убийстве генералов, была бы истолкована, согласно новому закону, как акция, направленная не только против правительства и рейхстага, но и против имперского президента, который охарактеризовал акцию Гитлера как обоснованную необходимостью защиты государства[6]. Другими словами, эти действия могли быть рано или поздно квалифицированы как

попытка государственного переворота! Но против кого и при чьей поддержке он мог быть организован? Что должно было произойти после этого? Личность и положение Гинденбурга были, разумеется, неприкосновенны. Значит, протест армии мог быть направлен на свержение Гитлера и отстранение от власти режима, базирующегося лишь на законе о дополнительных полномочиях. Но кто стал бы поддерживать рейхсвер в его борьбе против государственной власти? Ведь как ни велики были трения между НСДАП, частями СС и штурмовыми отрядами, все эти три организации наверняка сплотились бы в этом случае вокруг Гитлера, тем более что наиболее опасный соперник фюрера Рем и его сподвижники были бы к тому времени уже уничтожены. Не должно быть никаких иллюзий и в отношении народа к возможному путчу военных. Большинство, несомненно, было за Гитлера, даже за вычетом тех, чьи голоса были отданы за нацистов под их давлением. На действенную помощь противостоящего Гитлеру меньшинства также нельзя было рассчитывать. Но самый главный вопрос заключался в том, каким образом можно было — в случае удачного переворота — сформировать новые органы государственной власти, которые пользовались бы доверием народа?

«Vestigia terrent!»[7] Правда, в данном случае это были не только следы путча Каппа — Лютвица. Мы также были озабочены возможными последствиями вмешательства военных в управление государством для самого государства и для морального духа войск. Эта озабоченность не позволяла командованию даже задумываться о возможности посягательства на государственный авторитет. А ограничиться простым предупреждением или угрозой такому человеку, как Гитлер, значило совершить величайшую глупость.

Командование рейхсвера после 30 июня не смогло добиться того, что требовал от нее долг чести и товарищества. Единственное, что удалось сделать, это выступить с заявлением о том, что оба убитых генерала ничем не запятнали себя перед армией. С заявлением, которое было доведено до сведения Гитлера в качестве единодушной точки зрения офицерского корпуса, выступил на ежегодном собрании союза бывших офицеров Генерального штаба старейший немецкий солдат — генерал-фельдмаршал фон Макензен.

Завершая рассуждения о заговоре штурмовиков и последующей расправе над руководителями СА, хотелось бы сказать следующее: 30 июня 1934 года Гитлеру удалось отвести от государства чрезвычайно опасную угрозу, однако сделано это было противозаконным способом. Попытка задним числом

подвести законное основание под совершенные действия не помогла восстановить веру в закон и справедливость. Угроза государству со стороны распоясавшихся штурмовиков в то время действительно существовала. Во всяком случае, в этом были убеждены все, кто достаточно много знал о содержании и целях деятельности СА. Вместе с тем никакая угроза государству не может оправдать гибели невинных людей. Единственной силовой структурой, которая была способна тогда восстановить правовое государство, мог бы стать рейхсвер. Однако руки у немецких солдат были связаны, и не столько потому, что ими руководил слабый и нерешительный военный министр Бломберг, сколько из-за болезни имперского президента, прерогативой которого являлось введение чрезвычайного положения и вытекающая из этого передача всех властных полномочий вооруженным силам. Без этого любые действия рейхсвера были бы нелегитимными и представляли бы собой попытку государственного переворота.

«Principiis obsta!»[8]

События, связанные с аферой Рема и его соратников, вновь подтвердили справедливость древнего изречения «Противодействуй началам!» В самом деле, зло всегда лучше всего подавлять в зародыше. Однако всегда ли современники трагических событий знают или по крайней мере могут знать время и место появления первых признаков грядущей беды? Весь трагизм положения, сложившегося после прихода к власти национал- социалистов, заключался именно в том, что эти признаки зарождались на фоне тогдашней кризисной обстановки, накапливались постепенно и часто казались совершенно безобидными или малозначительными. Расправа Гитлера со штурмовиками выглядела как удар по беззаконию и акт спасения государственной власти от коварных узурпаторов. Понимание того, что на самом деле это стало началом перерождения правового государства в неправовое, было нам тогда недоступно. Пусть это будет для нас хорошим уроком!

Вскоре после разгрома заговорщиков Гитлер поручил высшим чинам имперской полиции во главе с генералом Далюге провести реорганизацию СА. В военные округа был направлен приказ имперского военного министра подготовить списки с фамилиями командиров штурмовых отрядов, которых, по мнению военных, следовало освободить от занимаемых должностей. Такой список нами был составлен и за моей подписью отправлен Бломбергу. В свою очередь военное министерство передало его генералу Далюге. А тот ничего лучше не придумал, как показать его тем лицам, фамилии которых находились в списке. Нетрудно представить себе, к чему это привело. Так, например, мы считали,

что некий бригаденфюрер СА из Неймарка не соответствует занимаемой должности. Увидев свою фамилию в списке, тот обратился к генералу Фричу с требованием моей отставки, пообещав в случае отказа вызвать меня на поединок. Фрич оставил эту жалобу без внимания.

В связи с тем, что под предлогом событий 30 июня штурмовики потребовали выдать им оружие и тем самым вызвали новое обострение обстановки, Гитлер счел необходимым вновь обратиться к руководству рейхсвера, СА и СС с призывом о примирении. По этому случаю нас собрали в помещении Берлинской оперы. Поднявшись на сцену, Гитлер еще раз заверил нас в том, что оружие находится и всегда будет находиться только в распоряжении рейхсвера. При этом он подчеркнул, что возложенная на него, Гитлера, миссия возрождения рейха неизбежно потерпит провал, если вооруженные силы, с одной стороны, и партия с ее разнообразными структурами, с другой, не найдут общего языка во имя блага нации. По его словам, в этом случае ему ничего не останется, как пустить себе пулю в лоб, так как он не переживет краха всех своих замыслов. Не могу сказать, что этот явно излишне эмоциональный призыв нам, солдатам рейхсвера, очень понравился. Вечером участников совещания пригласили на представление оперы «Тангейзер». Дирижировал Эрих Клейбер, который, как всегда, блестяще справился со своей задачей, несмотря на то, что над его головой уже сгустились тучи.

Мне вспоминается еще один эпизод того времени, когда я во второй раз безуспешно обратился к имперскому военному министру с предложением выступить против очередного решения НСДАП. Дело в том, что во исполнение «Закона о возрождении профессионального чиновничества», в соответствии с которым следовало избавиться от всех лиц «неарийского» происхождения, военное министерство распорядилось об увольнении из рейхсвера всех офицеров и рядовых солдат, подпадающих под требования нового закона. Я уже точно не помню, какое количество унтер-офицеров и рядовых подлежало увольнению на основе данного распоряжения. Знаю только, что в списки попали шесть лейтенантов и один прапорщик. Я хорошо понимал тогда, что люди, добровольно поступившие на военную службу в то время, когда им не приходилось рассчитывать на особые выгоды от нее, продемонстрировали тем самым свою безграничную преданность Германии. Поэтому их увольнение я считал обидным и несправедливым. Я также полагал, что командование рейхсвера должно взять под свою защиту евреев, принимавших участие в составе германской армии в первой мировой войне. Кроме того, данное распоряжение задело и меня лично, так как один из

подлежащих увольнению офицеров, который раньше был моим подчиненным, обратился ко мне за помощью. Я немедленно направил письмо генералу фон Райхенау, который в то время еще являлся правой рукой Бломберга, с настоятельной просьбой оказать содействие в решении судьбы моего бывшего подчиненного. В письме я, в частности, подчеркнул, что, по моему мнению, пойти на уступки требованиям НСДАП в данном вопросе значило бы для рейхсвера проявить трусость и предательство по отношению к своим солдатам и офицерам. Райхенау доложил о моем письме Бломбергу, который тут же пришел в неописуемую ярость. Затем военный министр показал мое письмо Фричу и объявил о своем намерении наказать меня. Однако Фрич забрал письмо к себе, заявив Бломбергу, что он сам разберется во всем. Будучи настоящим солдатом, он разделял мое мнение и не принял ко мне никаких мер. Впрочем, он был не в силах отменить распоряжение Бломберга об увольнении «неарийцев». В дальнейшем мне удалось с помощью генерал-полковника фон Секта пристроить моего знакомого в германскую военную миссию в Китае. После того, как данная миссия была отозвана имперским правительством на родину, я сумел добиться восстановления его на службе в рейхсвере. Во время польской кампании он командовал ротой и, к сожалению, погиб в сражении на Бзуре.

Кончина Гинденбурга

2 августа 1934 года скончался имперский президент генерал-фельдмаршал фон Гинденбург.

Для рейхсвера его кончина значила больше, чем утрата главы государства. Мы потеряли своего верховного главнокомандующего. Гинденбург был воплощением традиций, которые были положены в основу рейхсвера при его формировании. Все понимали, что пока «старик» жив и стоит во главе рейха, армия останется «noli me tangere»[9] для любой партии, в том числе для национал- социалистов.

Время от времени возобновляются попытки найти ответ на вопрос о том, повлияли ли старость и болезни на способность имперского президента ясно мыслить и принимать самостоятельные, взвешенные политические решения, и если да, то с какого момента. Я могу поделиться только той информацией по данному вопросу, которая была получена при личном общении с президентом. Последние два раза я встречался с Гинденбургом в первые месяцы 1934 года. Первый раз это случилось во время концерта в роскошном президентском дворце, на который было приглашено огромное количество гостей. Как и все прочие

приемы в резиденции Гинденбурга, этот отличался одновременно редкой изысканностью и удивительной простотой. Президент поразил меня своей выдающейся памятью на имена и способностью вспоминать мельчайшие детали давно происшедших событий. Мне также бросилась в глаза благосклонность, с которой президент относился в этот вечер к Гитлеру. Впрочем, и сам Гитлер проявлял подчеркнутое и, как мне показалось, искреннее почтение к главе государства.

В следующий раз я как племянник президента был с женой приглашен к Гинденбургам на вечер в узком семейном кругу. Нам доводилось и раньше время от времени бывать у них, когда в гости к президенту приходила одна из его дочерей или моя сестра Герта, которая пришлась по душе хозяину дома своей беззаботностью и жизнерадостностью. Мы всегда очень мило проводили время среди близких людей. При этом Гинденбург иногда делился с нами своими самыми заветными воспоминаниями. Я слушал своего дядю с огромным интересом, ведь он был для меня единственным оставшимся в живых представителем поколения моих родителей. Впрочем, и президент всегда готов был выслушать мнение нас, молодых, о насущных проблемах нашей жизни, при этом я всегда поражался тому, как он, несмотря на преклонный возраст, принимал активное участие в решении государственных и ' особенно военных вопросов. Весьма поучительной для нас была его способность масштабно мыслить и его потрясающая дальновидность. В этом отношении мы уступали ему по всем статьям. Не переставали мы удивляться и тому, что человек, который в свое время руководил многомиллионной армией, прекрасно разбирался и в проблемах маленького рейхсвера, и что его взгляды во многом совпадали с нашими.

Возвращаясь к вопросу о снижении в глубокой старости интеллектуальных способностей Гинденбурга, хочу со всей ответственностью заявить, что по крайне мере вплоть до весны 1934 года об этом говорить не приходилось. Однако я допускаю возможность того, что болезнь, ставшая причиной смерти президента, действительно могла подействовать и на его мозг в последние недели его жизни. Этим, а также тем, что из-за болезни он последнее время безвыездно жил в Нейдеке, можно объяснить то обстоятельство, что он расценил события 30 июня так, как это было выражено в благодарственных телеграммах на имя Гитлера.

Сразу после кончины Гинденбурга рейхсвер по приказу имперского военного министра присягнул «на верность фюреру и имперскому канцлеру». Откровенно говоря, я не вижу никаких

оснований, которые позволили бы солдатам уклониться от принятия этой присяги. Чтобы сохранить хотя бы видимость законности, Гитлер распорядился обнародовать «Закон о главе государства» за день до кончины Гинденбурга.

Начало открытого перевооружения Германии

Несмотря на приход нацистов к власти, широкомасштабные мероприятия, направленные на повышение боевой мощи армии, начались не сразу. Первое время осуществлялась лишь постепенная модернизация вооружений, частичная реорганизация войск и дальнейшая подготовка к увеличению числа пехотных дивизий втрое.

Гитлер до поры до времени избегал вмешательства во внутренние дела армии. При жизни Гинденбурга он относился к рейхсверу довольно сдержанно, проявляя вместе с тем неподдельный интерес к любым мероприятиям, связанным с увеличением его боевых возможностей. Так, например, Гитлер принял участие в одном из учений, проведенных командованием 3-го военного округа. Мы показали ему все новейшее вооружение, имевшееся к тому времени в нашем распоряжении, в том числе наши первые легкие танки, которые, правда, были пока без башен и вооружения, т. е., по сути дела, одни макеты.

Гитлер интересовался мельчайшими техническими деталями. По окончании учения он позавтракал вместе с офицерами в полевой столовой и под конец произнес короткую речь. Манера его выступления свидетельствовала об умении подстраиваться под конкретную аудиторию. Смысл же его сводился к тому, что фюрер намерен сделать все от него зависящее для того, чтобы обеспечить обороноспособность рейха. По его словам, только после достижения указанной цели Германия сможет стать по-настоящему независимым государством. При этом Гитлер не сказал ни единого слова, которое могло бы быть истолковано как внутриполитическая пропаганда. Вместе с тем в его речи не содержалось и намека на непопулярную в то время идею развязывания новой войны. В общем, выступал он по-деловому, четко и ясно.

Введение всеобщей воинской повинности 16 марта 1935 года оказалось для нас большим сюрпризом. Скорее всего, Гитлер заранее проинформировал об этом только военного министра и генерал-полковника Фрича. Решение о сформировании 12 армейских корпусов и 36 пехотных дивизий также было принято фюрером единолично. По сути своей такой состав сухопутных войск представлялся вполне разумным и ничуть не напоминал собой группировку, созданную для ведения агрессивных войн. Но,

хотя ее созданием военный потенциал Германии отнюдь не исчерпывался, мы, солдаты рейхсвера, предпочли бы, чтобы во имя обеспечения стабильности и консолидации новой армии увеличение ее численности проводилось поэтапно и без излишней спешки. Кстати, на практике это в дальнейшем почти так и произошло.

Существенный рост численности армии и введение воинской повинности не могло не привести к кардинальному изменению сущности сухопутных войск. Прежде рейхсвер отличался внутренней сплоченностью и мировоззренческой однородностью. После призыва большого количества новобранцев в армию проникли взгляды и настроения, распространенные в народе. Точно так же не могла не пострадать духовная атмосфера, сложившаяся в офицерском корпусе, в результате возвращения в армию многих бывших офицеров.

Осуществление намеченных мер потребовало в ближайшие годы от офицеров, унтер-офицеров и рядовых рейхсвера немалых усилий. Тем более что дело отнюдь не ограничилось увеличением числа пехотных дивизий с 7 до 36. Эта цель была достигнута уже через сравнительно короткое время, после чего число дивизий продолжало расти. Требовалось также формирование немалого числа специальный частей и подразделений, в первую очередь бронетанковых, а также включение в штат пехотных дивизий артиллерийских и противотанковых частей, а также создание ряда частей и подразделений, подчиненных непосредственно командованию сухопутных войск (т. е. так называемые «войска резерва главного командования сухопутных войск»). Кроме того, довольно значительное количество офицеров пришлось передать во вновь формируемые военно-воздушные силы. Получалось так, что едва завершались формирование и первоначальная боевая подготовка какой- либо части, как тут же ее делили на несколько частей или использовали одно из ее подразделений в качестве основы для формирования новых частей.

Только чрезвычайной занятостью армии вопросами ее переформирования можно объяснить то, что все эти годы армии практически не было никакого дела до всего, что выходило за рамки военных вопросов. Кроме того, лихорадочные темпы перевооружения приводили к тому, что в нашем распоряжении практически не было боеспособных частей и соединений. Это создавало немалую угрозу безопасности рейха, с которой мы едва справлялись ценой неимоверных усилий. Следует также напомнить, что именно в годы Веймарской республики была обеспечена почти полная отстраненность армии от политики.

В Генеральном штабе сухопутных войск

1 июня 1935 года войсковое управление сухопутных войск было переименовано в Генеральный штаб сухопутных войск, а месяцем позже, т.е. 1 июля 1935 года я вступил в должность начальника 1-го (оперативного) управления Генерального штаба сухопутных войск. 6 октября 1936 года я был назначен 1-м обер-квартирмейстером, являвшимся одновременно заместителем начальника Генерального штаба сухопутных войск. Служба в должности начальника оперативного управления являлась, пожалуй, наиболее ответственной и почетной для офицера Генерального штаба, не считая, разумеется, должности самого начальника Генерального штаба. Фактически я был не только правой рукой последнего, но и первым помощником главнокомандующего сухопутными войсками по всем вопросам, касающимся боевого применения войск.

Назначение на должность 1-го обер-квартирмейстера, в общем, также представляло собой повышение по службе, однако в то время я опасался, что тем самым я мог оказаться в не очень выгодном промежуточном положении между начальником Генерального штаба и начальником оперативного управления. К счастью, мои опасения не оправдались благодаря тому доверию, которое мне оказывали как генерал-полковник фон Фрич, так и генерал Бек. Я по-прежнему имел возможность участвовать в решении всех вопросов, касающихся управления войсками в случае войны, а в качестве 1-го обер-квартирмейстера я одновременно имел возможность влиять на деятельность подчиненных мне управлений по организационным вопросам, по строительству укреплений и техническому оснащению войск.

Статус Генерального штаба и его начальника

Генерал Бек, который в октябре 1933 года сменил генерала Адама на посту начальника войскового управления сухопутных войск, стремился возродить Генеральный штаб в том виде, в каком он существовал в прежней германской армии. Надо полагать, никто лучше Бека и не мог справиться с этой задачей. Ему удалось придать Генеральному штабу такую организационную структуру и, что еще важнее, создать в этом элитарном органе военного руководства такую духовную атмосферу, за которые ему не было бы стыдно перед своими великими предшественниками Мольтке и Шлиффеном. Однако в одном и, пожалуй, решающем отношении новой Генеральный штаб не был похож на свой прообраз. Речь идет о статусе самого начальника штаба и том влиянии, которым он и его подчиненные

отныне пользовались по отношению к высшим руководителям рейха.

Прусский Генеральный штаб зародился еще в 1806 году. Однако его истинное значение проявилось лишь во время освободительных войн против Наполеона, прежде всего благодаря авторитету Гнейзенау, начальника Генерального штаба при генерал-фельдмаршале Блюхере[10]. Тем не менее Генеральный штаб в течение нескольких десятков лет находился в подчинении военного министерства. И лишь благодаря полководческому таланту Мольтке Старшего[11] Генеральный штаб перешел в непосредственное подчинение императора. Однако и после этого он не был ни единственным, ни главным военным консультативным органом при императоре. За вопросы организации, обучения, вооружения и административной деятельности сухопутных войск отвечал военный министр. Правда, Генеральный штаб мог заявлять ходатайства и предъявлять требования, но за военным министром, представлявшим Высший военный совет в рейхстаге, всегда оставалось последнее слово. Имелся также самый, пожалуй, влиятельный военный советник императора в лице председателя военного комитета, который по своему статусу был равен военному министру и не нес ответственности перед рейхстагом. В его компетенции находились назначения на офицерские должности и прочие кадровые вопросы. Начальник Генерального штаба мог распоряжаться лишь судьбой непосредственно подчиненных ему офицеров. Наконец, правом личного доклада императору пользовались также командующие армейскими корпусами.

Впрочем, в военное время начальник Генерального штаба был единственным советником императора по вопросам ведения войны. Таким образом, его мнение было главным при принятии решения о том, способна ли страна при данном соотношении сил вести войну, и если да, то каким образом это нужно делать. Принятие политического решения о войне и мире возлагалось исключительно на императора и имперского канцлера как первого помощника монарха.

В то время как в годы первой мировой войны Вильгельм II лишь номинально исполнял роль верховного главнокомандующего сухопутными войсками, реально боевыми действиями наземных войск, а в дальнейшем и всеми военными действиями управлял именно начальник Генерального штаба. То обстоятельство, что верховное командование сухопутных войск пользовалось одновременно и немалым политическим влиянием, объясняется авторитетом личности Людендорфа и слабостью

имперских канцлеров, то и дело сменявших друг друга, как, впрочем, и некомпетентностью самого императора.

Возрождение Генерального штаба в тридцатых годах 20-го века происходило в совершенно иных условиях. Начальник штаба был не более чем советником главнокомандующего сухопутными войсками, да и то лишь в тех вопросах, которые входили в сферу его компетенции. Таким же статусом обладали и другие начальники главных управлений, с той лишь разницей, что начальника Генерального штаба можно было считать «primus inter pares».[12]

Однако более существенным было то, что отныне начальник Генерального штаба был лишен непосредственного влияния на главу государства. С позиции первого военного советника он переместился на третье место, превратившись в консультанта главнокомандующего лишь одного из трех видов вооруженных сил вермахта[13], с которым он обязан согласовывать все свои решения. В свою очередь главнокомандующий сухопутными войсками мог доводить свои предложения до сведения главы государства только через имперского военного министра, которому подчинялись главнокомандующие еще двумя видами вооруженных сил (военно-воздушных и военно-морских сил). Короче говоря, Генеральный штаб и его начальник по своему весу и влиянию в «третьем рейхе» явно уступали своим предшественникам в кайзеровской Германии.

Впрочем, представление генерала Бека о большой значимости задач, стоящих перед возглавляемым им ведомством, не позволяло первому начальнику нового Генерального штаба смириться с ролью простого исполнителя чужих решений или обыкновенного консультанта главнокомандующего сухопутными войсками. Бек был глубоко убежден в том, что он должен наравне со своим непосредственным начальником нести ответственность за боевое применение сухопутных войск. Этим убеждением он, в частности, руководствовался в 1938 году, когда потребовал от главнокомандующего сухопутными войсками генерал-полковника Браухича сделать все возможное для того, чтобы заставить Гитлера отказаться от его военных планов. Потерпев неудачу, Бек ушел в отставку. Таким образом, он не воспользовался имевшимся у него формальным правом переложить ответственность за принятие решений на своего начальника. Вот почему можно считать генерала Бека последним настоящим начальником Генерального штаба в том смысле, который вкладывал в это понятие генерал-фельдмаршал Мольтке.

Особая позиция Бека по вопросу о статусе Генерального штаба не могла не вызвать трений с главнокомандующим

сухопутными войсками, который, разумеется, претендовал на последнее слово в решении вопросов, входящих в его компетенцию, и не мог пойти на то, чтобы признать более высокий статус начальника Генштаба по сравнению с другими начальниками главных управлений. Однако, благодаря существовавшему между Фричем и Беком — этими двумя, безусловно, выдающимися полководцами — полному единству взглядов по всем принципиальным вопросам их сотрудничество и взаимопонимание были, несмотря ни на что, поистине безупречными. Положение изменилось лишь после отставки Фрича. Его преемник генерал-полковник фон Браухич, человек, несомненно, заслуженный и достойный, тем не менее не был готов к тому, чтобы согласиться со взглядами Бека на Судетский кризис.

В отношении структуры Генерального штаба в 1939 году, накануне войны, нужно сказать следующее:

В процессе преобразования войскового управления сухопутных войск в Генеральный штаб сухопутных войск, начавшегося 1 июля 1935 года, число управлений было увеличено с пяти до тринадцати. Однако Бек, следуя традициям прежнего «большого Генштаба», подчинил каждому обер- квартирмейстеру по несколько управлений.

1-му обер-квартирмейстеру подчинялись следующие управления: оперативное, организационное, инженерное, картографическое, технических исследований и разработок.

2-му обер-квартирмейстеру были подчинены управления снабжения и транспорта. В случае мобилизации он становился генерал-квартирмейстером, отвечающим за все вопросы снабжения войск. Власть 3-го обер- квартирмейстера распространялась на управления иностранных армий «Восток» и «Запад», занимавшиеся разведкой. Ему подчинялось также специальное военно-дипломатическое отделение, в поле зрения которого находились аккредитованные в Берлине военные атташе иностранных государств и немецкие военные атташе в других странах. 4-й обер-квартирмейстер отвечал за обучение офицеров и боевую подготовку войск. Непосредственно начальнику Генерального штаба подчинялись военно-историческое управление, военная академия и центральное управление. Последнее занималось не только кадровыми вопросами, касающимися офицеров Генерального штаба, но и вместе с начальником организационно-мобилизационного отдела сухопутных войск отвечало за укомплектование командным составом частей и подразделений, формируемых в ходе мобилизации. Начальником центрального управления и

одновременно «специальным представителем вермахта при фюрере» в то время был полковник Хоссбах. Он пользовался большим доверием Бека и успешно справлялся с обеими задачами, однако затем был отправлен в отставку вместе с генералом Фричем, последовательным сторонником которого являлся. После отставки Хоссбаха в ближайшем окружении Гитлера не осталось почти никого, кто был бы способен противодействовать растущей неприязни фюрера к Генеральному штабу.

Обер-квартирмейстерами в те годы были генерал фон Витерсгейм (1-й обер-квартирмейстер), а также генералы Гальдер (боевая подготовка), Карл-Гейнц фон Штюльпнагель (иностранные армии) и Рудольф Шмидт (снабжение). Весьма показательным для отношения Гитлера к Генеральному штабу являлось то, что все эти прекрасно подготовленные генералы рано или поздно были отстранены от занимаемых должностей. Гальдер в 1938 году сменил Бека, а затем после четырех лет работы в должности начальника Генштаба был отправлен в отставку, так и не дождавшись простой благодарности за свою работу. Витерсгейм впал в немилость к Гитлеру в период Судетского кризиса за то, что он во исполнение своего служебного долга доложил фюреру о недостаточной подготовленности так называемого «западного вала» к длительной обороне в случае начала войны с Францией. И хотя впоследствии Витерсгейм успешно командовал в Польше, Франции и России танковым корпусом, Гитлер не спешил назначать его на освобождающиеся должности командующих армиями и в конце концов отправил его в состав группы резерва высшего командного состава. Штюльпнагель был казнен за участие в неудавшемся покушении на Гитлера 20 июля 1944 года. Шмидт был снят с должности командующего армией после того, как Гитлеру стало известно о содержащейся в его письмах критике высшего военного руководства. Забегая вперед, можно констатировать, что такая же судьба постигла почти всех генералов, входивших в 1938 — 1939 годах в высший командный состав сухопутных войск. Они были освобождены от занимаемых должностей еще до окончания второй мировой войны, несмотря па псе успехи, которые были достигнуты сухопутными войсками в первые военные годы, т. е. до того, как Гитлер поставил перед ними невыполнимые задачи.

Планы выдвижения и развертывания. Командно-штабные учения

Моей важнейшей задачей на постах начальника оперативного

управления и 1 -го обер-квартирмейстера Генерального штаба было создание необходимых предпосылок для подготовки сухопутных войск к участию в возможных боевых действиях.

Как было указано выше, ввиду незначительного количества дивизий рейхсвера и большого числа вероятных противников Германии после первой мировой войны мы отказались от заблаговременного составления одного или нескольких планов выдвижения и развертывания войск. Однако с тех пор обстановка существенно изменилась. После введения всеобщей воинской повинности численность сухопутных войск быстро росла, хотя всем было ясно, что потребуется еще несколько лет для того, чтобы они обрели настоящую боеспособность, пусть даже только для ведения оборонительных действий. Тем не менее количество дивизий было уже столь велико, что мы больше не могли себе позволить дожидаться начала военных действий для того, чтобы только после этого приступить к разработке планов выдвижения и развертывания вермахта. С другой стороны, благодаря дипломатическому урегулированию отношений с Польшей обстановка на польско-германской границе разрядилась. Мы могли больше не опасаться того, что в случае совместной франко-чехословацкой агрессии к ней немедленно присоединится польская армия, хотя мы по-прежнему не исключали такую возможность на случай быстрого успеха французской армии. На Западе Бельгия предпринимала попытки возврата от военного союза с Францией к политике нейтралитета. Таким образом, своими вероятными противниками, несмотря на существование Локарнских соглашений, мы считали прежде всего Францию и Чехословакию (что касается последней, то ей не суждено было слишком долго пребывать в этом качестве).

В связи с указанным изменением обстановки была начата разработка первого плана выдвижения и развертывания для немецких сухопутных войск. В основу так называемого плана «Рот» был положен вариант агрессии со стороны Франции. В отношении Чехословакии предполагалось, что она, в принципе, будет оставаться в союзе с Францией, однако ее вооруженные силы вступят в войну не раньше, чем французы овладеют правым берегом Рейна и изготовятся для дальнейшего наступления в глубь Германии. Что касается Польши, то мы считали, что она займет выжидательную позицию. О том, насколько наши предположения были верны, судить трудно.

План «Рот» имел исключительно оборонительную направленность. Исходя из численности, высокой боевой готовности и маневренности так называемой «armée de couverture»[14], можно было ожидать внезапного и быстрого

продвижения первого эшелона французской армии с целью овладения переправами через Рейн, расположенными на участке между Карлсруэ и Майнцем. О том, как и с какими задачами будут после этого введены в действие главные силы французов, мы, естественно, могли только догадываться. Однако мы никак не рассчитывали тогда на то, что, вопреки урокам первой мировой войны, сухопутные войска Франции будут столь упорно придерживаться концепции своего военного министра Мажино, как это произошло в 1940 году. План «Рот» не предусматривал упорного сопротивления немецких войск к западу от Рейна в районе Пфальца ввиду его явной бесперспективности из-за подавляющего превосходства противника в силах. Мы также не могли еще рассчитывать на долговременные оборонительные сооружения к востоку от Рейна, строительство которых находилось тогда только в начальной стадии.

Согласно плану, основные силы немецкой армии должны были попытаться отразить наступление первого эшелона французских войск и закрепиться на рубежах западнее Рейна только к северу от Мозеля или, по крайней мере, Аара. В ходе дальнейших боев на этих рубежах мы рассчитывали добиться частичных успехов в отношении той или иной группировки противника. Однако и в этом случае мы не могли быть уверены в том, что нам удастся остановить наступающие войска противника. Но еще больше сомнений у нас было по поводу того, что упорное сопротивление немецкой армии сможет надолго удержать Чехословакию от перехода в решительное наступление либо на Берлин, либо к югу от Майна навстречу французским войскам. В связи с этим в 1937 году был подготовлен план «Грюн», который подлежал исполнению в случае, если стала бы очевидной готовность Чехословакии к немедленному переходу в наступление.

План «Грюн» предусматривал нанесение главными силами немецкой армии быстрого и мощного удара по чешским сухопутным войскам с целью предотвращения угрозы с тыла в ходе последующего решающего сражения с французами. Предполагалось, что до тех пор, пока чешская армия не будет разгромлена, немецкие войска будут вести на Западе сдерживающие действия, в ходе которых нам пришлось бы, вероятно, уступить французам часть территории Германии. Между прочим, план «Грюн» не имел никакого отношения к дальнейшим завоевательным планам Гитлера в отношении Чехословакии. Оба плана — «Рот» и «Грюн» — были подготовлены только на случай иностранной агрессии против Германии. Мы все прекрасно понимали, что состояние нашей обороноспособности

обусловливало необходимость любой ценой избегать военного столкновения в течение ближайших нескольких лет. Похоже было, что даже Гитлер, несмотря на его воинственные заявления, разделял эту точку зрения. Кроме того, было понятно, что в случае войны Германия из-за своего уязвимого географического положения в Центральной Европе может оказаться перед угрозой необходимости вести боевые действия одновременно на нескольких фронтах. Как свидетельствовал опыт первой мировой войны, ничего хорошего от этого Германии ждать не приходилось.

Первый по-настоящему наступательный план войны с Польшей под названием «Вейс» был разработан в 1939 году по приказу Гитлера.

Приведенные выше взгляды Генерального штаба на вероятный ход военных действий получали свое подтверждение и развитие в ходе проходивших в те годы командно-штабных учений и тренировок, к подготовке и проведению которых я имел самое непосредственное отношение. Наряду с оперативной подготовкой их участников учения служили проверке реальности оперативных планов командования сухопутных войск.

И хотя ввиду необходимости сохранения в тайне этих планов приходилось воздерживаться от использования их в полном объеме в ходе учений, нам все же удавалось отработать их некоторые наиболее важные элементы. Только во время одного из учений его замысел был максимально приближен к замыслу и содержанию плана «Грюн». В ходе остальных учений отрабатывалось противостояние между французской или чехословацкой армиями, глубоко вторгшимися на территорию Германии, и немецкими войсками, сосредоточенными для нанесения контрудара. В отличие от еще сравнительно недавних наработок для рейхсвера, согласно которым решающее (и, возможно, последнее) сражение с французской армией должно было происходить лишь где-то в районе Тевтобургского или Тюрингского лесов, теперь мы могли позволить себе запланировать нанесение контрударов на меньшем удалении от границы.

Между прочим, эти командно-штабные учения служат еще одним убедительным свидетельством того, что наш Генеральный штаб отнюдь не стремился к подготовке немецкой армии к наступательным действиям.

Строительство фортификационных сооружений

Те же соображения, которые легли в основу подготовки планов «Рот» и «Грюн», являлись определяющими и при

разработке Генеральным штабом требований к строительству фортификационных сооружений. Их основное назначение заключалось в создании необходимых условий для ведения вермахтом успешных оборонительных действий.

Как было отмечено выше, в 1931 году на территории Восточной Пруссии в целях снижения угрозы нашим границам со стороны Польши был оборудован Хейльсбергский оборонительный рубеж. Остальные участки восточной границы были оборудованы лишь узкими линиями инженерных заграждений и огневыми точками для пулеметов и противотанковых пушек, которыми при необходимости могли воспользоваться части и подразделения пограничной охраны. Неизбежные разрывы в линии инженерных сооружений были нередко прикрыты лишь болотами и другими естественными преградами.

На Западе положения Версальского договора о демилитаризованной зоне запрещали устройство инженерных сооружений вдоль границы и на Рейне. Поэтому здесь имелись лишь подготовленные дорожные заграждения, главным образом в Шварцвальде, а также линии легких заграждений в Крайхгау и позднее во впадине между Шпессартом и горой Фогельсберг. Первые сравнительно мощные оборонительные сооружения были построены на Востоке лишь в 1934 году. Речь шла об инженерном оборудовании так называемой дуги Одер-Варта к востоку от Франкфурта-на-Одере. Оперативное назначение этой дуги заключалось не только в прикрытии столицы рейха, но и в том, чтобы рассечь силы противника и тем самым позволить немецким войскам разгромить их по отдельности.

Первые предложения о широкомасштабном инженерном оборудовании местности на Западе я изложил в 1935 году в памятной записке, где, в частности, обратил внимание моего руководства на то, что осуществление моих предложений будет означать создание на территории Германии оборонительного рубежа, подобного французской «линии Мажино». Я считал, что такой рубеж, простирающийся от границы Швейцарии до границы Люксембурга или даже до границы Бельгии, явился бы существенным вкладом в укрепление мира. Он сделал бы нападение Франции на Германию столь же затруднительным, сколь непростым оставалось бы для нас преодоление «линии Мажино» после отмены всех ограничений, наложенных на Германию Версальским договором. Однако на тот момент все эти ограничения еще существовали, поэтому мы вынуждены были искать другие пути. По аналогии с соображениями, которые были положены в основу строительства дуги Одер — Варта, я

предложил увеличить наши оборонительные возможности на Западе за счет строительства легких заграждений в таких районах, которые благодаря сложному характеру местности и не нуждаются в более мощных инженерных сооружениях для их успешной обороны. В частности, я предложил усилить многочисленные естественные препятствия, имеющиеся в Шварцвальде, чтобы ограничить свободу маневра французских войск на юге. Аналогичную функцию способны были выполнять Оденвальд и Шпессарт, расположенные севернее. Во всех этих случаях речь, таким образом, шла об инженерном оборудовании районов, характер местности которых делал почти невозможным применение артиллерии и танковых войск. В случае, если бы удалось удержать эти районы, французским войскам, наступающим в направлении Рейна в его среднем течении, пришлось бы разделиться на несколько колонн, с каждой из которых в отдельности справиться было бы легче.

Последовавшее в марте 1936 года восстановление немецкого суверенитета над демилитаризованной зоной сделало все эти предложения беспредметными. Я упомянул о них только для того, чтобы лишний раз показать, что Генеральный штаб занимался исключительно оборонительными вопросами.

Сразу после возврата Германии территорий, расположенных к западу от Рейна, военное руководство вернулось к идее создания мощного приграничного оборонительного рубежа между границами Швейцарии и Люксембурга. Сначала точка зрения Генерального штаба по данному вопросу, которую представлял я, довольно значительно отличалась от соответствующих планов, подготовленных инспекцией по долговременным оборонительным сооружениям. Сотрудники инспекции были в восторге от укреплений, составлявших «линию Мажино». По их мнению, укрепления только тогда оправдывают свое назначение, когда они способны обеспечить защиту от огня оружия любого калибра. И с этим трудно не согласиться. Вот только слишком часто случается так, что при этом возникают гигантские сооружения из железобетона, огневые возможности которых значительно меньше стоимости вложенных в них сил и средств. Кроме того, как показывает опыт, даже самые мощные укрепления рано или поздно оказываются бессильны по отношению к принципиально новым средствам поражения. В свою очередь Генеральный штаб отстаивал точку зрения, в соответствии с которой невозможно обойтись без долговременных огневых сооружений на открытой местности и на ключевых участках обороны, в то время как там, где противник лишен возможности использовать артиллерию для ведения огня прямой наводкой,

следует отдать предпочтение большому числу легких и менее мощных оборонительных сооружений. Потребовалось немало усилий для того, чтобы преодолеть сопротивление командования инженерных войск и добиться принятия нашего предложения.

Однако на этом наши трудности в осуществлении планов строительства фортификационных сооружений не закончились. У нас возникли разногласия с высшим государственным руководством. Дело в том, что в то время Гитлер все еще отдавал предпочтение строительству автострад и других гражданских объектов. Поэтому мы получали недостаточно железобетона для создания запланированных укреплений. Нам также не хватало рабочих рук и строительной техники, которые находились в распоряжении Тодта как генерального инспектора дорожного строительства. Планы Генерального штаба предусматривали и без того достаточного длительные сроки для выполнения нашего плана, работы планировалось завершить в 1942 году. Тем не менее из-за плохого снабжения, а также нехватки рабочей силы и техники это удалось сделать только в 1945-м.

Как известно, весной 1938 года Гитлер неожиданно изменил свою точку зрения по данному вопросу. Теперь он распорядился построить «западный вал» в кратчайшие сроки. Без достаточных на то оснований он передал руководство всеми работами от главнокомандующего сухопутными войсками генеральному инспектору Тодту. При этом я ни в коем случае не хочу здесь принизить большой организаторский талант последнего. Однако сухопутные войска никак не заслуживали упрека за сравнительно низкие темпы строительства фортификационных сооружений. Причина заключалась в вышеупомянутых ограничениях, исходивших лично от Гитлера. Тем более что, несмотря на действительно огромный объем работ, выполненных в 1938 году, «западный вал» отнюдь не был готов к обороне, как это утверждал Гитлер накануне чехословацкого кризиса. И даже в 1939 году французские войска без особого труда могли бы преодолеть его, особенно если учесть, что к тому времени линия оборонительных сооружений лишь приближалась к границе Люксембурга.

Ввод войск в Рейнскую область

Несмотря на то, что незадолго до 7 марта 1936 года, дня ввода войск, зарубежная пресса была полна намеков на имеющиеся у Германии намерения в одностороннем порядке нарушить статус демилитаризованной зоны, никаких военных приготовлений к этому не велось. Разработанная мной осенью 1935 года памятная записка о строительстве фортификационных сооружений на Западе исходила из сохранения этой зоны в

неприкосновенности. Насколько мне известно, Гитлер совершенно неожиданно обсудил вопрос о вводе войск только с военным министром и главнокомандующим сухопутными войсками во время их секретной встречи накануне 7 марта. Говорят, что оба высших военных руководителя советовали Гитлеру отказаться от осуществления его планов. Как бы то ни было, но я, начальник оперативного управления Генерального штаба, тогда еще ничего не знал об этой встрече, хотя обсуждавшееся на ней намерение могло стать причиной военного конфликта.

Если не ошибаюсь, только 5 марта начальник Генерального штаба сообщил мне и начальнику организационно-мобилизационного управления о решении Гитлера. Нам пришлось немедленно приступить к составлению проектов соответствующих приказов, так как командующие военными округами, которые должны были выделить войска для данного мероприятия, уже были вызваны в Берлин. Это был, пожалуй, один из редких случаев, когда подготовку к подобной акции удалось сохранить в тайне до самого последнего момента. Меры предосторожности были настолько строгими, что некоторые офицеры из частей и подразделений, поднятых по тревоге, не взяли с собой никаких вещей. Многие считали, что подъем по тревоге и погрузка войск осуществлялись в рамках войсковых учений, неизвестно почему организованных в период традиционных весенних инспекторских проверок. По их мнению, в этом были повинны министерские чиновники, начисто утратившие всякую связь с войсками.

Сам Гитлер впоследствии не раз признавался в том, что решение о вводе войск в демилитаризованную зону было самым рискованным в его жизни. И в этом с ним трудно не согласиться, ибо тем самым Германия не только нарушала условия Версальского договора, как это уже было ранее совершенно безнаказанно сделано при введении закона о всеобщей воинской повинности, но и отказывалась от добровольно принятых ею на себя обязательств по Локарнским соглашениям, о приверженности к которым до недавнего времени постоянно говорил фюрер.

Нетрудно себе представить, что мы с огромным волнением ждали реакции Запада на действия Германии. Но когда в ответ на речь Гитлера в рейхстаге, посвященную оправданию данной акции, Франция ограничилась объявлением частичной мобилизации, мне стало ясно, что западные державы не намерены использовать наши действия в качестве повода для начала войны.

Однако военного министра Бломберга решение французского

правительства, судя по всему, вывело из равновесия. Он предложил Гитлеру немедленно отвести войска назад. Казалось, что и фюрер некоторое время колебался, несмотря на то, что министр иностранных дел фон Нейрат советовал ему держать себя в руках. Я склонен думать, что предложение Бломберга, оказавшееся недостаточно продуманным, побудило Гитлера и в дальнейшем не очень прислушиваться к мнениям высших военных руководителей. Как бы то ни было, данный случай убедил его в том, что он и в дальнейшем может позволять себе подобные насильственные акции по отношению к другим государствам. Ведь именно на успешный захват Рейнской области он неоднократно ссылался в 1938 и 1939 годах. Совершенно очевидно, что реальная угроза войны со стороны западных держав могла тогда заставить Гитлера пойти на попятную.

Расширение боевых возможностей сухопутных войск

В процессе расширения боевых возможностей сухопутных войск, начавшемся после введения всеобщей воинской повинности, выявилось противостояние двух авторитетных точек зрения. Гитлер как представитель одной из них хотел во что бы то ни стало и как можно быстрее заполучить в свое распоряжение мощную армию. При этом он надеялся произвести впечатление на другие страны ее численностью, количеством дивизий и совершенством оружия и боевой техники. Судя по дальнейшим решениям и действиям Гитлера, он в душе с самого начала вынашивал идею наступательных войн, которой он, правда, не спешил поделиться с нами.

В свою очередь верховное командование сухопутных войск, как уже было сказано, стремилось к усилению армии ради обеспечения безопасности рейха. Разумеется, для этого сухопутные войска должны были обладать способностью к ведению наступательных действий, по той простой причине, что без них невозможно представить себе успешную оборонительную войну. Однако руководство сухопутных войск никогда не рассматривало расширение наступательных возможностей армии как предпосылку для ведения наступательных войн.

Одной из важнейших предпосылок повышения боевой мощи частей и соединений командование сухопутных войск считало не столько увеличение численности личного состава, сколько его основательное воспитание и обучение. Кроме того, как бы ни были справедливы утверждения о том, что Гитлер с большим интересом относился к совершенствованию вооружений и что благодаря его настойчивости резко выросли масштабы военного производства, следует все же отметить, что все имевшиеся к тому

времени новые виды вооружений были разработаны еще до прихода нацистов к власти и в были в дальнейшем лишь несколько модернизированы. В то же время Гитлер явно недооценил значение ракетного двигателя, работы над которым проводились еще в 1933 году и были затем фактически приостановлены на несколько лет.

Несмотря ни на что, верховное командование сухопутных войск при любой возможности напоминало политическому руководству о том, что мероприятия по расширению боевых возможностей сухопутных войск в полном объеме будут завершены не раньше 1942 года. И хотя Гитлер — по крайней мере до конца 1938 года — на словах соглашался с позицией Генерального штаба, я совершенно уверен в том, что этот срок его не устраивал, и разногласия с верховным командованием сухопутных войск были одной из главных причин стойкой неприязни фюрера к генералам и особенно к Генеральному штабу.

Правоту Генерального штаба в данном вопросе не способны опровергнуть ни успехи, достигнутые в ходе польской кампании 1939 года, ни быстрая победа над Францией в 1940 году. Успехи в войне с Польшей стали возможны исключительно благодаря труднообъяснимому бездействию западных держав. Да и того, что командование французской армии не сможет ничего противопоставить умелым действиям наступающей немецкой армии, до войны никто не ожидал.

Таков далеко не полный перечень вопросов, которые предстояло решить в ходе реорганизации сухопутных войск.

При оснащении войск запрещенными видами вооружения и боевой техники главное внимание уделялось принятию на вооружение современных боевых танков. Генерал-полковнику Гудериану, по праву считающемуся творцом немецких танковых войск, как и всякому новатору, приходилось преодолевать значительное сопротивление своих более консервативно настроенных коллег. Немало престарелых генералов, пик славы которых пришелся на годы первой мировой войны, весьма скептически, а порой и резко отрицательно воспринимали его поистине революционные идеи.

Генеральный штаб, который был знаком с первыми результатами испытаний, проведенных англичанами, а также с трудами генерала Фуллера и капитана Лиддел Гарта, с самого начала выступал за формирование крупных, самостоятельных танковых частей и соединений. Уже весной 1935 года, т. е. практически сразу после начала мероприятий по реорганизации и перевооружению армии, было проведено крупное командно-

штабное учение по руководством генерала Бека, в ходе которого отрабатывались вопросы боевого применения танкового корпуса, а позднее — и целой танковой армии. И это несмотря на то, что ни танковых корпусов, ни тем более танковых армий в то время еще не существовало! Разработанным в 1937 году планом «Грюн» предусматривалось участие в боевых действиях танковой армии. Правда, генерал Бек, наслышанный о слишком больших надеждах, связываемых с танковыми войсками, весьма взыскательно, порой даже чересчур придирчиво относился к детищу Гудериана, что, впрочем, легко объяснить свойственной ему манерой семь раз отмерить и только потом отрезать.

Что касается практических мер по созданию танковых войск, то я думаю, что их темпы и масштабы целиком и полностью определялись потребностями сухопутных войск, наличными запасами горючего и смазочных материалов, а также возможностями военной промышленности по их производству. Как тут не задуматься над тем, сколько танков можно было построить вместо одного линкора! С другой стороны, ограниченные запасы ГСМ вынудили нас в дальнейшем отказаться даже от части утвержденных ранее планов моторизации войск.

К началу войны в сухопутных войсках насчитывалось четыре танковые дивизии полного состава и пятая дивизия в стадии формирования, четыре легкие пехотные дивизии и четыре моторизованные пехотные дивизии оперативного резерва. В этом отношении вермахт намного превосходил армии других стран.

Штурмовая артиллерия

Создание танковых войск, однако, еще не решало проблему позиционной войны. Даже если предположить, что танковые части и соединения способны благодаря своей ударной мощи навязать противнику маневренные действия, то следует все же признать, что о по-настоящему маневренной войне нельзя говорить до тех пор, пока пехотные дивизии, составляющие основную массу сухопутных войск, не обретут достаточной ударной мощи.

Итогом моих размышлений на эту тему в должности начальника оперативного управления стала подготовка в 1935 году памятной записки, в которой я попытался обосновать необходимость создания штурмовой артиллерии как принципиально нового вида оружия. При этом я руководствовался следующими соображениями:

В последние годы первой мировой войны стало ясно, что пехотные дивизии способны на решительные наступательные

действия лишь при наличии очень благоприятных условий. Несмотря на сосредоточение большого количества наступательных средств и на многодневный ураганный огонь артиллерии, нашим противникам так и не удалось добиться оперативного успеха. Да и наши войска, сумевшие в ходе мартовского наступления 1918 года добиться первоначальных успехов и даже создать реальную угрозу полного разгрома противника, в дальнейшем были остановлены на открытой местности подошедшими резервами противника. В этой стадии наступательной операции вновь проявилось превосходство обороны над наступлением. Несколько пулеметных гнезд, расположенных в укрытии, способны были остановить наступление численно превосходящих сил. И если после этого до вечера не удавалось сломить сопротивление противника, то это, как правило, приводило к срыву наступления.

Я был убежден, что пехота нуждается в оружии поддержки, которое было бы способно сопровождать передовые части наступающих войск и огнем прямой наводкой подавлять внезапно возникающие очаги сопротивления противника. В 1918 году мы попытались решить эту проблему с помощью специальных артиллерийских батарей сопровождения пехоты, которые были оснащены легкими орудиями на конной тяге и могли быстро выдвигаться к переднему краю. Это навело меня на мысль о необходимости замены этих батарей бронированными самоходными артиллерийскими установками. Такой же замысел, по сути дела, был заложен в попытке союзных держав в годы первой мировой войны впервые применить боевые танки. За прошедший после этого период танки превратились из вспомогательного оружия пехоты в самостоятельную боевую силу оперативного назначения. Их главное преимущество заключалось в том, что при массированном применении они были способны в буквальном смысле опрокинуть обороняющегося противника. Однако их применение для непосредственной поддержки наступающей пехоты было бы гораздо менее эффективным.

В памятной записке я изложил свой план создания штурмовой артиллерии. Я, в частности, отметил, что в маневренной войне полевая артиллерия не способна непосредственно поддерживать огнем передовые части наступающих войск и быстро уничтожать внезапно возникающие малоразмерные цели противника. Ничего не меняло в этом смысле и широко распространенное в нашей армии использование передовых артиллерийских наблюдателей.

Мой план предусматривал формирование в каждой дивизии одного дивизиона штурмовой артиллерии. Артиллерийские

орудия предполагалось разместить на самоходных шасси и снабдить их броневой защитой, в результате чего они приобретали способность перемещаться непосредственно в боевых порядках войск и поддерживать их. В этом заключалось их важнейшее отличие от танков, которые должны двигаться впереди пехоты, прокладывая ей путь. Благодаря этому отличию удалось, в частности, отказаться от сплошной броневой защиты башенного типа, что, в свою очередь, позволило установить на шасси орудия калибра 75 мм. Кроме того, отсутствие броневой защиты сверху позволяло улучшить условия для наблюдения и ведения прицельного огня. Штурмовые орудия предполагалось также частично оснащать противотанковыми снарядами, в результате чего они становились идеальным противотанковым средством. Благодаря способности штурмовых орудий к ведению огня с закрытых огневых позиций им в качестве дополнительной задачи могла быть поручена поддержка нашей относительно слабой дивизионной артиллерии, особенно в тех случаях, когда обстановка не требовала использования штурмовой артиллерии для сопровождения наступающей пехоты и для борьбы с танками.

Я понимал, что своей памятной запиской я разворошу осиное гнездо. В командовании сухопутных войск в то время верховодили артиллеристы, поэтому нетрудно было предположить, что утверждение об ограниченных возможностях современной артиллерии не вызовет у них восторга. Представители танковых войск, в свою очередь, могли увидеть в штурмовой артиллерии своего конкурента. Наконец, специалисты по вопросам противотанковой обороны вряд ли согласились бы с тем, что существует более эффективное противотанковое оружие, чем их собственные разработки.

Не удивительно, что первая реакция генерала Бека на мою памятную записку была, мягко говоря, не очень обнадеживающей. Тем не менее он согласился представить ее на рассмотрение главнокомандующему сухопутными войсками. Фрич одобрил мое предложение.

В связи с тем, что основные компоненты нового оружия — двигатель и шасси танка Т-2, а также 75-мм пушка — имелись в наличии, его разработка заняла сравнительно немного времени. Едва только были готовы первые опытные образцы штурмовых орудий, как тут же между инспекциями артиллерии и пехотных войск разгорелась непримиримая борьба за обладание ими.

Уже осенью 1937 года Фрич подписал распоряжение о принятии штурмовых орудий на вооружение. В соответствии с этим распоряжением к осени 1939 года в каждой пехотной дивизии полного состава должен был быть сформирован

отдельный штурмовой артиллерийский дивизион. В 1940 году намечалось сформировать такие дивизионы и в составе резервных пехотных дивизий. Кроме того, дивизионы штурмовой артиллерии намечалось придавать и танковым дивизиям. В составе разведывательных батальонов всех дивизий создавался взвод штурмовых орудий. Были выделены также необходимые производственные мощности для создания штурмовой артиллерии.

К сожалению, после отстранения от занимаемой должности генерал-полковника Фрича и моего ухода из верховного главнокомандования сухопутных войск (ОКХ) новый главком сухопутных войск отменил данный приказ. Было сформировано лишь несколько дивизионов штурмовой артиллерии, находившихся в резерве ОКХ. И хотя в ходе войны количество штурмовых орудий было увеличено, нам так и не удалось достичь первоначальной цели, т. е. сформировать в каждой дивизии штатный дивизион штурмовой артиллерии.

Во время войны штурмовая артиллерия зарекомендовала себя с наилучшей стороны. Командующие соединениями и объединениями довольно часто требовали снабдить их штурмовыми орудиями, в которых они видели эффективное средство поддержки наступающей пехоты и борьбы с танками.

Дивизии ландвера

В 1937 году я предложил расформировать командование пограничной охраны «Восток» и сформировать на его базе несколько дивизий ландвера. В том виде, в каком существовала в то время пограничная охрана, она себя уже изжила, однако в ее распоряжении имелось значительное количество оружия. В то же время введение всеобщей воинской повинности неизбежно должно было привести к тому, что почти все добровольцы, на которых рассчитывало командование пограничной охраны, оказались бы призванными на действительную военную службу. Кроме того, части и подразделения пограничной охраны по своему составу и вооружению были привязаны к определенной территории и не могли участвовать в маневренных боевых действиях.

По моим расчетам, мы могли имеющимся у пограничников оружием оснастить около 14 дивизий ландвера и укомплектовать их личным составом за счет лиц старшего возраста, служивших в старой германской армии. Мы также полагали, что имеющееся у них вооружение и боевая техника позволит дивизиям ландвера вести маневренные действия на открытой местности. Лично я считал, что эти дивизии наиболее успешно смогут применяться в

горной и лесистой местности, на которой чрезвычайно мала вероятность массированного использования противником артиллерии и танков. К таким территориям относились приграничные районы Силезии, Саксонии и Баварии, левый берег Рейна и Шварцвальд. Мое предложение было одобрено главнокомандующим сухопутными войсками.

Другие мои предложения по организационным и военно-техническим вопросам, также принятые Фричем, не были реализованы после отставки последнего, отчасти потому, что их осуществлению помешала война.

Италия, Венгрия, Болгария

В период моей службы в ОКХ у меня была возможность лучше познакомиться с иностранными армиями. В 1936 году я в составе немецкой военной делегации присутствовал на маневрах итальянской королевской армии в окрестностях Неаполя. Вместе с нами на маневрах были представители австрийской и венгерской армии. Кроме того, были, разумеется, приглашены и все аккредитованные в Риме военные атташе.

В начале первого дня маневров нас приветствовал Муссолини. На большой площади провинциального городка было выстроено элитное соединение итальянской армии. Гости и военные атташе располагались на правом фланге парадного расчета. Муссолини был одет в форму фашистского почетного капрала, полковые оркестры исполнили национальный гимн, солдаты взяли «на караул». В начале своего выступления дуче сердечно приветствовал иностранных гостей, однако военных атташе он не удостоил даже благосклонного взгляда. Очевидно, дело было в том, что маневры проходили в разгар итало-эфиопской войны. Пригласив нас сопровождать его, Муссолини обошел парадный строй. Затем мы стали свидетелями доселе невиданного зрелища. Муссолини занял место внутри образованного войсками четырехугольника, неподалеку от небольшого дирижерского пульта, на который по очереди взбирались полковые дирижеры для того, чтобы управлять исполнением песен всей дивизией. Солдаты действительно пели очень хорошо, и у Муссолини было довольное выражение лица. В нескольких шагах от него стоял командир дивизии, уже немолодой и слегка располневший мужчина, ужасно страдавший от невыносимой жары. Однако под взглядом диктатора и он пел вместе со своими солдатами. Было такое впечатление, что пел он исключительно ради своей военной карьеры.

После этой торжественной церемонии Муссолини пригласил нас сопровождать его в поездке по территории, на которой

должны были состояться маневры. Надо сказать, что нам почти ничего не удалось увидеть, так как довольно скоро автомобильный кортеж подъехал к горе, на которую он взбирался по крутой извилистой дороге. На вершине горы располагался древний монастырь, в котором хранилась очень известная икона Божьей Матери. Священники встретили Муссолини фашистским приветствием, после чего нам устроили экскурсию по территории монастыря. Муссолини подчеркнуто приветливо общался и с нами, и со священниками, причем к нам он обращался на ломаном немецком языке. Как нам объяснили, поездка в монастырь имела огромное внутриполитическое значение. Муссолини уже много лет не бывал в этих местах. Сам факт, что в первый день маневров он таким способом продемонстрировал свое почтительное отношение к церкви, не мог не вызвать одобрения у католического населения Италии. Во всех населенных пунктах, через которые мы проезжали, жители восторженно приветствовали дуче. Часть причитающихся ему оваций доставалась нам. В конце дня нам удалось отдохнуть от изнурительной жары за ужином, устроенным на крыше гостиницы, с которой открывался великолепный вид на бухту Неаполя в час заката. К нашему столу, за которым сидели также австрийцы и венгры, время от времени подсаживались итальянцы, а также югославский и чешский военные атташе. При этом наши гости неожиданно для себя выясняли, что все они в разное время служили в австро-венгерской армии!

В один из следующих дней маневры посетили король и наследник престола. Сразу бросалось в глаза, с каким подобострастием относился к королю Муссолини, обычно такой спесивый и неприступный. Было также заметно, что рядом с бесчисленными лозунгами «Да здравствует дуче!» специально к данному случаю было написано «Да здравствует король!»

В военном отношении маневры не представляли из себя ничего особенного. Нам так и удалось познакомиться с формами и методами работы штабов итальянской армии. Мы также не поняли, был ли весь ход маневров расписан заранее или же в действиях участников все-таки были элементы импровизации. Зато мы убедились в том, что итальянские солдаты в большинстве своем испытывают неприязнь к «чернорубашечникам», которые в ходе маневров продемонстрировали полное отсутствие каких-либо военных знаний и навыков, а составленные из них батальоны действовали из рук вон плохо. Если бы не блестящие действия берсальеров, лишний раз подтвердивших свое право именоваться элитой армии, то нам пришлось бы считать время, проведенное на маневрах, потерянным зря.

Значительно больше, чем выезды на маневры, нам запомнилось одно из выступлений Муссолини. Самая широкая улица городка, в котором мы остановились, была перегорожена трибуной. По обе стороны от нее, как и у нас в Германии, отдельно друг от друга располагались «представители партии и армии». Ближе к краю трибуны разместились мы, зарубежные гости, а напротив нас — жены высших руководителей страны. Все пространство улицы перед трибуной было занято многотысячной толпой народа. В тот момент, когда Муссолини поднялся на трибуну для произнесения речи, он был встречен таким неистовым ликованием, которое нам, представителям северной нации, было чрезвычайно трудно понять. В отличие от Гитлера, который обычно выступал не менее часа и всегда начинал свою речь с воспоминаний о зарождении национал-социализма, Муссолини говорил всего несколько минут. Его выступление состояло из ярких, легко запоминающихся лозунгов и призывов. После каждой фразы он делал паузу, которую слушатели использовали для очередного проявления восторга. По окончании речи публика в течение нескольких минут выражала восторг своим любимым дуче.

На обратном пути мною овладело непреодолимое желание заехать в Рим и побывать в местах, которые запомнились мне во время моего приезда в Италию, когда я был еще лейтенантом. Однако в Германии нам выдали так мало валюты, что ее едва хватило на оплату чаевых. Короче говоря, армия принимала активное участие в борьбе против расточительности, развернувшейся в

Третьем рейхе, что нашло свое выражение и в чрезвычайно экономном расходовании скудных валютных запасов.

Было бы опрометчиво с моей стороны пытаться делать какие-либо далеко идущие выводы о фашистском режиме Муссолини на основании моего короткого пребывания в Италии, во время которого я интересовался в основном военными вопросами. Тем не менее трудно было избавиться от впечатления, что фашисты всколыхнули страну и придали ей новый импульс развития. Бросалось в глаза и несомненное сходство взаимоотношений армии и политического руководства в Италии и Германии. И здесь была заметна откровенная неприязнь военных к правящей партии. Вместе с тем было ясно, что итальянская армия находится в значительно более выгодном положении по отношению к власти, чем вермахт. За спиной у нее стоял монарх, на поддержку которого можно было рассчитывать даже при том соотношении политических сил, которое сложилось к тому времени в Италии, не говоря уже о том времени, когда

диктаторский режим рано или поздно потерпит крах, в чем тогда мало кто сомневался. В то же время чувствовалось, что итальянские солдаты живут в постоянном страхе перед Муссолини. Даже по поведению высших офицеров было заметно, что они панически боятся гнева дуче и стараются угодить ему во всем. К счастью, среди немецких офицеров мне почти не попадались люди, которые испытывали бы такие же чувства по отношению к Гитлеру, за исключением, пожалуй, лишь ближайшего окружения фюрера.

Что касается Муссолини, то он показался мне далеко не ординарной личностью. К тому же он явно обладал недюжинным актерским талантом. Обращался ли он к народу с яркой, зажигательной речью, совершал ли он инспекционную поездку по войскам или, наконец, демонстрировал ли он свое почтение к королю, всякий раз его поведение свидетельствовало об удивительной способности к перевоплощению. Он очень умело изображал из себя то беспощадного диктатора, то радушного и гостеприимного хозяина, то представителя благородного сословия. К тому времени я еще не очень хорошо узнал Гитлера по тем сравнительно редким личным встречам, которые состоялись у меня с ним, поэтому мне трудно было сравнивать между собой этих двух людей. Сегодня я могу сказать, что Муссолини представляется мне более «человечным», но не в смысле его большего или меньшего коварства, а прежде всего по его человеческим качествам. Гитлер был воплощением единства воли и интеллекта, и не более того. Муссолини, в свою очередь, был значительно меньше одержим манией величия и идеей о необходимости во что бы то ни стало облагодетельствовать свой народ. При этом он едва ли полностью идентифицировал себя с судьбой своей страны, как это нередко случалось с Гитлером.

Муссолини явно переоценил силы итальянского народа, однако, в отличие от Гитлера, он никогда не злоупотреблял его преданностью и героизмом.

Осенью 1937 года мне довелось присутствовать на маневрах венгерской и болгарской армий.

В Венгрии масштабы маневров были весьма скромными, прежде всего из-за тяжелого финансового положения страны. Войска произвели на меня отличное впечатление, хотя и здесь давали о себе знать последствия ограничений на развитие армии и оборонной промышленности, наложенные на Венгрию соглашениями, подписанными в Трианоне. И это при том, что страна находилась в крайне враждебном окружении государств — членов так называемой «малой Антанты». По настроениям офицерского состава венгерской армии чувствовалась ее

приверженность идеалам рыцарства и беззаветного служения родине, на которых выросли и мы, немецкие солдаты.

На маневрах присутствовали также регент Венгрии адмирал Хорти и фельдмаршал эрцгерцог Иосиф. Хорти принял нас с максимально возможной учтивостью и характерным для него светским лоском в своем будапештском замке. Разве мог я тогда подумать, что однажды он станет моим постоянным партнером по игре в бридж, как это случилось в Нюрнбергской следственной тюрьме!

Наибольшее впечатление во время поездки в Венгрию на меня произвел безграничный патриотизм, владевший венгерским народом. То и дело нам на глаза попадались неопровержимые свидетельства глубокой скорби венгров по поводу перенесенного ими унизительного диктата держав- победительниц.

Хотя и не столь элегантными, как венгры, но от этого не менее интересными и гостеприимными показались мне болгары. В отличие от других маневров иностранных армий, свидетелем которых мне довелось быть, в Болгарии мы были единственной иностранной делегацией, не считая, разумеется, военных атташе.

После недолгого пребывания в Софии мы отправились в район проведения маневров. Ввиду отсутствия в этом районе каких-либо постоянных помещений для царя, руководителей маневров и гостей всем пришлось разместиться в палаточном лагере. В то время как царь и его свита располагались в отдельном небольшом палаточном городке, нас расселили неподалеку от него в палатках, располагавшихся в три ряда и оборудованных в соответствии с положением, занимаемым их обитателями.

Для наблюдения за маневрами собралось довольно много гостей. Царь, который тогда уже не брезговал авторитарными методами управления, привез с собой всех своих министров, одетых в генеральскую форму. Он также захватил несколько престарелых генералов в отставке для того, чтобы — как утверждали злые языки — избавить их от соблазна устроить в отсутствие царя беспорядки в столице. Впрочем, я уже тогда считал, что время военных переворотов прошло.

Самой заметной фигурой среди присутствующих был верховный главнокомандующий болгарской армией в первой мировой войне генерал Шеков, большой друг Германии. Он только что вернулся с нюрнбергского партийного съезда, от которого был в неописуемом восторге. Правда, я не мог ни разделить, ни осудить его восторженные отзывы о съезде по той простой причине, что сам ни разу не принимал участия в подобных форумах. Несмотря на то, что ему вот-вот должно было

исполниться восемьдесят лет, он руководил болгарским молодежным движением и находился в отличной форме. Генерал очень интересно рассказывал о своих впечатлениях, почерпнутых в годы первой мировой войны, особенно о плодотворном сотрудничестве с Фалькенгеймом и непростых отношениях с Людендорфом.

Болгария, как и Германия, пострадала от многочисленных ограничений ее военной мощи, наложенных на нее державами-победительницами в первой мировой войне, однако она сумела без лишнего шума, явочным порядком избавиться от большинства из них. Некоторые образцы «запрещенного» вооружения, полученные из Германии, были задействованы в маневрах, однако хозяева старались не очень-то афишировать данный факт. Я лично пользовался полной свободой передвижения и мог общаться как со штабными работниками, так и непосредственно с представителями войск. У руководства маневрами не было от нас никаких секретов, чего нельзя было сказать о военных атташе, с которыми командование болгарской армии не спешило делиться своими секретами. Военные атташе вынуждены были, как правило, наблюдать за маневрами со специальной смотровой площадки, с которой мало что можно было разглядеть, тогда как самих наблюдателей было отлично видно в лучах палящего солнца. Время от времени им показывали разные пустяки. Однажды вечером я поинтересовался у одного из военных атташе его впечатлениями от маневров и получил следующий безрадостный ответ: «Сегодня нам разрешили в третий раз осмотреть полевой госпиталь».

Вечером последнего дня маневров я получил аудиенцию у царя в его палатке. В ходе завязавшегося по инициативе царя разговора, в котором мне была уготована лишь роль благодарного слушателя, болгарский монарх высказывался чрезвычайно откровенно и, судя по всему, предполагал, что я сумею донести до своего руководства смысл и основное содержание его речи. В начале беседы он выразил благодарность немецкому правительству за поставки Болгарии современных образцов вооружения. Самым дорогим для себя подарком он назвал эскадрилью истребителей, дорогим не столько в смысле его военной полезности, сколько в психологическом смысле. После этого царь заговорил о состоянии своей армии, о которой у меня сложилось самое благоприятное впечатление. Он, в частности, заметил, что в течение всего периода, прошедшего после окончания первой мировой войны, в рядах болгарского офицерства нарастало глухое недовольство несправедливыми ограничениями боевых возможностей национальной армии. И

только теперь благодаря помощи Германии у него, наконец, появилась возможность оснастить войска современным оружием и наладить полноценную боевую подготовку личного состава. Далее царь поделился со мной своими недавними переживаниями по поводу брожения умов в его армии и нешуточных попыток части офицеров вмешаться в развитие политической обстановки. Впрочем, с тех пор, как ему удалось раскрыть последний заговор такого рода, он чувствует себя относительно спокойно, так как считает, что все самое страшное теперь осталось позади.

История этого заговора была мне уже известна со слов одного из военных атташе, который, в свою очередь, услышал ее от царя во время одной из аудиенций. Речь шла о попытке группы офицеров во главе с неким Кимоном Георгиевым осуществить военный переворот, в ходе которого намечалось разогнать парламент и отстранить от власти царя. Царю Борису стало известно о готовящейся акции за несколько часов до ее начала. Заговорщики планировали сначала арестовать царя в его дворце и после этого занять здание парламента. Поэтому царь в эту ночь не ложился спать и поджидал заговорщиков в своем кабинете с пистолетом в руках. Когда они появились, царь дружески приветствовал их и заявил, что он полностью разделяет их намерение разогнать надоевший ему и ни на что не годный парламент и поэтому готов возглавить их движение. Такое поведение царя застало заговорщиков врасплох, и они упустили инициативу из своих рук. Правда, после разгона парламента царю сначала пришлось сформировать правительство из числа участников заговора и их единомышленников, однако затем ему удалось постепенно избавиться от самых опасных из них и сосредоточить всю власть в своих руках.

В беседе со мной царь Борис сообщил также, что с помощью весьма энергичного премьер-министра и не менее старательного военного министра он смог добиться от военного руководства отказа от вмешательства в политику. Этому способствовало и то, что благодаря переходу к реорганизации и перевооружению армии офицеры и генералы вновь почувствовали, что они способны не на словах, а на деле обеспечивать безопасность страны. Он также подробно остановился на той опасности, которую, по его мнению, представляет для Болгарии большевистская пропаганда, и с возмущением упомянул в этой связи об огромных количествах золота, нелегально поступающего для этой цели из Советского Союза. Мой собеседник, который разговаривал со мной на беглом немецком языке, показался мне умным и прагматично мыслящим человеком. И еще у меня сложилось впечатление, что царь в Болгарии пользовался

всенародной любовью.

На следующий день мы стали свидетелями настоящего спектакля, значение которого заключалось прежде всего в том, что Болгария впервые во всеуслышание заявила о начале мероприятий, направленных на укрепление обороноспособности страны. Все войска, задействованные в маневрах, были построены для парада. После обхода парадного строя началась процедура освящения знамен для двадцати новых батальонов, формирование которых противоречило букве и духу соглашений, ограничивавших боевые возможности болгарской армии. Затем состоялся военный парад, во время которого военные атташе наконец-то увидели новые образцы вооружения, которые от них столь тщательно скрывали в ходе маневров.

Мы возвращались в Германию, глубоко убежденные в том, что как венгерская, так и болгарская армии твердо намерены избавиться от оков, надетых на них державами-победительницами в 1919 году. И с теми и с другими нам удалось сохранить по-настоящему дружеские отношения, сложившиеся еще в годы первой мировой войны. Венгрия и Болгария принимали нас не как иностранных офицеров, а как надежных товарищей и верных друзей.

В Берлине меня ожидала уйма всякой работы. Мне предстояло заниматься разногласиями между верховным командованием сухопутных войск и верховным командованием вермахта по поводу структуры высших органов управления вооруженными силами в военное время, а также продолжать подготовку командно-штабных учений и разработку оперативной документации. И я, конечно, не подозревал о том, что всего через несколько месяцев моей работе в руководстве сухопутных войск придет конец.

Прежде чем закончить эту главу, хочу сказать еще несколько слов о моих более молодых сотрудниках. Все они необычайно старательные и работоспособные офицеры. Мне даже кажется, что между нами сложились довольно неплохие личные отношения. Я расскажу только о тех из них, с которыми мне приходилось поддерживать наиболее тесные отношения.

Из сотрудников оперативного управления мне особенно запомнился майор Адольф Хойзингер, будущий генеральный инспектор бундесвера. Он работал со мной еще в 1-м отделении 1-го отдела управления сухопутными войсками войскового управления. После моего перевода в оперативное управление я добился назначения Хойзингера на мое место. Во время второй мировой войны он сумел Дослужиться до начальника оперативного управления, и я всегда с удовлетворением

вспоминаю о нашем сотрудничестве во время войны. Под его началом работали капитаны Вестфаль, фон Тресков и фон Лоссберг. В дальнейшем Вестфаль благодаря своим выдающимся способностям стал во время войны начальником 1-го отдела штаба армии, а затем командующим армией в составе группировки Роммеля в Северной Африке. В конце концов он был назначен начальником штаба группы армий «Запад», которой поочередно командовали генерал-фельдмаршал фон Рундштедт и генерал-фельдмаршал Кессельринг. В 1945/46 годах мы снова встретились с ним в нюрнбергской тюрьме в качестве «свидетелей» на процессе против руководителей национал-социалистского режима. Вместе с другими офицерами мы создали рабочую группу, в задачу которой входила подготовка документации для адвоката доктора Латернзера, представлявшего интересы Генерального штаба по обвинению последнего в том, что он будто бы являлся «преступной организацией». Как выяснилось в дальнейшем, наша работа не пропала даром. Даже такой несправедливый и скорый на расправу суд, каким был Нюрнбергский трибунал, не сумел доказать обвинение, выдвинутое против Генерального штаба. Тем самым нам удалось спасти от незавидной участи многих наших товарищей.

С Тресковом меня соединяли весьма доверительные, можно сказать, дружеские отношения.

Во время войны он был одним из руководителей движения сопротивления против Гитлера. После неудачного покушения на фюрера 20 июля 1944 года он, находясь тогда на должности начальника штаба одной из фронтовых армий, покончил с собой.

Лоссберг был сыном моего глубоко глубокоуважаемого начальника времен первой мировой войны. Он унаследовал от своего отца его лучшие качества, такие, как оперативный талант и широту взглядов. В годы второй мировой войны он был начальником 1 -го управления главного штаба вермахта. Когда Гитлер во время норвежского похода потерял самообладание и отдал приказ об отводе войск из Нарвика, Лоссберг на свой страх и риск воспрепятствовал доведению этого приказа до сведения генерала Дитля. Этот поступок и та прямота, с которой он всегда докладывал Гитлеру о своих оперативных замыслах, способствовали тому, что он в конце концов впал в немилость к диктатору.

Отношения между вермахтом и национал-социалистами со дня кончины Гинденбурга и до вступления Гитлера в должность Верховного Главнокомандующего

После описания того, как происходило развитие рейхсвера в период Веймарской республики и его преобразование в вермахт под эгидой Гитлера, пришло время рассмотреть, как складывались отношения между новой немецкой армией и национал-социалистским руководством. При этом нужно различать, с одной стороны, отношение к Гитлеру, НСДАП и вообще к национал-социалистскому режиму и, с другой стороны, к тем мероприятиям, которые явились выражением политики Гитлера и его партии. Необходимо сразу отметить, что в рядах тогдашнего вермахта это отношение было крайне неоднородным. Нетрудно догадаться, что лозунги национал-социалистской пропаганды, обращенные к определенным идеалам и ценностям, воспринимались доверчивой и порой наивной молодежью значительно чаще, чем скептически настроенными представителями старшего поколения. К тому же с годами давали о себе знать плоды воспитания молодых людей в системе гитлерюгенда. Молодое поколение верило в истинность провозглашаемых идеалов и, вероятно, в меньшей степени, чем люди зрелого возраста, замечало разницу между теорией и практикой. Вместе с тем имелись определенные различия во взглядах между представителями трех видов вооруженных сил вермахта.

Сухопутные войска были, несомненно, больше привержены многовековым военным традициям. В связи с этим не было никакой нужды пытаться изменить эти представлении о долге и солдатской чести в духе национал-социалистской идеологии. Национальные и социальные постулаты этой идеологии, по крайней мере, в том виде, в котором они были сформулированы, и без того отражали образ мышления патриотически настроенных солдат. Другое дело, что на практике они в дальнейшем сопровождались многочисленными националистическими и даже расистскими проявлениями, которые, конечно же, были совершенно неприемлемыми для немецкого солдата.

В военно-морских силах восприимчивость личного состава к нацистской идеологии была несколько выше, чем в сухопутных войсках. Возможно, это объясняется отчасти тем обстоятельством, что Гитлера не без оснований воспринимали как заклятого врага коммунизма, с поборниками которого в имперских ВМС связаны далеко не самые лучшие воспоминания.

Что касается военно-воздушных сил, то не следует забывать, что именно благодаря Гитлеру они стали отдельным видом вооруженных сил вермахта. Не удивительно, что среди военных летчиков было больше всего приверженцев Гитлера и его партии. Важную роль при этом сыграло и то обстоятельство, что во главе

ВВС находился Геринг, который являлся вторым лицом в НСДАП после Гитлера и стремился к тому, чтобы военно-воздушные силы заняли доминирующее положение в вермахте.

Наконец, в высшем военном руководстве тон в то время задавал ярый сторонник и почитатель Гитлера военный министр фон Бломберг. Не смущаясь тем, что многие его непосредственные подчиненные далеко не всегда разделяли взгляды и позицию своего начальника, Бломберг видел свою задачу в том, чтобы внедрить национал-социалистский дух в ряды вооруженных сил. Будущий верховный главнокомандующий вермахта Кейтель оказался в полной идейной и психологической зависимости от своего шефа.

Несмотря на то, что выше я вел речь о различных позициях солдат вермахта по отношению к Гитлеру, следует подчеркнуть, что в вопросах отношения к службе и к отечеству в их рядах наблюдалось полное единство взглядов. Как бы то ни было, но именно существование вышеупомянутых различий стало одной из главных причин того, что в начале 1938 года НСДАП исподтишка нанесла сокрушительный удар именно по сухопутным войскам, и только по ним.

Однажды, будучи в дурном расположении духа, Гитлер произнес следующую фразу: «У меня есть прусская армия, имперский флот и национал-социалистская авиация». И даже если допустить, что это было сказано в сердцах, то и в этом случае можно предполагать, что слова фюрера так или иначе были связаны с различным отношением к нему трех видов вооруженных сил.

Пожалуй, сухопутные войска больше всего стремились сохранить свою независимую позицию по отношению к НСДАП. В свою очередь военно-воздушным силам никакая независимость и не была нужна, так как лучше Геринга их позиции отстаивать никто не мог. Одной из причин трений, возникавших между командованием сухопутных войск и наиболее воинственно настроенными партийными структурами, являлось то, что за сухопутными войсками были все еще закреплены важные функции территориальной обороны. Поэтому не у ВМС и тем более не у ВВС, а именно у сухопутных войск появились непримиримые соперники, сначала в лице штурмовых отрядов, а затем в лице войск СС.

Что же касается отношения солдат непосредственно к Гитлеру, то он был для них признанный народом глава государства, а значит, и верховный главнокомандующий, на верность которому присягала вся армия. Как бы ни относились солдаты к нему лично, присяга оставалась присягой, и в этом

смысле все мы были прежде всего его верными и преданными подчиненными.

Приходится также признать, что мы, солдаты, а также большинство немцев и — что греха таить — многие весьма проницательные иностранцы испытывали неподдельное восхищение успехами Гитлера как во внутренней, так и во внешней политике.

Короче говоря, Гитлер ассоциировался в сознании довольно большого количества людей с образом сильного и весьма удачливого человека, которому принадлежит будущее. И этот образ становился только ярче оттого, что в дальнейшем фюреру удалось присоединить Австрию и завладеть Судетской областью, не пролив при этом ни капли крови. Всякий раз, когда он затевал очередную весьма рискованную внешнеполитическую комбинацию, трудно было избавиться от ощущения, что он интуитивно ощущал, где находится тот предел, за который нельзя выходить.

С учетом всего сказанного выше становится понятно, почему мы, солдаты, и вместе с нами большая часть немецкого народа приписывали наиболее неприятные и отвратительные проявления, связанные с национал-социалистским режимом, не лично Гитлеру, а дурному влиянию его ближайшего окружения. К сожалению, это было тогда чрезвычайно распространенное заблуждение. В отличие от Сталина, Гитлер предоставлял своим соратникам большую свободу действий, хотя он прекрасно знал об их недостатках и о допускаемых ими злоупотреблениях. О том, насколько он лично причастен к преступлениям режима, мы могли в то время только догадываться. Успехи фюрера застили нам глаза.

Совсем по-другому складывались, однако, отношения между вермахтом и национал-социалистской партией. Если не считать военного министра Бломберга, о позиции которого уже была речь выше, то можно сказать, что если до прихода нацистов к власти сухопутные войска относились ко всем политическим партиям, за исключением коммунистов, в основном нейтрально, то после более близкого знакомства с ними в лице НСДАП это отношение стало весьма прохладным. Разнузданное поведение «партийных бонз», вызывающий образ жизни многих партийных функционеров, прежде всего Геринга, вызывали откровенную неприязнь у солдат, воспитанных в прусских традициях чести и достоинства. Сухопутные войска не могли не протестовать против самоуправства гауляйтеров и любых попыток партии распространить свое влияние на военнослужащих. Солдаты не желали подчиняться диктату партии. Мы осознавали свою

ответственность за обеспечение внешней, а при необходимости и внутренней безопасности рейха и рассматривали себя в качестве опоры государства как органа, статус которого не зависит от конкретного соотношения политических сил. В связи с этим мы полагали, что вермахт неотвратимо нуждается в самоутверждении, причем как в интересах повышения собственной боевой мощи, так и в интересах государства.

Можно с уверенностью сказать, что и в те годы, и в дальнейшем почти до конца войны вермахту не только удалось сохранить сплоченность и единство своих рядов, но и стать прибежищем для тех, кто ощущал угрозу своей жизни и благополучию со стороны режима. И лишь после неудавшегося покушения на Гитлера 20 июля 1944 года сухопутные войска окончательно потерпели поражение в борьбе за свою самостоятельность.

Каждый, кто не понаслышке знаком с такими солдатскими ценностями, как верность долгу и приверженность старым традициям, поймет, почему многие действия режима, т. е. Гитлера и его сподвижников, во внутриполитической сфере вызывали стойкое неприятие у солдат. Ведь применяемые нацистами методы достижения политических целей были абсолютно несовместимы с идеалами и традициями прусского государства с его идущей еще от Фридриха Великого религиозной и политической терпимостью и реализованным раньше, чем где бы то ни было, принципом правового государства.

Впрочем, тогда многое из того, что мы знаем и понимаем сейчас, представало для многих из нас в совсем ином свете. Мы полагали, что живем в государстве с авторитарной формой правления, которая в период между первой и второй мировыми войнами во многих странах считалась необходимой для преодоления имеющихся трудностей, а иногда рассматривалась и как единственно возможный выход из кризиса. После пережитых в годы Веймарской республики многочисленных потрясений и смуты, после всех выпавших на нашу долю унижений многие видели в сильной государственной власти спасение от хаоса, который грозил рейху в 1932/33 годах. Наученные горьким опытом республиканского режима с его безграничной демократией и терпимым отношением к радикальным партиям, мы теперь считали, что у нового режима должны быть развязаны руки для борьбы с коммунистической идеологией и практикой, пусть даже и с применением антидемократических методов. При этом мы не учли того, что те же методы могут быть использованы и для достижения иных целей, например для борьбы против церкви или для проведения политики расовой дискриминации,

свидетелями чего стали очень скоро. К сказанному необходимо добавить, что проводимая нацистами политика террора и насилия оставалась почти незамеченной для большей части населения, во-первых, потому, что акты насилия осуществлялись по возможности в тайне от населения, во-вторых, потому, что своего полного размаха они достигли лишь во время войны и, в-третьих, потому, что репрессии были направлены против строго определенных групп населения и не коснулись основной его массы. Наконец, даже те случаи произвола властей, о которых становилось известно широкой общественности, часто воспринимались, к сожалению, как неизбежные издержки любых революционных преобразований.

Впрочем, если все отмеченное выше может быть отнесено в большей или меньшей степени к подавляющему большинству немецкого народа, то про армию можно сказать, что примерно до 1938 года она существовала как бы на острове, в стороне от всего происходившего. После путча Рема ни СА, ни появившиеся позднее СС и гестапо еще довольно долго не рисковали трогать армию, по крайней мере до тех пор, пока Гитлер не перестал удерживать их от этого. И в самом деле, на кого могли произвести самое большое впечатление поразительные успехи политики нацистов до 1938 года включительно, если не на вермахт?

Сегодня мы вправе задаться вопросом о том, как могло случиться, что целый народ и армия как его часть, ослепленные очевидными, но, как оказалось, временными и весьма сомнительными успехами, закрывали глаза на вопиющее нарушение моральных и этических норм, составляющих основу любого государства. В качестве одного из возможных объяснений можно было бы назвать произошедшую переоценку ценностей, в результате которой приверженность к извечным заповедям любви и взаимного уважения уступила свое место преувеличенной тяге к материальному благополучию. Думаю, что такая участь постигла в двадцатом столетии далеко не одну только Германию. Так пусть же это станет для всех нас горьким, но весьма поучительным уроком!

Открытым остается и вопрос о том, почему в те годы, когда вермахт еще не был окончательно втянут в смертельную схватку, от исхода которой зависело само существование Германии, он не предпринял практически ничего для противодействия произволу и всесилию властей. Сказать, что мы, солдаты, также были ослеплены многими достижениями правящего режима, и что мы так же, как большая часть немецкого народа, плохо понимали происходившее и недостаточно хорошо представляли себе, что

нас ждет впереди, значит сказать только часть правды. Другую ее часть следует искать в ответе на вопрос о возможности и целесообразности вмешательства армии в управление государством.

Тот, кто считает, что при необходимости армия должна с оружием в руках выступить против правительства, совершающего противозаконные действия или допускающее грубые политические просчеты, волей-неволей признает за ней право контроля за государственной властью. Ввиду своей чрезвычайной важности и сложности данная проблема заслуживает отдельного рассмотрения.

Нет никакого сомнения в том, что в те годы у армии существовала легальная возможность воздействовать на государственное руководство, прежде всего через военнослужащих вермахта, одновременно являвшихся министрами правительства, т.е. через военного министра фон Бломберга и министра авиации Геринга. Как известно, ни тот ни другой не предприняли даже попыток как-то повлиять на Гитлера и его партию. Можно также представить себе теоретически, что другие представители высшего военного руководства, в частности, верховные главнокомандующие сухопутными войсками и военно-морскими силами должны были оказывать соответствующее давление на этих министров и через них на самого Гитлера. Однако за подобными действиями, противоречащими немецким военным традициям, могла стоять только угроза открытого неповиновения, от которой недалеко и до преступного сговора с целью совершения военного переворота. Все, кто достаточно хорошо знал Гитлера, должны были понимать заведомую бесперспективность таких попыток. Ни один диктатор, особенно такой, как Гитлер, никогда не позволит кому-либо навязать ему чужую волю. И даже если он в течение какого-то времени будет делать вид, что готов пойти на уступки, то в дальнейшем он, выиграв время, при первой же возможности расправится с предателями и после этого еще сильнее закрутит гайки в государственной машине. С тоталитарным режимом можно справиться только одним способом: осуществлением государственного переворота. В то время это означало насильственное свержение правительства и устранение с политической арены Гитлера и его ближайших сподвижников.

Но мог ли государственный переворот, движущей силой которого стали бы сухопутные войска, быть совершен не только без участия двух других видов вооруженных сил вермахта, но и без одобрения со стороны народа? Ни той ни другой предпосылки не было в течение всего периода пребывания Гитлера у власти,

если не считать последних недель войны. Кроме того, ни один военный руководитель не пользовался тогда такой мощной поддержкой народа, которая позволила бы ему надеяться на успех в борьбе против Гитлера. Авторитет фюрера в народе и в армии, завоеванный в период с 1933 по 1938 годы, был практически непререкаемым. Победы, достигнутые в первые годы войны, только еще больше укрепили его.

Можно было понять эмигрантов, которые не могли как следует представить себе тогдашнее соотношение политических сил, и тех людей, которые были далеки от власти, когда и те и другие рассчитывали на то, что армия свергнет правительство, опирающееся только на силу, и заменит его на правительство, признающее только власть закона. Точно так же можно с пониманием отнестись к тем, кто особенно сильно пострадал от преступлений нацистского режима и склонен винить вермахт в бездействии по отношению к власти.

Однако для военных руководителей Германии того времени вопрос стоял совсем по-другому. Они вынуждены были делать выбор между поддержкой Гитлера и его режима, который, несмотря ни на что, спас страну от полного краха, пусть даже и ценой насилия и беззакония, и гражданской войной. Взять на себя такую ответственность немецкий солдат не мог, это было просто выше его сил.

Верховное Командование Сухопутных войск и Верховное командование Вермахта

Армия должна была отстаивать свою самостоятельность и независимость по отношению к НСДАП. Справедливость требует, однако, признать, что в мирное время Гитлер избегал вмешательства в организационную структуру вермахта. Скорее всего это объясняется тем, что он проникся доверием к Бломбергу. Последний, в свою очередь, неоднократно подчеркивал, что он видит свою задачу в том, чтобы «внедрить национал-социализм в вермахт», при этом под вермахтом он подразумевал прежде всего сухопутные войска. Подобные высказывания использовались партийными функционерами для того, чтобы обвинить армию в реакционности.

Имперский военный министр, человек весьма грамотный и эрудированный, при всей его одаренности и военных талантах был все-таки довольно мягкотелым и внушаемым. Он откровенно увлекся личностью Гитлера и национал-социалистской идеологией и в силу этого не мог судить о режиме трезво и объективно, как это подобало военному министру. Бломбергу противостоял главнокомандующий сухопутными войсками генерал-полковник фон Фрич, большой знаток военного дела, отличавшийся твердым характером, безупречной солдатской выправкой и товарищеским отношением к своим сослуживцам.

Понятно, что при всем уважении обоих генералов друг к другу отношения между ними не могли быть особенно теплыми по той простой причине, что они были такими разными. Это, разумеется, сказывалось и на отношениях между верховным главнокомандованием сухопутных войск (ОКХ) и верховным главнокомандованием вермахта (ОКВ). При этом в ОКХ господствовало мнение о том, что имперский военный министр, сам являвшийся выходцем из армии, все же недостаточно настойчиво и успешно защищает интересы армии перед партией, как, впрочем, и перед жаждущим власти главнокомандующим ВВС Герингом. С одной стороны, Бломберг как верховный главнокомандующий вермахта официально являлся начальником Геринга, хотя последний редко прислушивался к мнению министра. С другой стороны, и Бломберг, и Геринг оба находились в ранге министров, поэтому то, чего Герингу не удавалось добиться от своего начальника, он достигал собственными приказами как министр.

Противоречия, которые существовали между руководителями

сухопутных войск и вермахта из- за царившей в них разной рабочей атмосферы и вследствие многочисленных разногласий по профессиональным вопросам, к концу войны обострились до предела. Речь шла о разнице во взглядах на управление войсками во время войны.

Проблема поиска наиболее целесообразной структуры высших органов военного управления в военное время почти каждый год с удивительным постоянством вставала перед сотрудниками военного министерства, однако такое решение, которое устраивало бы всех, так и не было найдено.

В войне 1914/1918 годов выявилось множество недостатков системы высшего военного руководства. Император, формально являвшийся верховным главнокомандующим, на самом деле армией не управлял. Не было должного взаимодействия между действиями наземных войск и операциями военного флота. Создание в конце войны единого верховного главнокомандования армии явно запоздало и не дало желаемого результата. Отсутствие человека и органа, способного мобилизовать все ресурсы страны для успешного продолжения войны, привело к тому, что ОКХ все чаще приходилось заниматься военно-экономическими вопросами. Накопленный опыт заставил нас постоянно заниматься вопросами единого управления вермахтом в случае войны.

В годы Веймарской республики встала еще одна проблема: насколько военный министр, который отныне был гражданским лицом и по закону являлся верховным главнокомандующим вооруженными силами, способен был взять на себя ответственность за оперативное управление войсками и быть главным консультантом правительства по данному вопросу? Было принято решение о том, что военный министр осуществляет общее политическое руководство, в то время как функции верховного главнокомандующего должен исполнять главнокомандующий сухопутными войсками, составлявшими основу и главную ударную силу рейхсвера. При этом, естественно, предполагалось, что его функции по отношению к военному флоту будут ограничены координацией его действий с действиями сухопутных войск. Данная практика сохранялась и после того, как военным министром, а следовательно, и главой рейхсвера стал генерал Грёнер, пусть даже и бывший.

С назначением генерала фон Бломберга не только военным министром, но и главнокомандующим вермахта с входящими в его состав всеми тремя видами вооруженных сил, казалось, что проблема структуры высшего военного руководства уже решена идеальным образом. Ведь теперь, казалось бы, было обеспечено

единое и, вместе с тем, компетентное руководство армией, причем сразу всеми тремя видами вооруженных сил. Теоретически принятое решение выглядело как наиболее удачное. Однако с практической точки зрения к нему имелось немало претензий. Часть из них относилась к существу проблемы, другая часть — к личности людей, которым могло быть поручено ее решение.

Наиболее существенные сомнения возникали в связи с тем, что в современной войне не только один человек, но и целая командная инстанция не способны одновременно решать две задачи:

• непосредственное управление войсками во время войны, т. е. составление и осуществление стратегических и оперативных планов;

• руководство военными действиями, под которым понимается решение всех задач, связанных с поиском, привлечением и использованием всех материальных и людских ресурсов страны, необходимых для ведения войны.

Опыт последних лет свидетельствовал о том, что в современной войне участвуют не только армии противоборствующих государств, но и в значительной степени их мирное население, поэтому забота о его жизни, а порой и о самом существовании нации отныне выходит на передний план. К счастью, тогда у нас еще не было необходимости заниматься решением второй части этой проблемы.

В то время в ОКХ исходили из того, что руководством военными действиями исчерпывается сфера ответственности военного министра и что на него нельзя возлагать еще и непосредственное управление боевыми действиями. Мы считали, что эти две задачи должны быть четко разграничены. Разумеется, при этом были неизбежны и определенные конфликты между обеими инстанциями. Можно было предположить, что «полководец» станет предъявлять требования о выделении в его распоряжение людских и материальных ресурсов, часть из которых имперский военный министр не сочтет возможным выполнить по политическим или экономическим причинам. В подобных случаях последнее слово должно было оставаться за главой политического руководства страны, который мог принять свое, обязательное для обеих сторон решение либо помочь сторонам прийти к компромиссу. Ведь без согласования стратегических планов с политическими целями нельзя обойтись и в мирное время. В Соединенных Штатах Америки эту функцию берет на себя президент, в Великобритании — премьер-министр. В Третьем рейхе она естественным образом предназначалась для

Гитлера. В Федеративной Республике Германии эта функция была бы возложена на НАТО, а в ГДР — в конечном итоге, по-видимому, на СССР.

Наряду с изложенными выше аспектами, имеющими отношение к существу проблемы, имеются и сугубо личностные аспекты, которые нуждаются в более подробном рассмотрении.

В любой войне, чаще всего уже на последнем этапе предвоенного времени, требования военных нередко приходят в противоречие с политической целесообразностью, и наоборот. Военные часто считают, что они могут достичь поставленных перед ними целей только при наличии определенных предпосылок, создания которых они ожидают от политического руководства, а оно, в свою очередь, по разным причинам иногда не может или не хочет делать этого. С другой стороны, политические руководители нередко предъявляют к военным такие требования или ставят их в такие условия, которые не позволяют военному командованию достигнуть успеха. Подобная ситуация, к примеру, возникла после чрезвычайно рискованного решения Гитлера о восстановлении германского контроля над Рейнской областью.

Командование сухопутных войск полагало, что Бломберг вряд ли был способен с необходимой настойчивостью отстаивать перед политическим руководством в лице Гитлера интересы и потребности вермахта. Вероятность того, что он сможет переубедить фюрера, если тот захочет поставить перед армией заведомо невыполнимую задачу, была весьма невелика. Более того, у нас были основания предполагать, что Бломберг не справится даже с руководством всеми тремя видами вооруженных сил. Во всяком случае, у него не было никаких шансов справиться с главнокомандующим ВВС Герингом. Последний делал с ВВС в буквальном смысле все, что хотел. Имелись также существенные разногласия между командованиями сухопутных войск и военно-воздушных сил по вопросу ведения воздушной войны. Геринг и его штаб давно вынашивали идею так называемой «оперативной воздушной войны», под которой понимались удары авиации, наносимые после достижения воздушного господства по объектам на территории противника с целью снижения его военного потенциала и подрыва морального духа. Эта была именно та стратегия, которой придерживались почти до самого конца 1944 года Соединенные Штаты Америки и Великобритания по отношению к Германии и цели которой так и не были достигнуты.

В ОКХ тогда господствовала точка зрения, согласно которой победа в войне достигается только в результате разгрома

вооруженных сил противника. Забегая вперед, можно сказать, что правильность такой позиции была подтверждена ходом и итогами второй мировой войны. Конечно, командование сухопутных войск не собиралось ограничивать задачи ВВС исключительно непосредственной авиационной поддержкой наземных войск. Однако оно считало, что цели воздушной войны должны быть подчинены замыслам и тактике боевых действий сухопутных войск и ВМС.

Таким образом, одним из решающих аргументов в пользу непригодности военного министра Бломберга для глобального руководства военными действиями были сомнения в его способности отстоять интересы сухопутных войск перед командованием ВВС. Но есть еще один аргумент такого же рода, связанный на этот раз с полководческими качествами Бломберга. Дело в том, что, будучи выходцем из сухопутных войск, этот военный министр был склонен к навязыванию подчиненному ему командованию своих личных взглядов на руководство операциями наземных войск. По- человечески его можно понять, однако интересы дела требовали недопущения подобного вмешательства в деятельность главнокомандующего сухопутными войсками. Вторая мировая война наглядно продемонстрировала губительность соперничества ОКВ и ОКХ в борьбе за право командовать армией. Мало что меняло в этом смысле и сосредоточение верховной власти над обеими командными инстанциями в руках одного человека, каковым в то время являлся Гитлер.

Имперский военный министр и верховный главнокомандующий вермахта не мог осуществлять свою деятельность без помощи Генерального штаба. Но такого штаба в его распоряжении не было, по крайней мере, в том смысле, который принято вкладывать в это понятие. Правда, в составе ОКВ уже имелось управление «обороны страны», которое позднее было преобразовано в «главный штаб вермахта». Однако верховному главнокомандующему немецкой армией нужен был именно Генеральный штаб, подобный тому, который Уже имелся у сухопутных войск.

Немало полезного для вермахта сделал тогдашний начальник организационного управления командования сухопутных войск генерал Кейтель, являвшийся одновременно правой рукой Бломберга. Можно было надеяться, что и в руководстве военными действиями он показал бы себя с самой лучшей стороны. Однако никто — в том числе и сам Кейтель — не предполагал наличия у него «божьей искры», которая, по мнению Шлиффе- на, должна быть у каждого полководца.

В ОКХ считали, что теоретически вроде бы безупречная структура высших органов военного руководства вермахта вряд ли выдержит проверку на практике. Даже реализация идеи исправить положение путем кадровых перестановок не отменила бы того бесспорного факта, что совмещение в одном лице функций военного министра и верховного главнокомандующего было нецелесообразно и неосуществимо. Как бы то ни было, сами собой напрашивались изменения в структуре органов высшего военного управления вермахта, суть которых заключалась бы в разделении двух вышеупомянутых функций.

По итогам моих многочисленных бесед на эту тему с начальником Генерального штаба генералом Беком последний поручил мне в 1937 году подготовить памятную записку с моими предложения по данной проблеме.

В моей памятной записке я настаивал прежде всего на том, чтобы избавить имперского военного министра от функций стратегического и оперативного управления войсками. Я считал, что министр должен был заниматься поиском, привлечением и использованием всех людских и материальных ресурсов, необходимых для успешного ведения военных действий. При этом в его распоряжении должен был бы находиться «имперский совет обороны», состоявший из основных министров правительства. Одновременно военный министр представлял бы вермахт на политическом уровне. Наконец, в его руках могли бы быть сосредоточены нити управления некоторыми во- енно-административными сферами, которые воспринимались как обуза всеми тремя видами вооруженных сил. Мои предложения обеспечивали значительную экономию личного состава, денег и материальных средств.

Вторая часть памятной записки была посвящена организации управления войсками во время войны, т. е. планированию и руководству операциями. Суть ее состояла в предложении ввести должность имперского начальника Генерального штаба и сформировать сам штаб под названием «Генеральный штаб вермахта». При этом я исходил из следующих соображений:

В армиях всех стран имеется вид вооруженных сил или род войск, на который в зависимости от военно-политической обстановки и стратегических целей военных действий возлагаются основные надежды. Для Великобритании это, разумеется, флот, по крайней мере, сейчас. Возможно, когда-нибудь он уступит свою ведущую роль военно-воздушным силам. В Германии главенствующая роль, несомненно, принадлежит сухопутным войскам. Именно они, и только они, способны во взаимодействии с ВВС наносить решающее поражение

противнику.

Вот почему я предложил сосредоточить общее руководство военными операциями в руках главнокомандующего сухопутными войсками как человека, стоящего во главе той части вермахта, от которой зависит успех в современной континентальной войне. Разумеется, в этом случае Генеральному штабу сухопутных войск следовало придать оперативные группы двух других частей вермахта. При этом полномочия главнокомандующего сухопутными войсками по отношению к военно- воздушным и военно-морским силам должны были ограничиваться постановкой им наиболее общих стратегических и оперативных задач, а также расчетом сил и средств данных видов вооруженных сил, необходимых для совместного с сухопутными войсками решения боевых задач. Во всех остальных вопросах боевого применения ВМС и ВВС последнее слово должно было оставаться за их главнокомандующими.

В своей памятной записке я не мог обойти вопрос о целесообразности создания Генерального штаба вермахта, который существовал бы наряду с Генеральным штабом сухопутных войск. Дело в том, что в случае принятия такого решения главнокомандующему сухопутными войсками ничего не оставалось бы, кроме как превратиться в некоего генерального инспектора и передать руководство своими подчиненными в военное время Генеральному штабу вермахта. Я считал, что в специфических условиях Германии руководство вермахтом, с одной стороны, и сухопутными войсками, с другой, нельзя было поручать двум отдельным командным инстанциям, так как это привело бы лишь к бесчисленным согласованиям и взаимным упрекам, причем ни одна из этих инстанций не несла бы при этом полной ответственности за действия вооруженных сил в целом.

Я до сих пор убежден в том, что в случае принятия моего предложения его правильность была бы подтверждена в ходе второй мировой войны. Как известно, деятельность руководства вермахта в этот период была весьма далека от совершенства. Впрочем, мы никак не предполагали, что Гитлер предпримет нелепую попытку сосредоточить в своих руках функции главы государства, министра обороны (функции Кейтеля были низведены до роли простого исполнителя), а также верховного главнокомандующего вермахта и главнокомандующего сухопутными войсками. Ведь даже самый могущественный руководитель, располагающий диктаторскими полномочиями, не в состоянии как следует распорядиться столь обширными полномочиями. Не говоря уже о том, что Гитлер, не обладавший знаниями и навыками, необходимыми для управления войсками,

редко прислушивался к мнениям своих военных советников.

Генералы Бек и Фрич одобрили мою памятную записку и передали ее на рассмотрение Бломберга. Можно было, разумеется, заранее предполагать, что не только имперский военный министр не захочет так просто отказаться от руководящих функций во время войны, но и что главнокомандующие военно-воздушными и военно-морскими силами не расстанутся добровольно с частью своих полномочий. Окончательное решение по данному вопросу мог принять только Гитлер. Что касается Бломберга, то свою позицию он выразил в сценарии командно-штабного учения вермахта, который был призван доказать необходимость управления не только вермахтом в целом, но и основными операциями наземных войск со стороны военного министра. При подготовке этого учения сотрудникам личного штаба Бломберга пришлось проявить чудеса изобретательности. В основу замысла учения было положено совершенно фантастическое предположение о войне Германии, Австрии, Венгрии и даже Италии против Чехословакии, за спиной которой находилась Франция. При этом союзники Германии будто бы отказались подчинить свои войска, расположенные на богемско-моравском театре военных действий, командованию сухопутных войск (ОКХ) и согласились выполнять приказы только верховного главнокомандующего вермахта. В связи с этим сценарий учения предусматривал подчинение главнокомандующему сухопутными войсками только немецких частей и соединений, тогда как австрийская и венгерская армии, а также итальянский экспедиционный корпус подчинялись только верховному главнокомандующему вермахта. При такой расстановке сил на ОКХ в моем лице была возложена функция разработки проектов оперативных планов. Пользуясь случаем, я отметил малую вероятность того, что Венгрия и Австрия откажутся подчинить свои маленькие армии командованию сухопутных войск Германии. Что касается итальянцев, то, по моему мнению, лучше было вообще исключить их и без того немногочисленную группировку из расчета сил и средств, чем ставить под удар единое руководство боевыми действиями со стороны ОКХ.

Это дало повод имперскому военному министру заявить во время разбора учения, на котором присутствовал Гитлер, что ОКХ якобы ради сохранения своего престижа предлагало отказаться от столь необходимой вермахту поддержки итальянской армии. В ответ на решительный протест главнокомандующего сухопутными войсками против подобных инсинуаций Бломберг был вынужден извиниться, однако тем дело и кончилось. Генерал

фон Фрич так и не решился вынести вопрос управления войсками во время войны на обсуждение высшего руководства рейха. Может быть, именно проявившиеся в данном случае разногласия между руководством сухопутных войск и вермахта побудили Бломберга через несколько месяцев во время аудиенции у Гитлера по поводу своей отставки посоветовать фюреру принять на себя руководство вермахтом. Этот совет оказался не только весьма чувствительным ударом по сухопутным войскам, от которого они так и не сумели оправиться, но и поводом для губительной реорганизации органов высшего военного управления вермахта.

После отставки Бломберга и Фрича генерал Бек предпринял еще одну попытку убедить Гитлера, ставшего теперь верховным главнокомандующим, в нашей правоте. К тому времени я внес в наш проект изменения, согласно которым Кейтель, отныне возглавлявший ОКВ, должен был, оставаясь в подчинении у Гитлера, исполнять обязанности статс-секретаря, отвечающего за общее руководство военными действиями и за военно-административные вопросы. Одновременно предлагалось учредить должность имперского начальника Генерального штаба, в обязанности которого входило бы как оперативное руководство вооруженными силами в целом, так и организация боевых действий наземных войск.

Гитлер уверял, что он и думает предоставлять Кейтелю полномочия начальника Генерального штаба вермахта. И вообще он обещал подумать над нашим предложением. Как и ожидалось, Геринг и адмирал Редер не дали своего согласия на наш план.

Проблема структуры органов высшего военного управления, так волновавшая нас тогда, неизбежно встает и перед другими странами. Предлагаемые решения крайне редко основываются только на соображениях, относящихся к существу дела. Они зависят также от конкретной внутриполитической обстановки, от деловых качеств политических и военных руководителей и, наконец, от условий, в которых придется вести военные действия.

Удар Гитлера по командованию Вермахта и сухопутных войск

Как известно, поводом для отставки имперского военного министра фон Бломберга стала темная история с его вторым браком. Гитлер и Геринг, присутствовавшие на свадьбе в качестве свидетелей, довольно долго оставались в неведении относительно весьма сомнительного прошлого второй жены Бломберга и узнали об этом значительно позднее, чем Гиммлер,

которому, судя по всему, это было известно уже давно. Как бы то ни было, вызванный отставкой Бломберга кризис в высшем военном руководстве рейха стал толчком для принятия Гитлером решения о проведении кадровых изменений в руководстве сухопутных войск. Первой жертвой удара, нанесенного Гитлером по сухопутным войскам, стал их главнокомандующий генерал-полковник фон Фрич, который был отправлен в отставку.

Фабула дела, которое послужило поводом для отстранения Фрича от должности, а также история его последующей формальной реабилитации Гитлером после вынесения судом оправдательного приговора достаточно хорошо известны. Открытым остается лишь вопрос о той роли, которую сыграли в этом основные действующие лица интриги, затеявшие ее против опального генерала или получившие от этого те или иные выгоды.

Достоверно известно, что документ, содержавший якобы неопровержимые доказательства вины Фрича, был сфабрикован ведомством Гиммлера. Имперское управление безопасности даже представило «свидетеля обвинения», утверждавшего, что именно с ним Фрич совершал инкриминируемые ему аморальные действия.

О мотивах, которыми руководствовались Гиммлер и стоящий у него за спиной Гейдрих в их попытках дискредитации Бломберга и, особенно, Фрича, догадаться нетрудно. За всем этим стояла их откровенная ненависть к вермахту, прежде всего к сухопутным войскам. Известную роль при этом сыграла также свойственная Гейдриху как бывшему военно-морскому офицеру предубежденность по отношению к сухопутным войскам и развившийся у него после «недостаточно почетного» Увольнения из рядов имперского флота комплекс неполноценности. Однако главные причины случившегося нужно искать в безудержном стремлении руководителей СС к власти. Они с полным основанием полагали, что вермахт оставался в то время последней и до поры до времени непреодолимой преградой на их пути к безраздельному господству в стране. История с Бломбергом развязала им руки для нанесения чувствительного удара по сухопутным войскам.

Еще одним важным действующим лицом в интриге, направленной против Фрича, можно считать Геринга, по той простой причине, что он рассчитывал извлечь из всего этого выгоду лично для себя. Ведь именно Геринг не только сообщил Гитлеру сведения, компрометирующие вторую жену Бломберга, но и ознакомил фюрера с документом, содержавшим гнусные обвинения в адрес Фрича. Правда, позднее Геринг, являясь

председательствующим в суде по «делу Фрича», сумел заставить вышеупомянутого «свидетеля обвинения» признаться в том, что его показания были выдумкой от начала до конца. В то же время он не предпринял никаких мер для выявления истинных виновников этой аферы и, вероятно, даже препятствовал этому.

Что касается самого Гитлера, то можно предположить, что он уже тогда опасался решительного протеста Фрича и Бломберга против его планов нападения на Чехословакию не позднее 1943 — 1945 годов и решил как можно скорее избавиться от несговорчивых генералов. Поводом для принятия такого решения могли стать серьезные разногласия по данному вопросу, возникшие между фюрером, с одной стороны, и Бломбергом, Фричем, а также министром иностранных дел фон Нейратом, с другой, на совещании 5 ноября 1937 года. Судя по всему, Гитлер не надеялся на то, что ему удастся переубедить Фрича. К этому следует добавить, что между ними никогда не было каких-либо особо доверительных отношений, хотя сомневаться в лояльности Фрича главе государства не приходится. Таким образом, напрашивается вывод о том, что Гитлер воспользовался кризисом в высшем руководстве вермахта в связи с отставкой Бломберга для того, чтобы сместить главнокомандующего сухопутными войсками с должности. Происки Гиммлера против неугодного генерала пришлись фюреру как нельзя кстати. А ведь достаточно было малейшего намека со стороны Гитлера для того, чтобы Фрич добровольно и без скандала оставил свой пост.

Увольнение генерал-полковника фон Фрича

Я хочу рассказать о том, как я и большинство других генералов командования сухопутных войск восприняли события, связанные с отставкой фон Фрича, и предоставить читателю возможность самому оценить обстоятельства, не позволившие нам тогда понять истинное значение данного события, больно задевшего всех нас, и обусловившие пассивность генералитета, не предпринявшего почти ничего для того, чтобы не дать в обиду своего непосредственного начальника.

В последние дни января 1938 года я присутствовал на командно-штабном учении в Кенигсберге. Здесь же находился командующий 1 -й группой армий генерал-полковник фон Рундштедт, вместе с которым я возвращался в Берлин. По дороге Рундштедт рассказал мне, что генерал Бек срочно вызвал его телеграммой в столицу. Причина вызова в телеграмме не был указана, однако Рундштедт предполагал, что это как-то связано с личностью имперского военного министра.

По прибытии в Берлин мы увидели на перроне генерала Бека,

который, как оказалось, уже поджидал Рундштедта. Следующим утром я явился на доклад к Беку. Пользуясь случаем, генерал извинился за то, что не подвез меня вчера на своей машине с вокзала. В свое оправдание он сообщил, что дело, которое привело его на вокзал, было необыкновенно срочным и что обсудить его он мог только с глазу на глаз с генералом Рундштедтом. По словам Бека, речь идет прежде всего об отставке имперского военного министра в связи с тем, что стало известно о весьма сомнительном прошлом его жены. Кроме того, генерал сообщил мне, что тучи сгустились и над головой главнокомандующего сухопутными войсками, считавшегося естественным преемником Бломберга. По его словам, дело это очень деликатное, и разглашать его содержание он не имеет права.

В последующие дни я редко виделся с Беком. Вероятно, он целыми днями был занят решением вопросов, связанных с делом Фрича. Попасть на прием к последнему также не удавалось, все аудиенции были отменены без объяснения причин.

Лишь 3 или 4 февраля меня вызвали к Беку. С нескрываемым волнением он сообщил мне следующее: главнокомандующий сухопутными войсками принял решение подать рапорт об отставке в связи с выдвинутым против него обвинением в гомосексуализме. По словам Бека, он не считает нужным объяснять мне, что, несмотря на имеющиеся в распоряжении Гитлера документы, содержащие обвинения в адрес Фрича, все это является не чем иным, как гнусной клеветой на главнокомандующего сухопутными войсками. Он также проинформировал меня, что рапорт об отставке уже принят и что вместо Фрича назначен генерал-полковник фон Браухич.

Бек сообщил мне и о других изменениях в руководстве сухопутных войск. В частности, был отправлен в отставку начальник управления кадров и два подчиненных ему начальника отдела. Новым начальником управления кадров назначен младший брат генерала Кейтеля. Были уволены также несколько командиров армейских корпусов и инспекторов родов войск. А еще я узнал от Бека о моем собственном увольнении с должности 1 -го обер-квартирмейстера и о назначении меня командиром 18-й дивизии в Лигнице. На мое место в Генеральном штабе был назначен генерал Галь- дер. Бек выразил свое возмущение по поводу того, что моя отставка и назначение моего преемника не были согласованы с ним. Он также сообщил мне, что Гитлер намерен выступить перед командующими армиями, командирами армейских корпусов и начальниками управлений имперского военного министерства для того, чтобы проинформировать их о

причинах увольнения генералов Бломберга и Фрича. Были приглашены и все обер- квартирмейстеры Генерального штаба.

Выступление Гитлера состоялось 4 февраля в помещении имперской канцелярии. Генерал-полковник фон Браухич впервые участвовал в этом совещании в своем новом качестве главнокомандующего сухопутными войсками. Присутствовали также отправленные в отставку генералы. Все присутствующие были чрезвычайно взволнованы. Гитлер появился в сопровождении нового верховного главнокомандующего вермахта генерала Кей- теля и трех главнокомандующих видами вооруженных сил. Геринг держал в руках маршальский жезл, полученный им в награду за его участие в грязной интриге. Что касается Гитлера, то он был бледен и выглядел уставшим.

Фюрер начал с рассказа о причинах отставки Бломберга и при этом подчеркнул, что бывший военный министр был назначен на этот пост не им, а президентом Гинденбургом. Тем не менее Гитлер, по его собственным словам, питал к нему полное доверие, которое тот, к сожалению, не оправдал. Он пригласил его, Гитлера, и Геринга на свою свадьбу в качестве свидетелей и сообщил им только о том, что его будущая супруга происходит из простой семьи. За это, по словам фюрера, к нему, разумеется, не могло быть никаких претензий с позиций национал-социализма. Теперь, однако, выяснилось, что супруга имперского военного министра ранее в течение некоторого времени состояла на учете в полиции. Само собой разумеется, что при данных обстоятельствах Бломберг не мог больше оставаться на своем посту. В заключение Гитлер назвал историю с Бломбергом «самым большим разочарованием в своей жизни».

Затем фюрер перешел к вопросу о судьбе генерал-полковника фон Фрича. По его словам, он до последнего момента считал решенным вопрос о назначении Фрича вместо Бломберга. Однако совсем недавно он познакомился с документами, из которых следовало, что Фрич уличен в гомосексуализме. Согласно утверждению Гитлера, он уже получил однажды аналогичную информацию о Фриче, но тогда он с возмущением отверг ее как гнусную клевету. Теперь же, после истории с Бломбергом, он, Гитлер, не хочет больше рисковать и вынужден дать ход этому делу, тем более, что на этот раз у него имеются документальные свидетельства вины Фрича. В подтверждение своих слов Гитлер зачитал нам несколько выдержек из этих документов. Фюрер также подчеркнул, что находящийся при нем специальный представитель вермахта полковник Хоссбах нарушил его категорический запрет и заранее сообщил генералу Фричу об имеющихся в отношении него подозрений. Затем состоялась

встреча Фрича с Гитлером, в ходе которой последний ознакомил главнокомандующего сухопутными войсками с компрометирующими его документами[15].

По словам фюрера, он ожидал, что генерал- полковник Фрич швырнет эти документы ему под ноги. Вместо этого Фрич заявил, что он не в состоянии дать каких-либо объяснений по существу выдвинутых против него обвинений, и лишь предположил, что поводом для них мог стать тот факт, что он по просьбе благотворительных организаций приютил у себя на время двух членов гитлер- югенда, испытывавших материальную нужду. Гитлеру слова Фрича показались недостаточно убедительными[16], и он отправил полученные им материалы для проверки в министерство юстиции. После этого фюрер зачитал нам полученное им за подписью имперского министра юстиции экспертное заключение, из которого следовало, что имеющиеся улики делают неизбежным возбуждение уголовного дела в отношении генерала Фрича. По словам Гитлера, в сложившейся обстановке ему не оставалось ничего другого, как отстранить главнокомандующего сухопутными войсками от занимаемой должности и отдать его под суд. Членами суда он назначил главнокомандующих тремя видами вооруженных сил вермахта.

В заключение своей речи Гитлер обратил наше внимание на то, что интересы рейха и вермахта требуют сохранения в тайне информации о причинах увольнения обоих генералов. По словам фюрера, разглашение этих сведений могло бы причинить непоправимый ущерб государству и армии. В связи с этим он решил в целях маскировки провести одновременно ряд перестановок в высшем военном руководстве страны, а также объявить во всеуслышание о необходимости сосредоточения военного и политического руководства страной в одних руках. В подтверждение своих слов Гитлер сообщил нам о том, что он принимает на себя функции верховного главнокомандующего вермахта. Им также отданы распоряжения о замене некоторых высших военных и дипломатических чиновников, а также об освобождении от занимаемой должности министра иностранных дел и о создании под председательством последнего «тайного совета при имперском правительстве». Фюрер также заверил нас в том, что он намерен и впредь заботиться о защите чести и достоинства вермахта.

Не требуется особой фантазии для того, чтобы представить себе, какое удручающее впечатление произвело выступление Гитлера на присутствовавших генералов. Для подавляющего большинства участников совещания, за исключением немногих посвященных, услышанное явилось полной неожиданностью.

Во всем, что касалось «Дела Бломберга», разобраться было сравнительно нетрудно. Ведь речь шла не только о браке высшего представителя немецкого вермахта, который был заключен в нарушение всех морально-этических норм, принятых как в военной среде, так и в обществе в целом. Не менее прискорбным был и тот факт, что Бломберг обманным путем добился присутствия на его свадьбе в качестве свидетеля самого главы государства и тем самым поставил последнего в крайне двусмысленное положение. Легко представить себе, какое унижение пришлось пережить офицерскому корпусу, когда он узнал о том, что политический руководитель, каковым являлся Гитлер, выступил в роли защитника чести и достоинства вермахта.

Именно в таком состоянии справедливого возмущения действиями бывшего имперского военного министра и глубокой озабоченности по поводу возможных негативных последствий «дела Бломберга» для единства и сплоченности офицерского корпуса нас и застигли обвинения, выдвинутые против генерала Фрича. Я уверен, что ни один из присутствовавших на совещании генералов и адмиралов ни на секунду не допускал мысли о том, что в них есть хоть доля правды. Про себя лично могу сказать, что в тот момент, когда Гитлер закончил изложение обстоятельств «дела Фрича», я был готов бросить саблю под ноги фюреру и крикнуть ему, что все сказанное им — гнусная ложь. К сожалению, у меня не хватило мужества для такого поступка, о чем я сейчас искренне сожалею. Почему я промолчал? С одной стороны, меня удержала на месте мысль о необходимости почтительного отношения к главе государства. С другой стороны, я понимал, что, кроме веры в честность и порядочность моего начальника, я в тот момент ничего не мог противопоставить выдвинутым против него обвинениям. Привычка повиноваться и здравый смысл одержали победу над чувством. К тому же у меня практически не было времени как следует обдумать все сказанное, так как Гитлер покинул зал сразу после окончания своей речи.

Полагаю, что аналогичные мысли возникли в то время у многих моих сослуживцев. Все мы были еще парализованы информацией о подлом поступке генерала Бломберга. И когда Гитлер заявил, что после истории с военным министром он готов поверить чему угодно, в том числе и упрекам в адрес главнокомандующего сухопутными войсками, нам трудно было что-то возразить на это. Вместе с тем было очевидно, что характер обвинений, выдвинутых против Фрича, не позволяет опровергнуть их одними только ссылками на нашу уверенность в

его невиновности. И дело тут было вовсе не в недостатке личного мужества, якобы помешавшем нам вступиться за своего начальника, а прежде всего в нашей беспомощности и безоружности перед той подлостью и низостью клеветников, масштабы которой не укладывались у нас в голове. Мы вполне могли допустить, что некие темные личности из окружения Гиммлера могли ввести Гитлера в заблуждение. В то же время мы никак не могли себе представить, что сам Гитлер мог стать инициатором этой грязной интриги. Этим можно объяснить то обстоятельство, что не последовало никакой спонтанной реакции генералитета на клевету в адрес Фрича. Мы были твердо уверены в том, что назначенный Гитлером и поддержанный самим Фричем судебный процесс продемонстрирует абсолютную беспочвенность всех обвинений и повлечет за собой полную реабилитацию генерала.

Суд над генералом Фричем начался с некоторым опозданием. По вполне понятным причинам о ходе слушаний по делу официально ничего не сообщалось. Насколько мне известно, только Бек регулярно получал информацию из зала суда. Он предпринимал все от него зависящее для того, чтобы собрать материалы, которые могли быть использованы для опровержения показаний «свидетеля обвинения».

Неоценимую помощь в этом деле оказал Беку шеф абвера адмирал Канарис, который был, пожалуй, наиболее подходящим человеком для разоблачения интриг Гиммлера и его пособников. С его помощью удалось доказать лживость показаний «свидетеля обвинения». Теперь исход процесса был предрешен! К сожалению, в связи с присоединением Австрии процесс был прерван и завершился лишь через некоторое время полным оправданием генерал-полковника фон Фрича.

«Реабилитация»

По окончании процесса встал вопрос о реабилитации бывшего главнокомандующего сухопутными войсками в глазах общественности. Однако Гитлер всячески оттягивал эту неприятную для него процедуру. Когда же она наконец состоялась, стало ясно, что до полной реабилитации Фрича Дело так и не дошло. Мы понимали, что для этого нужно было не просто вернуть генералу его доброе имя, но и, как минимум, восстановить Фрича в занимаемой им ранее должности, а может быть, и назначить его верховным главнокомандующим вермахта. Однако ни то ни другое сделать уже было практически невозможно, так как ни о каком возобновлении доверительных отношений между невинно пострадавшим генералом и Гитлером

не могло быть и речи, что, в частности, подтверждат и сам Фрич.

Новому главнокомандующему сухопутными войсками генерал-полковнику Браухичу пришлось долго уговаривать Гитлера, прежде чем тот исполнил свой долг по отношению к Фричу. К Браухичу присоединились и многие другие генералы, которые требовали, кроме того, найти и строго наказать истинных виновников этого скандала.

13 июня 1938 года Гитлер собрал на совещание тех же офицеров и генералов вермахта, перед которыми он в свое время выступил с обвинениями в адрес Фрича. Он велел председателю имперского военного трибунала зачитать оправдательный приговор вместе с его подробной мотивировкой. Затем Гитлер вновь с пафосом заговорил о тяжелом потрясении, которое он пережил в связи с историей Бломберга, и признал, что несколько месяцев назад он принял в отношении Фрича слишком поспешное и недостаточно продуманное решение.

По словам фюрера, вынесенный Фричу оправдательный приговор расставил все по своим местам, однако сложившаяся в связи с этим ситуация не стала после этого менее драматичной. Дело в том, что ранее он, Гитлер, во всеуслышание объявил об отставке генерал-полковника по состоянию здоровья. Теперь он как глава государства не может позволить себе отменить принятое решение, не рискуя вызвать недоумение у народа. Все, что он мог сделать, так это написать Фричу письму с выражением глубокого удовлетворения по поводу оправдательного приговора. Кроме того, он решил публично засвидетельствовать свое уважение к бывшему главнокомандующему сухопутными войсками, назначив его почетным командиром 12-го артиллерийского полка, которым Фричу в свое время уже приходилось командовать. Первоначально Гитлер, по его собственным словам, хотел объявить об этом назначении на заседании рейхстага, однако политическая обстановка не позволяет ему сейчас выступить перед депутатами. В заключение фюрер подчеркнул, что предположения о том, будто бы уголовное дело против Фрича было заведено по халатности или неведению государственных чиновников, лишены всяких оснований. Истинных виновников следует, по его словам, искать среди нерадивых чиновников низшего звена, направивших следствие по ложному пути. Гитлер также заверил присутствующих в том, что история, подобная той, которая случилась с Фричем, больше не повторится.

Причины неспособности армии отразить удар

Сухопутные войска, их офицерский состав и, прежде всего, генералитет нередко упрекают в том, что они, во-первых, не смогли понять истинное значение нанесенного по ним 4 февраля 1938 года коварного и подлого удара, который лишь внешне был направлен только против их тогдашнего главнокомандующего, а во-вторых, ничего не смогли или не захотели противопоставить действиям высшего руководства рейха. Первый из этих упреков, к сожалению, является вполне справедливым. Получив удар исподтишка, мы действительно не осознали его смысл и значение, прежде всего потому, что по своему происхождению и воспитанию мы не были готовы к тому, чтобы поверить в способность властей к такого рода циничным и отвратительным акциям. Похоже, что даже сам Фрич, по крайней мере, сначала, верил в то, что он стал жертвой интриги, инспирированной Гиммлером. Было бы, однако, весьма опрометчиво делать из нашей неспособности понять истинный смысл происходившего и оказать сопротивление властям далеко идущие выводы относительно нашего обучения и воспитания, в результате которого мы будто бы превратились в «бездушных и бессердечных военных специалистов». Давайте задумаемся над тем, каким должно оыло быть наше воспитание, чтобы мы умели безошибочно распознавать направленные против нас интриги и могли решительно противостоять им. Разве в результате такого воспитания мы сами не превратились бы в самых настоящих интриганов? Что же касается нашего сопротивления действиям властей, то следует напомнить каждому, кто ждал его от нас, следующее: всякий, кто готов хоть однажды допустить мятеж, неизбежно будет допускать его и во всех остальных случаях. Но ведь именно дисциплина и субординация составляют основу любого государства!

Так что же могли и должны были сделать сухопутные войска для того, чтобы отстоять честь и достоинство своего главнокомандующего, судьба которого была неразрывно связана с судьбой его подчиненных?

Фрич решительно отверг идею мятежа против законной власти. Принять эту идею ему помешало осознание им своей ответственности перед государством, которая не позволяла ему использовать свое детище для защиты его личных интересов. Генералы с пониманием отнеслись к такой позиции своего начальника, так как и они не допускали мысли о том, чтобы поставить на карту плоды своего многолетнего труда по обучению и воспитанию немецких солдат. Слишком уже велик был тогда риск распада вермахта, с которым были связаны все надежды на безопасность страны. Наконец, любой мятеж всегда

потенциально содержит в себе угрозу гражданской войны.

Остается еще вопрос о том, можно ли было с помощью решительных и сплоченных действий генералитета добиться более полноценной реабилитации Фрича и выявления и наказания истинных виновников этого скандала. Нельзя исключить, что в этом случае Гитлер пошел бы сначала на кое-какие уступки и пожертвовал бы некоторыми второстепенными фигурами, однако сделал бы это только для того, чтобы выиграть время и затем постепенно избавиться от наиболее враждебно настроенных против него генералов. Вместе с тем достаточно велика была и вероятность того, что Гитлер с его диктаторскими замашками отказался бы пойти на попятную. В этом случае неизбежно встал бы вопрос о принуждении его к этому силой. Но ведь это означало бы попытку государственного переворота! Кто мог тогда поручиться, что переворот, совершенный по известному поводу, будет поддержан народом именно в 1938 году, т. е. как раз в то время, когда после успешного присоединения Австрии к рейху Гитлер стал народным героем или, по крайней мере, казался таковым?

Увы, в те годы не только мы, немецкие солдаты, но и весь немецкий народ были не в состоянии распознать истинный характер национал-социалистского режима.

В конце этой главы хотелось бы сказать несколько слов о себе. Как говорилось выше, 4 апреля в связи с увольнением генерал-полковника фон Фрича был произведен и ряд других перестановок в руководстве сухопутных войск. Перечень офицеров, которых коснулись эти перестановки, был, вероятно, согласован с генерал-полковником фон Браухичем. Поскольку Гитлер вряд ли что- нибудь знал обо мне, даже несмотря на мои довольно натянутые отношения с функционерами НСДАП в период моего пребывания в должности начальника штаба 3-го военного округа, то мне оставалось только считать, что своим переводом по службе я был обязан Бломбергу или Кейтелю[2]. Обоим я был хорошо известен как преданный сторонник генерал-полковника фон Фрича и генерала Бека и, скорее всего, не устраивал новых руководителей вермахта своей приверженностью идее ведущей роли ОКХ по отношению к ОКВ. Впрочем, и без этого меня рано или поздно перевели бы со штабной службы в войска.

Как ни рад я был сменить работу за письменным столом на службу в должности командира дивизии, я все же искренне переживал расставание с моими почтенными начальниками и учителями Фричем и Беком. К тому же мое новое назначение стало довольно заметной переменой в моей военной карьере.

Находясь до недавнего времени в должности 1-го обер-квартирмейстера и заместителя начальника Генерального штаба, я вполне мог рассчитывать на то, чтобы когда-нибудь стать начальником Генерального штаба. Еще генерал фон Хаммерштейн считал такую возможность вполне реальной, да и генерал Бек намекнул на это в своей речи по случаю моего перевода на новую должность. Теперь со всеми этими планами было покончено. И все же мне было приятно сознавать, что очередной переменой в моей карьере я был обязан тому, что являлся верным соратником Фрича и Бека в их защите интересов сухопутных войск и отстаивании своих взглядов.

Однако значительно важнее, чем любые перемены в служебной карьере, в тот период, как оказалось, было то, что в результате удара, нанесенного Гитлером по командованию сухопутных войск, и принятия фюрером на себя функций верховного главнокомандующего вермахта были устранены последние препятствия на пути, который вел к развязыванию в ближайшем будущем агрессивной войны, что никогда не входило и не могло входить в планы главного командования сухопутных войск.

Присоединение Австрии к Германии

После того, как я 4 февраля 1938 года был освобожден от должности 1-го обер-квартирмейстера Генерального штаба сухопутных войск, моя деятельность в ОКХ закончилась не сразу. Начальник Генерального штаба генерал Бек настоял на том, чтобы я еще в течение некоторого времени находился в его распоряжении, чтобы, во-первых, ознакомить нового главнокомандующего сухопутными войсками генерал-полковника фон Браухи- ча с нашими наработками по планам выдвижения и развертывания войск и с предложениями по дальнейшему развитию сухопутных войск и строительству фортификационных сооружений, и, во- вторых, попытаться убедить нового главкома в правильности наших предложений по структуре высших органов военного управления, тех самых, о которых речь шла выше.

Ни я, ни Бек тогда еще знали о предстоящих внешнеполитических акциях Гитлера. Нам обоим было понятно, что рассчитывать на сухопутные войска при проведении таких акций тогда еще было нельзя. Во исполнение воли генерал-полковника фон Фрича мы при любой возможности напоминали об этом руководству вермахта. Похоже было, что и Гитлер до поры до времени разделял нашу точку зрения. О совещании,

состоявшемся 5 ноября 1937 года в имперской канцелярии, на котором Гитлер проинформировал имперского министра иностранных дел, военного министра и главнокомандующих тремя видами вооруженных сил о своих планах в отношении Чехословакии, я тогда еще не знал. Думаю, что Беку было известно об этом со слов главнокомандующего сухопутными войсками. И все же я склонен считать, что и Бек, и участники вышеупомянутого совещания у Гитлера не отнеслись к высказываниям фюрера, которые он к тому же сам назвал своим «завещанием», как к планам, рассчитанным на ближайшее будущее. В то время как Гитлер говорил о возможности решения чехословацкого вопроса «при наличии для этого благоприятных предпосылок», мы, в свою очередь, не могли не понимать, что рассчитывать на появление таких «предпосылок» в ближайшее время не приходилось. К примеру, весьма маловероятной представлялась тогда возможность вступления Италии в войну с Францией и Англией на Средиземном море, что способствовало бы сковыванию части сил этих держав. Точно так же трудно было ожидать, что внутриполитические трудности, переживаемые Францией, настолько парализуют последнюю, что у Гитлера окажутся развязанными руки для выступления против Чехословакии. Когда же Гитлер заговорил о необходимости быть готовыми к другому варианту решения данной проблемы, предусматривавшему нападение на Чехословакию не позднее 1943 — 1945 годов, к его словам также нельзя было относиться слишком серьезно, поскольку речь шла о событиях, до которых оставалось еще целых 5 — 7 лет. Вот почему, я думаю, генерал Бек, при всей его давней озабоченности непредсказуемостью политики Гитлера, не счел нужным проинформировать своих сотрудников о совещании в имперской канцелярии, не говоря уже о том, что он просто не имел права делать этого.

Конечно, все мы уже привыкли к любым сюрпризам Гитлера. Однако мы никак не могли рассчитывать на то, что фюрер, вопреки своим недавним высказываниям, сначала займется решением австрийского вопроса, и тем более на то, что при полном отсутствии тех благоприятных предпосылок, о которых он сам говорил, Гитлер уже в самом ближайшем будущем возьмется за решение чехословацкой проблемы.

В понедельник 7 марта 1938 года начальник Генерального штаба, в отсутствие главнокомандующего сухопутными войсками, был неожиданно вызван к 11 часам дня в имперскую канцелярию на аудиенцию к Гитлеру. При этом ему намекнули, что речь пойдет об Австрии. Я должен был сопровождать генерала Бека.

Гитлер принял нас в присутствии генерала Кей- теля и сразу

перешел к делу. Он поставил нас в известность о том, что обстоятельства вынуждают его вмешаться в события, происходящие в Австрии. По словам фюрера, первоначально он планировал решить вопрос о присоединении Австрии к Германии несколько позже, чему способствовало, в частности, подписание в Берхтесгаде- не известного соглашения с австрийским федеральным канцлером Шушнигом. Однако теперь, после того, как Шушниг вчера объявил о назначении плебисцита, он вынужден действовать немедленно. По мнению Гитлера, в сложившейся обстановке ни о каком свободном волеизъявлении австрийского народа на плебисците не может быть и речи. К тому же за неделю, которая осталась до плебисцита, австрийцы, как считал фюрер, просто не успеют определиться со своим выбором. Налицо попытка Шушнига навязать народу свою волю.

Затем Гитлер перешел к международной обстановке. По его мнению, во всем, что касается отношений между Германией и Австрией, можно исходить из желания подавляющего большинства населения Австрии объединиться с Германией. Поэтому можно не опасаться сопротивления австрийского народа и его армии возможному вводу немецких войск в Австрию.

Гитлер также сообщил, что он считает маловероятной попытку Франции и Великобритании помешать ему осуществить его планы. По мнению фюрера, этим странам, а также Чехословакии придется смириться со свершившимся фактом. В отношении последней Гитлер был намерен выступить со специальным успокоительным заявлением. Что касается Советского Союза, то, по мнению фюрера, угроза с его стороны является еще менее вероятной, по той простой причине, что у русских нет общих границ ни с Германией, ни с Австрией, а Польша не пропустит советские войска через свою территорию. Наконец, самой Польши опасаться также не приходится, потому что у него, Гитлера, есть надежный договор с этой страной.

Как ни странно, наибольшую озабоченность Гитлера вызывала позиция Италии. Несмотря на недавнее сближение между двумя странами, происшедшее после устранения имевшихся между ними разногласий по поводу итало-эфиопской войны, а также на сотрудничество Италии и Германии в Испании, фюрер не был до конца уверен в лояльности Муссолини в случае присоединения Австрии. Короче говоря, Гитлер опасался возникновения помех для осуществления своих ближайших планов только с этого, совершенно неожиданного для нас направления.

Анализ обстановки, который мы услышали от Гитлера, был довольно полным и по-своему логичным. Это был первый случай,

когда я встретился с Гитлером в узком кругу его приближенных. У меня впервые появилась возможность увидеть его не в роли народного трибуна, а в качестве трезвого и вполне уравновешенного политика. Должен признаться, что выступал он довольно убедительно, не говоря уже о том, что высказанные им в ходе этой встречи прогнозы полностью оправдались.

В конце своего выступления Гитлер потребовал от нас предложений по численности и составу сил и средств, необходимых для ввода в Австрию, и заявил, что ввод войск при любых обстоятельствах начнется утром в субботу 12 марта, накануне организованного Шушнигом псевдоплебисцита.

Предложения, с которыми Бек после короткой беседы со мной обратился к Гитлеру, сводились к следующему: несмотря на чрезвычайно малую вероятность сопротивления народа Австрии и австрийской армии вводу немецких войск, нужно было все же считаться с попытками вмешательства в этот процесс со стороны соседей Австрии, прежде всего Италии и Чехословакии. В связи с этим Бек считал необходимым задействовать в данной операции достаточно мощные силы, численность которых должна была оказать отрезвляющее воздействие на наших потенциальных противников и удержать их от вооруженного вмешательства в наши действия, пусть даже и только с целью заявить о своих претензиях на участие в окончательном урегулировании ситуации.

Было предложено создать временное командование группы войск и подчинить ему два баварских армейских корпуса, а также 2-ю танковую дивизию, расквартированную в Вюрцбурге. Гитлер согласился с нашим предложением. Немного позднее он распорядился включить в состав временной группировки несколько частей войск СС и некоторые части 16-го армейского корпуса.

Значительно труднее было добиться от Гитлера согласия на отмобилизование корпусов, предназначенных для ввода в Австрию. Похоже было, что это не устраивает его прежде всего по политическим соображениям. Однако Бек и я категорически настаивали на своем требовании, обосновывая его тем, что вероятность возникновения международных осложнений все же нельзя исключить полностью. В случае невыполнения данного требования немецкие части могли бы оказаться в таком же беспомощном положении, в каком оказались в 1870 году неотмобилизованные соединения и части французской армии, оборонявшие границу.

Ввиду того, что ввод войск был назначен уже на 12 марта, нам нужно было иметь на руках приказ о приведении войск в

боевую готовность не позднее 16 часов, с таким расчетом, чтобы командиры частей и соединений могли в оставшееся время изготовиться к маршу и выдвинуться к границе. И хотя, судя по его реакции, Гитлеру не очень понравилось назначенное нами время, он тем не менее пообещал своевременно известить нас о своем решении. Бек и я тем временем приступили к спешной разработке приказа на выдвижение и развертывание войск, поскольку никаких наработок на этот непредвиденный случай у нас еще не было.

О том, как проходил ввод войск, хорошо известно. Повсюду наших солдат с восторгом встречало население и австрийские войска, наши части маршировали по дорогам, буквально усыпанным цветами. Нет никакого сомнения в том, что подобный прием не был результатом давления на народ и армию со стороны австрийских нацистов, а являлся отражением истинного отношения к вводу немецких войск. Данный вывод и сегодня можно считать справедливым, даже несмотря на то, что в дальнейшем отношение австрийцев к немецкой армии заметно изменилось к худшему.

После того, как на следующий день после начала ввода войск стало ясно, что ни в самой Австрии, ни на международной арене нам не грозят никакие осложнения, я предложил главнокомандующему сухопутными войсками лично отправиться в Австрию. Я считал, что только его присутствие в войсках сможет удержать Гиммлера и Геринга от действий, которые не отвечали бы интересам сухопутных войск.

В ходе короткой аудиенции у Гитлера, который, в отличие от Кейтеля, сразу одобрил наше предложение, мы проинформировали фюрера о намерении немедленно заняться в Австрии вопросами включения частей и соединений австрийской армии в состав вермахта и вскоре вылетели в Вену, где мы воочию убедились, сколь велико было ликование народа по поводу последних событий. И уж тем более никакими словами нельзя передать тот восторг, с которым Вена приветствовала прибывшего в столицу Гитлера. Апогеем празднеств стал большой военный парад 15 марта с участием Гитлера, мимо которого в парадном строю маршировали не только немецкие, но и австрийские части. В первых рядах парадного расчета шествовал гвардейский батальон «Дольфус».

Вскоре в помещении министерства национальной обороны Австрии генерал-полковник фон Браухич и я начали переговоры с руководителями австрийской армии о деталях предстоящего слияния наших войск. В комнатах, в которых проходили наши встречи, буквально витал дух великих австрийских и австро-

венгерских полководцев. И вот теперь их преемникам предстояло добровольно отказаться от своей самостоятельности и раствориться в значительно более многочисленной, хотя и дружественной армии. Браухич и я не были бы солдатами, если бы мы не смогли понять связанных с этим чувств и переживаний наших австрийских собратьев, которые, впрочем, ни на минуту не сомневались в политической целесообразности присоединения Австрии к Германии. Мы всячески стремились к тому, чтобы, не оскорбляя чести и достоинства наших будущих сослуживцев, наладить с ними честное и равноправное взаимодействие в рамках единой армии. Ни о каком «насаждении прусского духа и прусских военных традиций» не могло быть и речи.

Слияние и интеграция наших армий происходили сравнительно легко в силу целого ряда разнородных причин. Наиболее важная из них заключалась в том, что после окончания первой мировой войны австрийские сухопутные войска старались во многом брать пример с рейхсвера, а в последующем и с вермахта. К сожалению, австрийским частям и соединениям в составе вермахта пришлось на первых порах во многом довольствоваться ролью «несчастной Золушки» ввиду того, что катастрофическое положение австрийской экономики очень долго не позволяло правительству финансировать свою армию так, как она того заслуживала. Нехватка средств губительно отразилась на уровне боевой подготовки австрийских войск, моральный дух их солдат был чувствительно подорван мизерными окладами, которые выплачивались всем, начиная от простого солдата и кончая генералом. Оказавшись в составе вермахта, австрийские солдаты почувствовали, что перед ними вновь открывается перспектива проявить себя и принести пользу государству. Мне генерал-полковник Браухич поручил разработку проекта новой организационной структуры австрийской армии, с которой он хотел еще в Вене ознакомить своих австрийских коллег.

После отставки правительства Шушиига новым главнокомандующим сухопутными войсками Австрии был назначен генерал Ангелис. Он и другие генералы командования сухопутных войск с полным пониманием относились к выполнению нашей общей задачи.

Я стремился к тому, чтобы предоставить австрийскому контингенту ровно столько самостоятельности, сколько можно было позволить без ущерба для интересов рейха. К примеру, у нас не было никакой возможности сохранить министерство сухопутных войск Австрии, однако я считал целесообразным сформировать в Вене временный филиал нашего Генерального штаба, который занимался бы вопросами интеграции австрийской

армии в вермахт. Мне казалось, что в этом случае этот весьма болезненный процесс будет протекать более гладко, чем если бы все руководство осуществлялось непосредственно из Берлина. Было весьма нежелательно наводнять Вену бесчисленными начальниками отделов и референтами всех мастей из Германии, которым, скорее всего, было бы некогда думать о том, как пощадить чувства легко ранимых австрийцев. Одновременно я был занят решением еще одной проблемы, связанной с присоединением Австрии. Дело в том, что теперь у рейха появились три новые границы: с Италией, Югославией и Венгрией. Было совершенно очевидно, что в Вене лучше, чем в Берлине, были знакомы с проблемами охраны этих границ. Ведь для частей и подразделений, занятых охраной границ, важную роль играет не только хорошее знание имеющихся на ней укреплений и наиболее вероятных направлений выдвижения и сосредоточения войск противника, но также национального состава и настроения населения по ту сторону границы, в том числе национальных меньшинств, и ряда других приграничных проблем.

Что касается реорганизации частей и соединений австрийской армии, то я предложил создать на территории страны два командования армейских корпусов, в состав которых могли бы войти четыре дивизии, сформированные на базе семи уже имеющихся бригад австрийской армии. По одной дивизии от каждого корпуса предлагалось разместить вблизи границы с Чехословакией, и еще по одной — у границ с Италией и Югославией. Мне казалось очень важным, чтобы оба командования были одинаково заинтересованы в защите всех трех границ. Браухич одобрил мои предложения, да и австрийской стороной они были восприняты вполне благожелательно. Надо сказать, что благодаря конструктивному подходу к решаемым вопросам со стороны генерала Ангелиса и его соратников, а также тактичности и безграничному терпению генерала фон Браухича наша совместная работа быстро и довольно успешно продвигалась вперед.

После возвращения из Вены моя деятельность в командовании сухопутных войск на этот раз завершилась окончательно.

Судетская область и Чехословакия

Командир дивизии в Силезии

Когда я в конце марта 1938 года уезжал из Берлина, чтобы

вступить в командование 18-й дивизией в Лигнице, в ОКХ еще ничего не было известно о том, что Гитлер в самое ближайшее время займется решением чехословацкого вопроса.

Впервые за все время мы поселились на родине моей супруги в Силезии. Мы встретили здесь весьма сердечный прием и до самого конца моего пребывания в этом гарнизоне чувствовали себя в этих местах очень уютно. Моя супруга, которая провела здесь почти всю войну, пользовалась здесь всеобщей любовью и всегда могла рассчитывать на помощь и поддержку со стороны родственников и друзей. Впрочем, и мы, когда в январе 1945 года к границам Германии приближались русские войска, помогали им всем, чем могли.

Несмотря на довольно резкую перемену в моей жизни, связанную с переводом из высшего руководства сухопутных войск на должность командира дивизии, я довольно быстро освоился на новом месте и с энтузиазмом принялся за работу, о которой давно мечтал, тем более, что первое время работать здесь приходилось с раннего утра и до позднего вечера. Формирование 18-й дивизии, как, впрочем, и всех остальных новых дивизий сухопутных войск, еще не было завершено. Наряду с доукомплектованием частей и подразделений дивизии приходилось постоянно заниматься откомандированием некоторых из них в состав войск резерва главнокомандующего сухопутными войсками и на территорию Австрии. Из-за этого дивизия непрерывно находилась в стадии переформирования. Большая нагрузка выпала в этот период на командиров, непосредственно занимавшихся боевой подготовкой личного состава, прежде всего в связи с недавним продлением срока действительной военной службы до двух лет. Благодаря усердию и энтузиазму офицеров, унтер- офицеров и рядовых нам удалось успешно преодолеть все трудности. Я испытывал радость и гордость от того, что мне довелось командовать дивизией, с командным составом и офицерами штаба которой у меня сложилось полное взаимопонимание и наладилось плодотворное сотрудничество.

Когда началась война и мне пришлось оставить дивизию, единственным моим утешением было то, что я мог поручиться за каждого из моих сослуживцев, так как знал, что они успешно выполнят любую поставленную задачу. Во время польской кампании два самых первых «Рыцарских креста» достались офицерам моей дивизии. Да и в дальнейшем 18-я дивизия отлично зарекомендовала себя на разных фронтах. Войну дивизия заканчивала в Берлине и — после того, как там все закончилось — сумела вырваться из города и уйти на Запад.

Гордость, которую я испытываю по поводу того, что мне довелось командовать 18-й дивизией до войны, соседствует в моей памяти и в памяти моей супруги с глубокой печалью по поводу гибели нашего старшего сына Геро, воевавшего в составе этой дивизии.

Летом 1938 года ОКХ известило меня о том, что в случае конфликта с Чехословакией планируется назначить меня начальником штаба армии, которая будет сосредоточена на баварско-чехословацкой границе.

В это же время до меня дошла информация из Берлина о том, что генерал Бек в подготовленной им памятной записке решительно высказался против любых действий, которые таят в себе угрозу развязывания войны. И хотя я не видел эту памятную записку, мне было совсем нетрудно представить себе ее содержание благодаря моему длительному сотрудничеству с начальником Генерального штаба. Как известно, генерал-полковник фон Браухич, убедившись в совпадении точек зрения большинства высших руководителей сухопутных войск с точкой зрения генерала Бека, представил эту памятную записку на рассмотрение Гитлеру. Вместе с тем он не решился принять участие в подготовке по инициативе Бека коллективного меморандума генералитета верховному главнокомандующему вермахта. Впрочем, уже тогда было ясно, что никакой меморандум не заставит Гитлера отказаться от своих планов.

В большом письме от 21 июля 1938 года я попытался уговорить Бека не подавать в отставку, несмотря на разногласия с верховным главнокомандующим вермахта по чехословацкому вопросу. В частности, я писал Беку о том, что никто другой не сможет в сложившейся обстановке исполнять обязанности начальника Генерального штаба лучше, чем он. Кроме того, пользуясь случаем, я вновь затронул в этом письме вопрос о наиболее целесообразной структуре высших органов военного управления Германии. По моему глубокому убеждению, в немецкой армии тогда не было ни одного генерала, который, став преемником Бека, пользовался бы в сухопутных войсках таким же уважением и авторитетом, как его предшественник. Я написал об этом в письме к своему бывшему начальнику и добавил, что не только я, но и большинство других генералов рейха считают его человеком, чьи обширные знания, ум и воля крайне необходимы сухопутным войскам для успешного решения необычайно трудных задач, которые в самое ближайшее время могут быть поставлены перед немецкой армией.

В своем ответном, весьма лаконичном письме генерал Бек сообщил мне, что он по-прежнему не считает возможным для себя

разделять с высшим политическим руководством ответственность за ошибочные действия.

«Цветочная война»

В конце августа меня вызвали из Лигница на совещание в Оберзальцберг. Гитлер собрал там начальников штабов всех армий, которые планировалось использовать на первом этапе вооруженного конфликта. Как ни странно, на совещание не был приглашен начальник Генерального штаба сухопутных войск. Судя по всему, Гитлеру было известно о несогласии генералов из ОКХ и ряда других командующих соединениями и объединениями вермахта с его точкой зрения по чехословацкому вопросу и он решил попытаться найти общий язык с их начальниками штабов как представителями более молодого поколения.

Фюрер выступил перед нами с почти двухчасовой речью, в которой он изложил причины, побудившие его немедленно приступить к решению чехословацкого вопроса. К наиболее важным из них он отнес дискриминационные меры властей по отношению к немецкому национальному меньшинству и ту угрозу для Германии, которую будет представлять Чехословакия в случае войны. Далее он завел речь об общей военно-политической обстановке и, в частности, о том, что проблемы с перевооружением английской армии и внутриполитические трудности во Франции не позволят двум крупным европейским державам выступить на защиту Чехословакии. Гитлер также напомнил нам о дружественной позиции Муссолини, которую тот продемонстрировал во время присоединения Австрии к Германии, а также о том, что ни Польша, ни Венгрия не захотят помогать Чехословакии по той простой причине, что они сами претендуют на часть ее территории. По мнению фюрера, не следует ожидать и вмешательства в события со стороны Советского Союза, поскольку, во-первых, Красная Армия еще не оправилась от последствий недавней «чистки командного состава», и во-вторых, Польша не пропустит русские войска через свою территорию.

После окончания своего выступления Гитлер пригласил нас на чай, во время которого у нас появилась возможность высказаться. Надо полагать, что, услышав наши мнения, Гитлер понял, что и у представителей младшего поколения немецкого генералитета имеется немало возражений против политики, таящей в себе угрозу новой мировой войны. Наибольшему сомнению мы подвергли тезис фюрера о малой вероятности вмешательства в конфликт западных держав, прежде всего

Франции. И вот как раз в то время, когда Гитлер пытался с помощью различных контраргументов рассеять наши сомнения, произошел крупный скандал. Поводом для него стало заявление генерала фон Вигерсгейма, предназначенного для занятия должности начальника штаба группы армий на франко-германской границе, о неготовности «западного вала» к длительной обороне с применением имеющихся в его распоряжении ограниченных сил и средств. Услышав от генерала, что в случае войны тот сможет лишь несколько недель сдерживать наступление французской армии, Гитлер пришел в ярость. Суть его довольно резкого ответа Витерсгейму сводилась к тому, что «западный вал» можно очень долго оборонять от любого противника при условии, что «генералы будут такими же храбрыми, как мушкетеры».

После такой бурной реакции фюрера ни о каком продолжении спокойной беседы, разумеется, не могло быть и речи. Однако и того, что мы успели сказать, было вполне достаточно для того, чтобы Гитлер понял, что взгляды начальников штабов совпадали со взглядами их командующих.

Одним из результатов этого совещания яви-

лось то, что этот случай стал первым и последним в практике Гитлера, когда он после изложения перед более менее многочисленной аудиторией собственного видения обстановки и связанных с этим планов дальнейших действий позволил слушателям свободно обсуждать с ним какие-либо вопросы.

Дальнейший ход событий, связанных с разрешением судетского кризиса, хорошо известен. Сосредоточение армий на границе происходило строго по плану. Мы внимательно следили за развитием обстановки, прежде всего за ходом переговоров в Годесберге и Мюнхене. Мюнхенское соглашение не только избавило нас от угрозы войны на два фронта, но и позволило обойтись без штурма мощных пограничных укреплений, сооружением которых Чехословакия занималась последние несколько лет.

Капитуляция чехословацкого правительства перед Мюнхенским соглашением показала, что это созданное по горячим следам первой мировой войны и вопреки праву народов на самоопределение государство оказалось нежизнеспособным и не выдержало уже первой серьезной проверки на прочность.

Ввод войск в Судетскую область 1 октября 1938 года был с ликованием встречен немецким населением этой территории.

И только после того, как я в 1945/46 годах попал в следственную тюрьму в Нюрнберге, мне стало известно, что намерение Гитлера осенью 1938 года решить чехословацкий

вопрос навело тогдашнего начальника Генерального штаба генерала Гальдера на мысль использовать мощь и влияние сухопутных войск для предотвращения войны. Согласно замыслу Гальдера, сменившего на своем новом посту генерала Бека, Гитлер должен был быть арестован и отдан под суд по обвинению в попытке развязывания войны. Мне трудно судить о том, насколько велика была тогда вероятность удачного отстранения Гитлера от власти с целью предания его суду. Однако я уверен, что главные трудности возникли бы во время судебного процесса над диктатором. Ведь для того, чтобы предотвратить войну, необходимо было перейти к действиям заранее, еще в процессе нарастания политического кризиса. Но кто в таком случае смог бы опровергнуть утверждения Гитлера о том, что государственный переворот помешал ему в последний момент разрешить кризис мирным путем и тем самым не позволил принести свободу судетским немцам? И разве не могло случиться так, что Гитлер вышел бы из зала суда победителем, а побежденными оказались бы его генералы?

Всякий, кто захотел бы свергнуть Гитлера, должен был бы одновременно уничтожить и те главные опоры, на которых держалась его власть. Уж очень велика была вероятность того, что, будучи оставленным в живых, фюрер мог оказаться сильнее горстки генералов, которые в своих попытках предотвратить мировую войну поставили бы страну на грань гражданской войны, а может быть, и иностранной интервенции.

Наконец, что касается позиции войск по отношению к попытке государственного переворота, то я не думаю, что в то время удалось бы повернуть армию против Гитлера, не говоря уже о том, что в тогдашней немецкой армии едва ли нашлось бы много офицеров, которые рискнули бы поднять руку на своего верховного главнокомандующего. Как известно, лишь последующие трагические события побудили наконец в 1944 году большую группу офицеров, каждый из которых был, безусловно, человеком чести и долга, предпринять попытку отстранить главу государства от власти.

Как бы то ни было, Мюнхенское соглашение перечеркнуло все планы Гальдера. До войны дело не дошло. Гитлер вернулся в Берлин триумфатором, с лаврами освободителя судетских немцев и с договором о ненападении, заключенным с Великобританией! Чересчур осторожные генералы вновь оказались неправы.

Создание протектората Богемии и Моравии

После моего возвращения с «цветочной войны» я вновь занялся формированием и обучением войск. Поступавшие из

Берлина указания и запросы касались только этих вопросов. Ни о каких военных приготовлениях Гитлера не было слышно. Поэтому случилось так, что о событиях в период с 14 по 16 марта 1939 года я узнал из сообщений радио и газет. В походе на Прагу, к нашему величайшему удивлению, участвовали другие, в основном моторизованные части и соединения.

Создание протектората Богемии и Моравии и одновременное преобразование Словакии в независимое государство, дружественное рейху, стало апогеем внешнеполитических успехов Гитлера и одновременно переломным событием. Гитлеру вновь удалось решить все проблемы без единого выстрела, на этот раз, однако, с применением опасных средств. Весь остальной мир отнесся к изменению политической структуры Центральной Европы, которое незадолго до этого никто не мог себе и представить, довольно спокойно и не оказал Гитлеру никакого сопротивления, если не считать отдельных, порой довольно резких протестов отдельных стран и некоторых политических деятелей. И все-таки эти события не прошли бесследно, весь мир наконец-то насторожился. Если бы у Гитлера была такая мать, как у Наполеона 1, то она, вероятно, сказала бы: «Pourvu que cela dure!». Как бы то ни было, немецкий народ и его армия были тогда в восторге от того, что произошло долгожданное объединение Центральной Европы. В восторге настолько сильном, что он не позволял нам всерьез задуматься над методами, которыми пользовался Гитлер для достижения своих политических целей. И тем не менее кое- какие, пока еще очень слабые сомнения в миролюбии внешней политики Германии начали проникать в сознание наиболее дальновидных зарубежных политических лидеров. В ряде стран, не решившихся прийти на помощь Чехословакии, наблюдалось некоторое отрезвление, выразившееся в форсировании мероприятий по укреплению их обороноспособности. Короче говоря, больше уже нельзя было рассчитывать на то, что западные державы будут и впредь сложа руки наблюдать за экспансионистскими устремлениями Германии.

До сих пор Гитлер мог в оправдание своих внешнеполитических требований ссылаться на право народов на самоопределение, как это произошло, например, в марте 1939 года при возврате Германии Мемельской области, входившей в состав Литвы. Однако присоединение к рейху остальной территории Чехословакии являлось как раз нарушением этого неотъемлемого права народов, сколько бы Гитлер ни ссылался на якобы достигнутое соглашение по данному вопросу. Осуществив эту акцию, диктатор не только показал всему миру свое истинное

лицо, но и лишил себя морального права в будущем, например при урегулировании проблемы Данцигского коридора, воспользоваться этим привычным оправданием. Однако наибольшее беспокойство вызывало то обстоятельство, что наш глава государства нарушил данное слово. По случаю подписания Мюнхенского соглашения Гитлер уверенно заявил, что теперь, после урегулирования Судетского кризиса, у него больше нет территориальных претензий. Приходится только удивляться тому, что западные державы поверили фюреру. Разве они не знали, что в срочном решении нуждается еще и проблема Данцигского коридора? Как бы то ни было, Гитлер пожертвовал добрым именем Германии, когда он под явно надуманным предлогом — обращение президента Чехословакии за помощью — провел очередную внешнеполитическую акцию.

Бисмарк однажды произнес примерно следующую фразу: В приличном обществе обычно можно простить любому человеку многие поступки, совершать которые неприлично. И только одного нельзя прощать никому — лжи и коварства. Но ведь именно так, т.е. лживо и коварно, и поступил Гитлер, нарушив Мюнхенское соглашение. Нельзя было не заметить, что тем самым он злоупотребил оказанным ему доверием, без которого невозможно мирное сосуществование народов. Правда, в истории большинства государств есть примеры нарушения политических обещаний. Немало подобных историй происходит и в наши дни. И все же Германия, находившаяся перед лицом многочисленных угроз, не должна была позволять себе такое ни тогда, ни потом. Бесцеремонность

Гитлера по отношению к Чехословакии, его переход от защиты права народов на самоопределение к нарушению этого права вызывали все более глубокую озабоченность не только у иностранных держав, но и у самих немцев. Теперь никто не мог поручиться за то, что фюрер не решится на дальнейшие территориальные приобретения.

Над Европой нависла вполне реальная угроза войны.

notes

Примечания

1

Положение увольняемых унтер-офицеров, чиновников, военных врачей и ветеринаров было более благоприятным вследствие наличия более широких возможностей для их трудоустройства. — Прим. автора.

2

26 января 1933 года барон фон Хаммерштейн обратился к Гинденбургу с просьбой не отправлять в отставку кабинет фон Шлейхера. Убедившись в том, что президент не намерен отказываться от своего решения, фон Хаммерштейн резко высказался против того, чтобы новое правительство формировал крайне непопулярный Папен. В сложившейся ситуации это означало, что, по мнению рейхсвера, канцлером должен стать Гитлер. Об этом свидетельствовала и реакция Гинденбурга. Он резко прервал генерала, сказав, что назначение канцлера — не его дело. — Прим. перев.

3

В сентябре 1879 года, после заключения очередного секретного союза с Австро-Венгрией, канцлер Германии Бисмарк в беседе с русским дипломатом графом Орловым бросил фразу, впоследствии ставшую знаменитой, — признание, что его мучает «кошмар коалиций». — Прим. перев.

4

Заискивание (лат.)

5

Граф Хельдорф, хотя и принадлежал к СА, понял губительность курса, проводимого Ремом. Он был назначен полицай-президентом Берлина, затем присоединился к участникам покушения на Гитлера 20 июля 1944 года и был казнен. — Прим. автора.

6

В то время еще не было известно, что пребывавший в своем имении в Восточной Пруссии имперский президент уже тогда страдал от болезни, которая через несколько недель стала причиной его смерти, и что Гитлер весьма односторонне информировал его о событиях 30 июня. — Прим. автора.

7

Следы устрашают! (лат.)

8

Противодействуй началам! (лат.)

9

Не тронь меня (лат.)

10

В 1815 году генерал-фельдмаршал Блюхер являлся главнокомандующим прусской армией, принимавшей участие в сражении при Ватерлоо. — Прим. перев.

11

Мольтке Хельмут Карл Бернхард (1800 - 1891), генерал-фельдмаршал (1871), в 1858 — 1888 годах начальник прусского (с 1871 года имперского) Генерального штаба. — Прим. перев.

12

Первый среди равных. (лат.)

13

В марте 1935 года, одновременно с введением всеобщей воинской повинности, германский рейхсвер был переименован в вермахт. - Прим. перев.

армия прикрытия (франц.)

15

При этом Гитлер умолчал о том, что он согласился встретиться с Фричем только благодаря настойчивости Хоссбаха, о чем впервые стало известно после выхода в свет воспоминаний последнего. — Прим. автора.

16

Позднее было установлено, что Кейтель и Йодль не просто участвовали в подготовке проекта приказа Гитлера от 4 февраля 1938 года, но и занимались его детальной проработкой. — Прим. автора.